Шкафъ 12
Полка 5
№ 575.
Проверено 1964 г.
-- МАЙ 2008

575

Императорскаго
Юридическій кабинетъ
С.-Петербургск. Университета

Шка

Пол

№

5. 3. 3.

575

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1872

КНИЖКА ПЕРВАЯ

ЯНВАРЬ

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ
С.-Петербургск. Университета.

Пробрсно 1948 г.

МОСКВА
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ — ЯНВАРЬ 1872.

I. — УСТАВЪ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. 7

II. — АДРЕСЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРЕДСѢДАТЕЛЮ В. Н. ЛЕШКОВУ. 11

III. — ОТВѢТЪ В. Н. ЛЕШКОВА ЮРИДИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ. 13

IV. — ПОЛОЖЕНІЕ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ЗА МѢСЯЦЪ. 15

V. — ОБСУЖДЕНІЕ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ВОПРОСОВЪ:

1) Имѣетъ-ли право мировой судья, постановившій заочный приговоръ, увеличить мѣру наказанія обвиняемому, при новомъ разбирательствѣ дѣла? 17

2) Общества желѣзныхъ дорогъ подходятъ ли подъ понятіе тѣхъ *„другихъ лицъ“*, о которыхъ говорится въ 15 ст. уст. угол. суд., и могутъ-ли иски, предъявляемые къ нимъ о вознагражденіи вреда, причиненнаго несчастіями, случающимися на желѣзныхъ дорогахъ, подлежать разсмотрѣнію уголовнаго суда, во время производства уголовнаго дѣла? 23

VI. — О ПРАВѢ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ, КАКЪ ОСНОВѢ ДЛЯ САМОУПРАВЛЕНІЯ.—**В. Н. Лешкова** . . . 46

VII. — ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО ОБЪ ОСВОБОЖДЕННЫХЪ АРЕСТАНТАХЪ. *(Съ франц.)*. — **Г. Г. Щуровскаго**. . . 74

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

VIII. — СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА:

1) Дѣло о крестьянахъ с. Телятинки, Богородицкаго уѣзда Тульск. губ., обвиняемыхъ въ неповиновеніи властямъ. 97

2) Дѣло о коллежскомъ регистраторѣ Александрѣ Ивановѣ Манъ, обвиняемомъ въ оскорбленіи должностнаго лица. 115

IX. — ЮРИДИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ МОСКОВСКОЮ СУДЕБНОЮ ПАЛАТОЮ. *(Продолженіе)*.—**Д. П. Тихомирова** 122

(см. на оборотѣ).

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

1872

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЯНВАРЬ

МОСКВА
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1872.

ВѢСТНИКЪ

РЕДАКЦІЯМЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЙ

ОТЪ

РЕДАКЦІИ ЮРИДИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА.

Въ истекшемъ 1871 году Редакціи нѣкоторыхъ журналовъ и газетъ высылали свои изданія въ обмѣнъ на нашъ журналъ, за что редакція Юридическаго Вѣстника приноситъ имъ нынѣ искреннюю благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше проситъ какъ высылавшія до сихъ поръ, такъ и остальныя Редакціи повременныхъ изданій высылать эти послѣднія и въ текущемъ 1872 году, начиная съ 1-хъ №№, такимъ-же образомъ въ обмѣнъ на Юридическій Вѣстникъ, адресуя въ Московское Юридическое Общество, въ зданіи Университета.

МОСКОВСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ

НА ЕГО ПИСЬМО ОТЪ 17 ФЕВРАЛЯ 1868 Г.

ОТВѢТЪ

ОТЪ СОЧЛЕНА В. Н. ЛЕШКОВА.

Сердечно благодарю Московское Юридическое Общество за высокую честь, которую оно мнѣ оказало назначеніемъ депутаціи изъ своихъ достойныхъ сочленовъ, для врученія мнѣ адреса, или письма Общества.

Свидѣтельствуюсь этими господами, достойными сочленами, въ томъ, что меня глубоко тронули заявленія Общества, — и его сочувствіе къ моему болѣзненному состоянію, и его сожалѣніе о томъ, что я принужденъ отказаться отъ званія предсѣдателя въ Обществѣ, и его признаніе посильныхъ трудовъ, которые мнѣ удалось выполнить на пользу Общества.

Но я уже не нахожу словъ для выраженія чувства, возбужденнаго во мнѣ сообщеніемъ о томъ, что Московскому Юридическому Обществу угодно было признать меня достойнымъ званія своего почетнаго члена, и мнѣ остается молить Бога, чтобы Онъ даровалъ мнѣ силы, способности и возможность доказать впослѣдствіи многоуважаемому Обществу, что я не буду даромъ втунѣ пользоваться титуломъ почетнаго члена, какъ я доселѣ носилъ не даромъ званіе предсѣдателя Общества, и что напротивъ я употреблю свои знанія, способности и усердіе на пользу всегда и горячо любимаго мною Московскаго Юридическаго Общества.

Въ заключеніе своего отвѣта, имѣя въ виду заключеніе письма ко мнѣ, позволяю себѣ обратиться къ Обществу съ предложеніемъ оказать столько же справедливости къ дѣятелямъ перваго времени своего существованія, сколько оно оказало снисходительности ко мнѣ, называя меня какъ бы единственнымъ, за послѣднее время, звѣномъ между Юридическимъ Обществомъ, съ одной стороны, и Московскимъ Университетомъ съ его юридическимъ факультетомъ, съ другой, тѣмъ болѣе что важныя незабвенныя заслуги, оказанныя Обществу, еще при его зарожденіи, другимъ извѣстнымъ членомъ и факультета и Общества, Сергѣемъ Ивановичемъ Баршевымъ, уже занесены въ исторію Общества.

ПОЛОЖЕНІЕ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ЗА МѢСЯЦЪ.

Въ теченіи января вновь выбаллотированы въ члены Юридическаго Общества:

24 января.

1. Платонъ Александровичъ Демидовъ, тов. прок. моск. окр. суда.
2. Петръ Васильевичъ Мясоѣдовъ, суд. слѣдов.
3. Николай Васильевичъ Баснинъ, пом. прис. пов.
4. Петръ Павловичъ Орлинскій, пом. прок. моск. военно-окр. суда.

31 января.

1. Дмитрій Аполлоновичъ Кучеровъ, канд. на суд. должн.
2. Николай Ивановичъ Бѣлюстинъ, членъ моск. окр. суда.
3. Александръ Михайловичъ Пальховскій, прис. стр. моск. коммерч. суда.
4. Иванъ Юліевичъ Некрасовъ, канд. юрид. наукъ.
5. Николай Михайловичъ Городецкій, прис. пов.

Итого. . . . 9

На приходъ Общества поступило въ январѣ членскихъ взносовъ:

1.	Отъ	М. А. Рюмина за 1871 и 1872 гг.	30 р.
2.	„	Ф. Б. Мильгаузена за 1871 г.	15 „
3.	„	С. С. Волкова за 1872 г.	15 „
4.	„	Ю. М. Мышковскаго за 1871 г.	15 „
5.	„	Д. П. Суходольскаго за 1872 г.	15 „
6.	„	П. П. Орлинскаго за 1872 г.	15 „
7.	„	Н. В. Баснина за 1872 г.	15 „

Итого въ январѣ поступило 120 р.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

10 мая 1871 года

Юридическое Общество имѣло обсужденіе по вопросу, предложенному дѣйствительнымъ членомъ В. И. Кохновымъ.

1. «Имѣетъ ли право мировой судья, постановившій заочный приговоръ, увеличить мѣру наказанія обвиняемому при новомъ разбирательствѣ дѣла (ср. ст. 140 уст. угол. судопр. и 152 уст. гражд. судопр.)?»

В. И. Кохновъ. Обращаясь къ судебн. устав. 20 ноября, мы видимъ, что въ уст. гр. суд. относительно заочныхъ рѣшеній существуетъ 152 ст., по которой «съ принятіемъ отзыва на заочное рѣшеніе послѣднее признается недѣйствительнымъ и дѣло возвращается въ то положеніе, въ которомъ находилось до рѣшенія.» Въ 140 ст. уст. уг. суд. мы встрѣчаемъ нѣчто иное. Такъ въ ней говорится: «съ принятіемъ отзыва мировой судья назначаетъ день для явки сторонъ къ новому разбирательству.» Изъ этого несогласія редакціи двухъ статей по одному и тому же предмету въ уст. гр. и въ уст. уг. суд. можно заключить, что въ уголовныхъ дѣлахъ отзывъ на заочный приговоръ «не возвращаетъ дѣла въ то положеніе, въ какомъ оно находилось *до рѣшенія*», и слѣдовательно заочный приговоръ остается, относительно мѣры отвѣтственности подсудимаго, какъ-бы обязательнымъ для самаго судьи. Въ самомъ дѣлѣ, въ дѣлахъ гражданскихъ опредѣленіе высшей имущественной отвѣтствен-

ности привлекаемаго къ суду лица зависитъ всецѣло отъ одного лишь истца, при чемъ ему не дано только права увеличивать въ послѣдствіи цифру иска. Въ дѣлахъ уголовныхъ мѣра наказанія, въ законныхъ границахъ и — прибавимъ — въ предѣлахъ жалобы, истекаетъ отъ самаго судьи и, подобно тамъ истцу, здѣсь судья, разъ высказавшись, въ смыслѣ размѣра наказанія, не долженъ имѣть права увеличивать послѣднее. Коль скоро рѣчь идетъ о правѣ, а не объ обязанности обвиняемаго подать отзывъ (139 ст. уст. уг. суд.), то само собою разумѣется, что это «право» установлено единственно въ интересахъ самаго подсудимаго, со стороны котораго немыслимо ходатайство объ отягченіи его участи при новомъ разбирательствѣ дѣла. Даже съ точки зрѣнія простаго здраваго смысла судья не имѣетъ достаточнаго основанія увеличить наказаніе свыше того, какое постановлено имъ въ заочномъ приговорѣ. При заочномъ производствѣ обвинитель само собою разумѣется постарается выставить все, что по его мнѣнію уличаетъ обвиняемаго, такъ что, вслѣдствіе того что никто ничего не говоритъ въ защиту подсудимаго, судья можетъ составить себѣ преувеличенное, и во всякомъ случаѣ одностороннее, мнѣніе о винѣ подсудимаго и, сообразно съ этимъ, приговорить его къ мѣрѣ наказанія свыше его вины. При наличности же сторонъ, т.-е. при дѣйствительномъ «разбирательствѣ» дѣла, обвиняемый, или защитникъ его, если не всегда успѣютъ склонить въ свою пользу разъ высказавшійся въ заочномъ приговорѣ взглядъ судьи на дѣло, то во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобы напротивъ поселили въ немъ убѣжденіе въ большей важности проступка. Но какъ въ каждомъ юридическомъ вопросѣ, насъ должна занимать по преимуществу юридическая точка зрѣнія. При существующемъ у насъ нынѣ распредѣленіи дѣятельности суда между нѣсколькими ясно обозначенными элементами его: обвиненія, защиты и суда въ тѣсномъ смыслѣ, всякое усвоеніе однимъ изъ этихъ элементовъ характера, по природѣ своей соотвѣтствующаго другому элементу, было бы извращеніемъ тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ покоится вся система уставовъ 20 ноября. Возбуждать обвиненіе, а слѣдовательно въ извѣстныхъ условіяхъ дѣла и усугублять мѣру наказанія обви-

няемому, помимо иниціативы обвинителя, не есть задача суда въ наше время. Карательный элементъ суда всецѣло зависитъ отъ условій, въ какія поставленъ онъ въ каждомъ данномъ случаѣ обвиненіемъ. Этотъ глубокій принципъ, къ сожалѣнію еще весьма не ясно всѣми сознаваемый, рѣшительнымъ образомъ высказанъ законодателемъ, между прочимъ, въ двухъ ст. уст. уг. суд. «Наказаніе обвиняемаго, говорится въ 168 ст., *не можетъ быть усилено безъ требованія сего обвинителемъ*". „*О преступномъ дѣяніи, не предусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ, но обнаруженномъ при судебномъ слѣдствіи*, сказано въ 752 ст., *вопросы не предлагаются, если оно по закону подвергаетъ наказанію болѣе строгому*, чѣмъ дѣяніе, въ томъ актѣ опредѣленное.» «Когда въ законѣ, приличномъ дѣлу, разсуждалъ въ 1866 г. правительствующій сенатъ по дѣлу Гумилевскаго, положены разныя наказанія, избраніе которыхъ предоставлено усмотрѣнію суда, то апелляціонный судъ не можетъ избрать наказанія болѣе строгаго противъ назначеннаго судомъ первой степени, если о томъ не просилъ апелляторъ. Вотъ, заканчиваетъ Сенатъ, истинный смыслъ словъ закона: «наказаніе обвиняемаго не можетъ быть усилено безъ требованія сего обвинителемъ.» Когда въ судебной организаціи, существующей въ странѣ,—позволимъ сказать отъ себя,—ясно разграничены судебныя и обвинительныя функціи, исполненіе которыхъ предоставлено различнымъ органамъ, то судъ—будетъ ли то судъ апелляціонный, или судъ первой степени съ одной стороны при «новомъ разбирательствѣ» (140 ст.), съ другой «при судебномъ слѣдствіи» (752 ст.),—не можетъ примѣнить наказанія болѣе строгаго противъ того, какое разъ имъ заявлено противъ обвиняемаго, въ формѣ ли обвинительнаго акта, или въ формѣ копіи съ заочнаго приговора, если о томъ не проситъ обвинитель. Вотъ, закончимъ мы, истинный смыслъ и болѣе широкое обобщеніе великаго принципа законодателя: «власть обвинительная отдѣляется отъ судебной» (ст. 3 осн. пол. уг. суд.).

По симъ соображеніямъ я прихожу къ отрицательному разрѣшенію предложеннаго мною вопроса.

И. И. Тобіеръ. Раздѣляя высказанное В. И. Кохновымъ

мнѣніе, я остановлюсь на одномъ возраженіи, которое можетъ быть намъ сдѣлано. Въ уставѣ уголовнаго судопроизводства выражено, «что съ принятіемъ отзыва, мировой судья назначаетъ день для явки сторонъ къ *новому разбирательству*, о чемъ и извѣщаетъ обвинителя, напоминая ему, что неявка его будетъ имѣть для него послѣдствія, означенныя въ ст. 135.» Стало-быть, намъ скажутъ, примѣняясь къ 152 ст. уст. гражд. судопр., что съ принятіемъ отзыва заочный приговоръ слѣдуетъ признавать *недѣйствительнымъ* и дѣло возвращеннымъ *въ первоначальное положеніе* и что слѣдовательно такой приговоръ ни въ чемъ не долженъ стѣснять свободы убѣжденія мироваго судьи при новомъ разбирательствѣ дѣла. Но вопросъ объ усиленіи наказанія не можетъ же быть поставленъ въ зависимость отъ такого дѣйствія обвиняемаго, какъ отзывъ его на заочный приговоръ, составляющій, по мысли закона, обезпеченіе свободы защиты правъ подсудимаго. Что касается правъ стороны обвиняющей, то полагаю, что ея интересы достаточно ограждаются постановленіями о порядкѣ обжалованія и отмѣны рѣшеній мировыхъ судей (162—184, 185—194 уст. угол. судопр.).

С. О. Милашевичъ. Право подачи отзыва на заочный приговоръ мироваго судьи составляетъ право процессуальное. По закону, только приговоръ, вошедшій въ законную силу, имѣетъ силу закона по дѣлу, по которому состоялся. Насъ никто не въ состояніи увѣрить, чтобы съ принятіемъ отзыва на заочный приговоръ, этотъ послѣдній сохранялъ какую-либо силу. Значеніе заочныхъ приговоровъ и рѣшеній вполнѣ опредѣляется судебными уставами и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ принятіемъ отзыва какъ уголовное, такъ и гражданское дѣло возвращаются въ ихъ первоначальное положеніе. При новомъ же разбирательствѣ дѣла, полагаю, невозможно стѣснять свободу дѣйствій суда, не нарушая тѣмъ основнаго положенія уголовнаго судопр., выраженнаго въ 119 ст.

А. И. Харламповичъ. Соглашаясь съ послѣднимъ мнѣніемъ, мнѣ кажется, что сторонники отрицательнаго разрѣшенія обсуждаемаго вопроса неправильно объясняютъ значеніе права обвиняемаго на подачу отзыва. Право это, по суще-

ству своему, ни въ какомъ случаѣ не упрочиваетъ непоколебимости заочнаго приговора, напротивъ того имѣетъ главною цѣлью новое разбирательство дѣла, при чемъ могутъ открыться и новыя обстоятельства, служащія не въ пользу обвиняемаго. Въ уголовныхъ дѣлахъ, производимыхъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, наказаніе обвиняемаго не можетъ быть усилено безъ требованія сего обвинителемъ, но это правило касается власти съѣздовъ мировыхъ судей, при разсмотрѣніи ими дѣлъ по жалобамъ и отзывамъ сторонъ. Совсѣмъ другое представляется при разбирательствѣ уголовнаго дѣла по отзыву на заочный приговоръ. Этотъ послѣдній какъ бы не существуетъ. Отсюда ясно, что мировому судьѣ принадлежитъ вполнѣ право рѣшить дѣло, не стѣсняясь прежнимъ своимъ приговоромъ, утратившимъ всякую обязательную силу и для сторонъ и для суда.

А. М. Хоткевичъ. Одно изъ основаній, приведенныхъ В. И. Кохновымъ въ пользу отрицательнаго разрѣшенія вопроса, а именно обязанности при новомъ разбирательствѣ дѣла постановленія рѣшенія въ предѣлахъ отзыва на заочное рѣшеніе, по мнѣнію моему не подтверждается уставомъ уголовнаго судопроизводства. Не должно смѣшивать подобный отзывъ съ жалобами и апелляціонными отзывами, въ предѣлахъ которыхъ уголовное дѣло разсматривается высшею мировою инстанціею. Между первымъ и послѣдними заключается весьма существенное различіе. Тогда какъ съ принятіемъ отзыва на заочный приговоръ этотъ послѣдній, въ силу принятія отзыва, падаетъ самъ собою, приговоры и рѣшенія мировыхъ судей, подлежащіе разсмотрѣнію съѣздовъ, сохраняютъ, до отмѣны ихъ, силу судебнаго рѣшенія.

В. И. Кохновъ. Существенной юридической разницы между отзывомъ на заочный приговоръ и апелляціоннымъ отзывомъ, въ томъ смыслѣ какъ вы ее проводите здѣсь, не существуетъ. При извѣстныхъ условіяхъ и заочный приговоръ можетъ также остаться въ своей силѣ и, идя далѣе, получить въ свою очередь силу судебнаго рѣшенія. Достаточно указать на то, что отъ воли обвиняемаго зависитъ или просить о новомъ разбирательствѣ дѣла, или, минуя судью, войти непосредственно съ апелляціоннымъ отзывомъ въ съѣздъ

на заочное рѣшеніе. Строго говоря, вся разница между отзывомъ на заочный приговоръ и апелляціоннымъ отзывомъ, со стороны процессуальной, чисто внѣшняя, обусловливаемая единственно моментомъ производства дѣла.

А. М. Фальковскій. Заочные приговоры существуютъ только для обвиняемыхъ и то въ проступкахъ, влекущихъ за собою наказаніе не свыше ареста. Пересмотръ дѣла по отзыву на заочный приговоръ подлежитъ мировому судьѣ, постановившему оный. Право подачи отзыва о пересмотрѣ дѣла не лишаетъ обвиняемаго права, на общемъ основаніи въ двухнедѣльный срокъ со времени провозглашенія приговора, принести апелляціонный отзывъ. Обвинителю принадлежитъ безспорно право требовать усиленія наказанія, но не иначе какъ въ апелляціонномъ отзывѣ на приговоръ. Для отмѣны заочнаго приговора законъ не требуетъ особаго судебнаго опредѣленія. Съ принятіемъ отзыва на такой приговоръ дѣло несомнѣнно возвращается въ первоначальное положеніе. Нѣтъ основанія къ ограниченію власти судьи въ опредѣленіи наказанія при новомъ разбирательствѣ дѣла уже и потому, что вновь постановленное рѣшеніе можетъ быть обжаловано въ апелляціонномъ или кассаціонномъ порядкѣ. Хотя подача отзыва на заочный приговоръ дѣйствительно составляетъ только право, а не обязанность обвиняемаго, но это право ни въ чемъ не можетъ измѣнить власти судьи рѣшить вопросъ о винѣ или невиновности подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при новомъ судебномъ разбирательствѣ.

В. Н. Лешковъ. Какъ скоро мы установимъ мнѣніе, что съ принятіемъ отзыва на заочный приговоръ этотъ послѣдній становится недѣйствительнымъ, то предложенный В. И. Кохновымъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ утвердительно. 140 ст. уст. уг. судопр. и 152 ст. устав. гражд. судопр. служатъ достаточнымъ основаніемъ къ тому. Да и немыслимо по самой природѣ права подачи отзыва на заочное рѣшеніе присвоять сему послѣднему какую-либо обязательную силу.

Большинствомъ участвующихъ предложенный вопросъ разрѣшенъ утвердительно.

15 ноября.

Юридическое Общество имѣло обсужденіе по вопросу, предложенному дѣйствительнымъ членомъ А. М. Фальковскимъ:

2. „Общества желѣзныхъ дорогъ подходятъ ли подъ понятіе тѣхъ *„другихъ лицъ“*, о которыхъ говорится въ 15 ст. уст. угол. суд., и могутъ ли иски, предъявляемые къ нимъ о вознагражденіи вреда, причиненнаго несчастіями, случающимися на желѣзныхъ дорогахъ, подлежать разсмотрѣнію уголовнаго суда, во время производства уголовнаго дѣла?“ (Ср. ст. 6 и 15 уст. угол. суд.) *).

А. М. Фальковскій. Въ 1853 году протяженіе русскихъ желѣзныхъ дорогъ было 900 верстъ. Въ продолженіи 18 лѣтъ быстро наростали сѣти желѣзныхъ дорогъ и протяженіе ихъ, въ настоящее время, болѣе чѣмъ на 11000 верстъ. Можно ожидать не въ далекомъ будущемъ развитія желѣзно-дорожнаго дѣла до колоссальныхъ размѣровъ. Всякій вопросъ, касающійся администраціи желѣзныхъ дорогъ и ея юридическихъ отношеній къ гражданамъ, затрогиваетъ самые важные и дорогіе интересы для каждаго изъ насъ. До изданія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года въ нашемъ судопроизводствѣ не существовало опредѣлительнаго правила относительно соединенія гражданскаго иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ, съ производствомъ уголовнаго дѣла. Это новое, вполнѣ разумное, правило вызвано потребностями жизни, а также желаніемъ законодателя, въ извѣстныхъ случаяхъ, устранить замедленіе въ дѣлахъ. Съ этою цѣлью законъ 20 ноября 1864 года создалъ совершенно новый въ уголовномъ процессѣ юридическій терминъ „гражданскаго истца“. Таковымъ признается лицо, потерпѣвшее отъ преступленія или проступка, но не пользующееся правами частнаго обвинителя и заявившее искъ о вознагражденіи во время производства уголовнаго дѣла. Главнымъ основаніемъ такого права соединенія гражданскаго иска съ уголовнымъ производствомъ служитъ возникновеніе его изъ одного и того же факта съ уголовнымъ преслѣдованіемъ. Выгода же та-

*) Составлено по стенографическому отчету.

кого соединенія заключается еще и въ томъ, что такіе иски разсматриваются въ уголовномъ судѣ не по правиламъ и доказательствамъ, опредѣленнымъ уст. гражд. судопр., чрезъ что возможно достиженіе не формальной, а дѣйствительной истины. Въ этомъ отношеніи я могу сослаться и на кас. рѣш. 1868—№ 940). Для осуществленія права гражданскаго истца на судѣ уголовномъ необходимо, чтобы искъ его былъ заявленъ до открытія судебнаго засѣданія по уголовному дѣлу; въ противномъ случаѣ таковой можетъ быть начатъ въ гражданскомъ судѣ не прежде, какъ послѣ окончательнаго рѣшенія уголовнаго дѣла. Опредѣливъ такимъ образомъ права гражданскаго истца, законъ не могъ обойти молчаніемъ и того, кто долженъ состоять отвѣтчикомъ. Прежнее правило, по которому въ дѣлахъ уголовныхъ всякій долженъ отвѣтствовать самъ за себя (том. XV, книг. II, ст. 104), получило въ 15 ст. устав. угол. судопр. дальнѣйшее свое развитіе по предмету вознагражденія вреда, причиненнаго преступленіемъ или проступкомъ, установленіемъ, что *„за подсудимаго могутъ отвѣчать и другія лица, но лишь въ указанныхъ закономъ случаяхъ“*. Кто же эти другія лица и въ какихъ именно случаяхъ они обязаны отвѣчать за подсудимаго? Прежде всего считаю необходимымъ обратить вниманіе Общества, что обязанность вознагражденія за вредъ, причиненный преступленіемъ или проступкомъ, не составляетъ уголовно-имущественнаго наказанія, къ которому, по закону, относятся конфискаціи, денежныя пени или штрафы. Несомнѣнно, что указанная обязанность имѣетъ своимъ основаніемъ положенія, заимствованныя изъ гражданскаго права, по которому право требованія можетъ имѣть своимъ основаніемъ не только воспрещенное уголовнымъ закономъ дѣяніе, но и всякое другое, а также упущеніе, если только будетъ доказано, что совершившій оное не былъ принужденъ къ тому требованіями закона, или правительства, или необходимою личною обороною, или же стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ предотвратить (Т. X. ч. I. ст. 574 и 684). Выводъ этотъ находитъ подтвержденіе еще и въ томъ, что наше улож. о наказ. по предмету имущественной отвѣтственности за убытки и вредъ (ст. 59—64) ссылается на правила, изложенныя въ законахъ гражданскихъ (том. X. ч. I. ст. 644—683); наконецъ возможность предъ-

явленія иска по означенному предмету во время производства уголовнаго, или, по окончаніи дѣла уголовнымъ судомъ, въ гражданскомъ судѣ, ясно указываетъ, что обязанность вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ, не имѣетъ значенія карательной мѣры.

Изъ сказаннаго вытекаетъ само собою еще одно важное положеніе, могущее облегчить разрѣшеніе предложеннаго мною вопроса, а именно: отвѣтственность другихъ лицъ, о которыхъ говорится въ 15 ст. устав. угол. судопр., нисколько не нарушаетъ кореннаго начала уголовнаго права, *что всякій долженъ отвѣтствовать самъ за себя.* Такимъ образомъ мнѣ не трудно перейти къ уясненію и основаній, по которымъ закономъ привлекаются къ имущественной отвѣтственности за подсудимаго *другія лица* и къ опредѣленію этихъ послѣднихъ. Существуютъ соціальныя отношенія, которыя, по природѣ своей, ставятъ нѣкоторыхъ лицъ въ зависимость отъ другихъ. Законъ не могъ обойти подобнаго рода отношеній и вслѣдствіе того въ законахъ гражданскихъ предусмотрѣна отвѣтственность родителей за малолѣтнихъ дѣтей ихъ, опекуновъ надъ малолѣтними (не находящимися при родителяхъ), безумными или сумасшедшими, воспитателей малолѣтнихъ (находящихся при нихъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые, по закону, обязаны имѣть за ними надзоръ), и наконецъ правительства или частныхъ компаній за ихъ агентовъ (том. X. ч. I ст. 683). Эту послѣднюю статью я приведу вполнѣ: „Правительство или частная компанія подлежатъ отвѣтственности предъ понесшимъ ущербъ и вредъ лицомъ *за каждое случившееся на желѣзныхъ дорогахъ несчастіе,* когда оно произошло *отъ причинъ, предусмотрѣнныхъ при отправленіи или движеніи поѣзда,* но не отвращенныхъ принятіемъ надлежащихъ мѣръ, *или когда оно вообще могло быть предусмотрѣно,* но оставлено безъ вниманія; *отвѣтственность же сія заключается въ обязанности вознаградить потерпѣвшихъ отъ несчастія разстройство въ своемъ здоровьи* на точномъ основаніи предшедшей 661 статьи, и должна быть назначаема по миролюбивому съ вознагражденнымъ соглашенію, *или въ противномъ случаѣ судомъ.* Правительству же или частной компаніи *предоставляется искать воз-*

мѣщенія своихъ убытковъ *съ виновныхъ агентовъ ихъ*, которые сверхъ того подвергаются и личному, по мѣрѣ вины ихъ, наказанію по законамъ. Но правительство или частная компанія не подлежатъ отвѣтственности, когда случившееся на желѣзныхъ дорогахъ несчастіе произошло отъ такихъ причинъ, которыхъ нельзя было предотвратить никакими мѣрами предусмотрительности и осторожности." Приведенное узаконеніе, по времени своего возникновенія (12 мая 1852), когда у насъ была одна только незначительная желѣзная дорога, носитъ на себѣ слѣды незаконченности и мало согласуется съ общими началами гражданскаго права, по которымъ не только преступное дѣяніе, *но и всякое другое, а также упущеніе,* послѣдствіемъ которыхъ былъ ущербъ или убытокъ, даютъ право требованія вознагражденія (т. X, ч. I, ст. 574 и 684). Но при всемъ томъ словесный смыслъ 683 ст. и выраженное въ ней *право правительства и частныхъ компаній возмѣщенія своихъ убытковъ съ виновныхъ агентовъ* ясно доказываетъ, что первыя должны отвѣчать за послѣднихъ, когда послѣдствіемъ дѣйствій ихъ или упущеній было несчастіе на желѣзныхъ дорогахъ, при условіяхъ указанныхъ тою же статьею. Мнѣ могутъ возразить, что правительство и частныя компаніи не суть *представители* своихъ агентовъ, подобно тому какъ родители или опекуны заступаютъ малолѣтнихъ, безумныхъ, сумасшедшихъ и т. д. Но вѣдь господа не заступаютъ своихъ слугъ, вѣрители не представляютъ своихъ повѣренныхъ, а между тѣмъ законъ обязываетъ ихъ отвѣчать за вредъ и убытки, причиненные слугами и повѣренными при исполненіи ихъ порученій, сообразно съ приказаніемъ или полномочіемъ (т. X, ч. I, ст. 687). Итакъ, мнѣ кажется, установленіе имущественной отвѣтственности нѣкоторыхъ лицъ за другія не вытекаетъ исключительно изъ понятія о *представительствѣ*, а имѣетъ основаніемъ, какъ я прежде имѣлъ честь объяснить, особыя отношенія подчиненности и зависимости, что вполнѣ примѣнимо къ агентамъ правительства и частныхъ компаній, пользующихся самостоятельною властью опредѣленія, увольненія и надзора за своими агентами, а слѣдовательно и способами

предотвращенія несчастій на желѣзныхъ дорогахъ. Право требованія вознагражденія вреда, причиненнаго несчастными случаями на желѣзныхъ дорогахъ, имѣетъ своимъ основаніемъ *постановленіе закона*, а не договорныя или иныя юридическія отношенія. Далѣе я предвижу возраженіе, что правительство и частныя компаніи, какъ юридическія лица, не могутъ нести уголовной отвѣтственности. Но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ обязанности вознагражденія, несоставляющей уголовнаго имущественнаго наказанія. Итакъ правительство и частныя компаніи желѣзныхъ дорогъ подходятъ подъ понятіе тѣхъ „*другихъ лицъ*“, о которыхъ говорится въ 15 ст. уст. уг. судопр.

Затѣмъ обращаясь ко второй части вопроса, т. е. могутъ ли предъявляемые къ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ иски подлежать разсмотрѣнію уголовнаго суда, во время производства уголовнаго дѣла, я нахожу, что 6 и 15 ст. уст. уг. судопр. даютъ на это ясный и утвердительный отвѣтъ. Законъ 20 ноября 1864 г., установляя новое правило о соединеніи гражданскаго иска съ уголовнымъ судопроизводствомъ, имѣлъ въ виду, что для безошибочнаго опредѣленія права на вознагражденіе вреда и убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ или проступкомъ, гражданскій судъ или вовсе не долженъ имѣть мѣста (когда это разрѣшаетъ судъ уголовный) или можетъ постановить свое заключеніе лишь по окончаніи дѣла уголовнаго, и что соединеніемъ гражданскаго иска съ уголовнымъ судопроизводствомъ устраняется двукратное разсмотрѣніе однихъ и тѣхъ же дѣлъ, а слѣдовательно и достигается возможно скорое удовлетвореніе потерпѣвшихъ лицъ. Это удовлетвореніе въ дѣлахъ о несчастныхъ случаяхъ на желѣзныхъ дорогахъ можетъ достигать отъ самыхъ незначительныхъ суммъ до огромныхъ цифръ. По характеру своему, это дѣла — не терпящія проволочки. Тысячи жертвъ могутъ явиться въ одинъ день. Люди самыхъ отдаленныхъ мѣстностей не только нашего отечества, но и другихъ государствъ могутъ заявить свои права на удовлетвореніе. Мыслимо ли имъ отказать въ безотлагательномъ разрѣшеніи дѣла и отсылать ихъ къ суду гражданскому, который можетъ приступить

къ разсмотрѣнію претензій потерпѣвшихъ не прежде какъ по окончаніи дѣла уголовнаго? Возможно ли требовать, чтобы потерпѣвшіе еще несли всѣ тягости, сопряженныя съ гражданскимъ судопроизводствомъ, столь труднымъ, сложнымъ и требующимъ участія опытныхъ и добросовѣстныхъ повѣренныхъ? Полагаю, что отказъ въ соединеніи гражданскаго иска съ уголовнымъ производствомъ былъ бы, въ наибольшей части случаевъ, равносильнымъ отказу въ правосудіи.

Въ интересахъ единственно уясненія столь важнаго въ практическомъ отношеніи вопроса, я, съ удовольствіемъ исполняя порученіе нашего сочлена **Д. П. Тихомирова**, неимѣвшаго возможности лично принять участіе въ настоящемъ засѣданіи Общества, прошу позволенія прочесть письменное мнѣніе г. Тихомирова по тому же вопросу.

Мнѣніе это слѣдующаго содержанія:

„Гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ можетъ быть предъявленъ лишь къ обвиняемымъ, а не къ третьимъ лицамъ, за нихъ граждански-отвѣтственнымъ. По смыслу 6 и 7 ст. уст. угол. судопр., подъ гражданскимъ искомъ разумѣется истекающее изъ преступленія требованіе о вознагражденіи за вредъ, отъ того преступленія или проступка происшедшій. Такое требованіе предъявляется къ самому подсудимому. Возникая изъ одного и того же факта съ уголовнымъ преслѣдованіемъ, сіе послѣднее помогаетъ гражданскому иску своими обвинительными средствами и доказательствами. Поэтому подсудимый одновременно долженъ защищать себя отъ уголовнаго обвиненія и опровергать требованіе гражданскаго иска. Отсюда явствуетъ, что уголовный судъ тогда только компетентенъ для гражданскаго иска, когда онъ разсматриваетъ виновность подсудимаго, породившую этотъ искъ. Это требованіе закона вытекаетъ также изъ смысла приведенной 6 ст. уст. уг. суд.. Общее правило то, что гражданскій искъ разсматривается въ судѣ гражданскомъ и только въ видѣ исключенія (изд. гос. канц.) присоединяется къ иску уголовному и въ этомъ случаѣ вѣдается общимъ уголовнымъ судомъ. Такимъ образомъ необходимъ другой искъ, къ которому бы онъ могъ присоединиться, необходимо слѣдователь-

но, чтобы въ уголовномъ судѣ обсуждалось дѣло о преступленіи въ уголовномъ порядкѣ. Всѣ относящіяся сюда правила (6, 7, 17 ст. уст. угол. суд. и 5 и 6 ст. уст. гражд. суд.) о допущеніи гражданскаго иска въ уголовномъ процессѣ установлены для упрощенія производства о самомъ подсудимомъ, который, отвѣчая и за свою вину и за причиненные имъ убытки, одновременно является въ качествѣ обвиняемаго предъ прокуроромъ или частнымъ обвинителемъ, и въ качествѣ гражданскаго отвѣтчика передъ гражданскимъ истцомъ. Посему никакое лицо, не будучи привлеченнымъ къ уголовной отвѣтственности по правиламъ, въ законѣ постановленнымъ (1 ст. уст. уг. суд.), не можетъ быть признано и гражданскимъ отвѣтчикомъ въ уголовномъ процессѣ: здѣсь обвиняемый въ преступленіи или проступкѣ совпадаетъ съ ролью гражданскаго отвѣтчика. Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ данному случаю, очевидно, что гражданскій искъ, заявленный къ обществу желѣзной дороги за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ его агентовъ, не долженъ быть признанъ подлежащимъ разсмотрѣнію въ судѣ уголовномъ, такъ какъ общество желѣзной дороги не было и не могло быть привлечено въ качествѣ обвиняемаго въ какомъ-либо преступленіи, которое могло бы породить тотъ гражданскій искъ (59 ст. улож. о нак.). Эта невозможность привлеченія къ уголовной отвѣтственности общества, какъ лица юридическаго, явно указываетъ, что предъявленные къ нему гражданскіе иски могутъ только разсматриваться не въ уголовномъ, а въ гражданскомъ судѣ. По коренному правилу всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ (ст. 684 т. X ч. I, и рѣш. гражд. касс. деп. 1868 г. № 55). Слѣдовательно первоначально отвѣтственнымъ лицомъ является самъ подсудимый за свое дѣяніе. Но въ 15 ст. уст. уг. судопр. говорится и о случаяхъ, когда въ вознагражденіи вреда, причиненнаго преступленіемъ, за подсудимаго могутъ отвѣчать и другія лица. Здѣсь подъ другими лицами слѣдуетъ разумѣть законныхъ ихъ представителей, каковыми могутъ быть: 1) наслѣдники подсудимыхъ; 2) лица, обязанныя наблюдать за малолѣтними и

безумными въ случаѣ совершенія преступленія сими послѣдними; 3) господа за ущербъ, причиненный ихъ слугами при исполненіи ихъ порученій; 4) владѣлецъ животныхъ за вредъ ими причиненный и наконецъ 5) въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ, случаяхъ общества и сословія за избранныхъ ими лицъ (59—64 ст. ул. о нак., 644, 687 и др. ст. X т. 1 ч.). Въ этомъ перечнѣ гражданско-отвѣтственныхъ лицъ не можетъ быть упомянуто объ обществѣ желѣзной дороги, потому что общество это не есть представитель своихъ агентовъ, учинившихъ преступленіе, а напротивъ признается по закону самостоятельнымъ отвѣтчикомъ, къ которому могутъ быть предъявлены иски потерпѣвшихъ прямо и независимо отъ личной отвѣтственности его агентовъ. Это послѣднее положеніе истекаетъ изъ содержанія 683 ст. X т. 1 ч., опредѣляющей правила (а не порядокъ) на полученіе вознагражденія за вредъ и убытокъ или путемъ миролюбиваго соглашенія потерпѣвшихъ съ обществомъ, или порядкомъ суда гражданскаго. Такимъ образомъ поставленный выше вопросъ о предъявленіи гражданскаго иска въ уголовномъ судѣ не къ обвиняемому, а къ гражданскому отвѣтчику долженъ быть разрѣшенъ въ смыслѣ отрицательномъ."

Затѣмъ А. М. Фальковскій продолжалъ: прочитанное мною мнѣніе Д. П. Тихомирова, ведущее къ отрицательному разрѣшенію предложеннаго мною вопроса, главнымъ образомъ основано на томъ, что гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ можетъ быть предъявленъ будто-бы лишь къ *обвиняемымъ* и что 15 ст. уст. угол. судопр. подъ другими лицами, обязанными отвѣчать за подсудимыхъ, разумѣетъ *законныхъ представителей* послѣднихъ. Первое изъ сихъ положеній, думаю, не находитъ подтвержденія въ устав. угол. судопр.; напротивъ того 15 ст. прямо предвидитъ отвѣтственность другихъ лицъ за подсудимыхъ въ вознагражденіи вреда, причиненнаго преступленіемъ или проступкомъ. Правило, установленное этою статьею, иначе можетъ быть выражено: „что закономъ установлена отвѣтственность нѣкоторыхъ лицъ за вредъ, причиненный не только собственнымъ дѣяніемъ, но и дѣяніемъ тѣхъ лицъ, за которыхъ они должны отвѣчать." Правитель-

ство же и частныя компаніи желѣзныхъ дорогъ обязаны отвѣчать за своихъ агентовъ (т. X, ч. I ст. 683). Всякій искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, какъ я уже объяснилъ, имѣетъ чисто гражданскій характеръ. Соединеніе этого иска съ уголовнымъ производствомъ не обусловлено единственно отвѣтчиками, состоящими по уголовному дѣлу *подсудимыми*, ибо законъ прямо указываетъ и другихъ лицъ, могущихъ нести имущественную отвѣтственность за подсудимыхъ, въ указанныхъ онымъ случаяхъ. Второе положеніе очевидно неправильно, ибо кто же изъ насъ согласится наприм., что законными представителями слугъ состоятъ ихъ господа, животныхъ—владѣлецъ ихъ? Не правомъ представительства обусловлена отвѣтственность другихъ лицъ за подсудимыхъ, а возможностью предупрежденія съ ихъ стороны преступленія или проступка, а главное прямымъ постановленіемъ закона. Я не стану спорить, что уголовную отвѣтственность, по закону, несетъ самъ подсудимый; что же касается гражданской, имущественной отвѣтственности, то въ этомъ отношеніи законъ установилъ другія правила и нашелъ возможнымъ, для упрощенія производства и для достиженія другихъ благихъ цѣлей, соединеніе гражданскаго иска съ уголовнымъ судопроизводствомъ во всѣхъ случаяхъ, когда основаніемъ онаго служатъ одни и тѣ же факты съ уголовнымъ преслѣдованіемъ.

На основаніи всѣхъ высказанныхъ мною соображеній въ виду огромнаго общественнаго значенія желѣзныхъ дорогъ, остаюсь при убѣжденіи, что утвердительное разрѣшеніе вопроса, ведя ближайшимъ образомъ къ огражденію самыхъ дорогихъ нашихъ правъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтствуетъ истинному разуму законовъ.

В. И. Кохновъ. Позвольте мнѣ, Мм. Гг., высказать свое мнѣніе, несогласное съ взглядомъ А. М. Фальковскаго на занимающій насъ предметъ. Почтенный сочленъ нашъ въ вопросѣ о вознагражденіи со стороны общества желѣзныхъ дорогъ за причиненныя несчастія во время движенія поѣзда отправляется отъ того положенія, которое кладетъ въ основаніе всей своей аргументаціи, что „главнымъ основаніемъ права соединенія гражданскаго иска съ уголовнымъ производ-

ствомъ служитъ возникновеніе его изъ одного и того-же факта съ уголовнымъ преслѣдованіемъ." Съ матеріальной точки зрѣнія такое положеніе дѣйствительно вѣрно, но съ точко зрѣнія юридической оно оказывается несостоятельнымъ. Дѣло въ томъ, что говоря „*объ одномъ и томъ-же фактѣ*" А. М. Фальковскій упускаетъ изъ виду одно весьма важное условіе, а именно, чтобы этотъ фактъ, въ данномъ случаѣ крушеніе поѣзда, могъ быть *вмѣненъ* тому самому лицу, которое привлекается къ имущественной отвѣтственности. Вмѣняемость одному и тому-же лицу преступнаго дѣянія съ одной стороны и вытекающей отсюда обязанности вознаградить потерпѣвшаго отъ преступленія или простука — съ другой, вотъ единственное *юридическое* основаніе для „соединенія" въ извѣстныхъ случаяхъ „гражданскаго иска съ уголовнымъ производствомъ." Гдѣ нѣтъ этого условія, гдѣ не можетъ быть уголовной вмѣняемости, тамъ не мыслимъ гражданскій искъ. Исходя изъ преступнаго факта, послѣдній всецѣло вращается въ сферѣ судебнаго слѣдствія. Опредѣляясь принципомъ вмѣняемости, онъ во всѣхъ своихъ стадіяхъ подчиняется условіямъ уголовнаго процесса. Преслѣдуя одну и только одну цѣль — признанія виновности или невиновности подсудимаго, уголовный судъ въ тоже время уясняетъ для себя и размѣры матеріальнаго вреда, причиненнаго дѣяніемъ подсудимаго. Задача суда не раздвояется на два несовмѣстимыхъ порядка гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Судъ имѣетъ дѣло съ обвиняемымъ, къ которому, въ каждомъ моментѣ, относится съ точки зрѣнія слѣдственно-обвинительнаго процесса, а не состязательнаго иска. Сообразно съ этимъ опредѣляется весь строй, вся весьма сложная система уголовнаго судопроизводства. Форма и обрядность, какъ одно изъ средствъ раскрытія истины, играютъ здѣсь весьма важную роль. Каждое дѣйствіе, каждое слово на судѣ стремится къ уясненію вопроса — виновенъ-ли подсудимый въ извѣстномъ преступленіи, и если виновенъ, то какія должны проистечь послѣдствія отъ сего личныя и имущественныя какъ въ отношеніи къ обвиняемому, такъ и къ потерпѣвшему отъ причиненнаго имъ преступленія лицу.

Вотъ почему законодатель призналъ удобнымъ совмѣстить въ нѣкоторыхъ случаяхъ требованіе вознагражденія за причиненные преступленіемъ или проступкомъ вредъ и убытки съ разслѣдованіемъ самой вины подсудимаго. Но допуская это, законодатель руководился не одними соображеніями практическихъ удобствъ, но,—что главное,—юридическимъ, такъ сказать, сродствомъ въ данномъ случаѣ гражданскаго иска съ уголовнымъ преслѣдованіемъ. Научное, юридическое начало вмѣняемости личной и имущественной отвѣтственности одному и тому-же лицу, а не одно только „достиженіе возможно скораго удовлетворенія потерпѣвшихъ лицъ", лежало въ глубинѣ сознанія законодателя, при „созданіи имъ совершенно новаго въ уголовномъ процессѣ юридическаго термина — гражданскаго истца."

Отсюда кажется ясно, что если общества желѣзныхъ дорогъ не могутъ быть инкриминированы въ причиненіи несчастій, случающихся во время движенія поѣздовъ, то eo ipso они и не могутъ быть привлечены „къ обязанности вознаградить потерпѣвшихъ отъ несчастія...." (683 и 661 ст. т. X ч. I) *одновременно* съ разслѣдованіемъ вины непосредственныхъ виновниковъ этого несчастія. Мѣра отвѣтственности обществъ конечно можетъ и должна быть весьма серьезна въ подобныхъ случаяхъ, достойные подражанія примѣры чему мы видимъ во французскихъ и особенно англійскихъ судебныхъ рѣшеніяхъ (извѣстно напр., что въ 1865 г. одно лицо въ Англіи получило по рѣшенію суда вознагражденія съ компаніи за одно только сильное нервное потрясеніе, испытанное при столкновеніи поѣздовъ, 3500 фунтовъ. Въ 1866 г. дѣти, оставшіяся послѣ родителей, погибшихъ при столкновеніи пассажирскаго поѣзда съ товарными вагонами, получили 8000 ф. вознагражденія), — но какъ-бы ни „затрогивались этимъ самые важные и дорогіе интересы для каждаго изъ насъ," порядокъ отвѣтственности компаній и обществъ тѣмъ не менѣе долженъ имѣть свое разумное научное оправданіе.

Самъ А. М. Фальковскій говоритъ, „что обязанность вознагражденія за вредъ, причиненный преступленіемъ или проступкомъ, не составляетъ уголовно-имущественнаго наказа-

нія", а если такъ, то оставаясь послѣдовательнымъ въ своихъ выводахъ, онъ долженъ отнести его къ области суда гражданскаго, а не уголовнаго.

Разсмотримъ теперь вопросъ со стороны практическаго осуществленія его. Допустимъ, что общество жел. дорогъ, которое самъ А. М. Фальковскій признаетъ уголовно не отвѣтственнымъ, вызывается на судъ въ качествѣ, конечно, обыкновеннаго отвѣтчика на гражданскомъ судѣ. Такимъ образомъ мы будемъ имѣть весьма оригинальный составъ участвующихъ на судѣ сторонъ, состоящій изъ подсудимыхъ, обвинителя, гражданскаго истца, защитниковъ и наконецъ отвѣтчика. Спрашивается, въ какомъ порядкѣ, когда и о чемъ выслушивать этого послѣдняго? Порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ съ участіемъ гражданскаго истца опредѣленъ законодателемъ, но способъ разрѣшенія уголовныхъ дѣлъ съ привлеченіемъ отвѣтчика, независимо отъ подсудимаго, развѣ только можетъ быть будущимъ словомъ науки. Для того, чтобы положеніе этого новаго „вызваннаго жизнью" на судъ лица не было положеніемъ безжизненнаго автомата, судъ долженъ одно изъ двухъ—или забыть на время формы и обряды уголовнаго судопроизводства и изъ судебнаго слѣдствія сдѣлать арену гражданскихъ преній между истцомъ и отвѣтчикомъ, къ чему онъ, по крайней мѣрѣ въ моментъ судебнаго слѣдствія, вовсе не призванъ; или до нѣкоторой степени приравнять отвѣтчика къ положенію подсудимаго, что для цѣлей уголовной юстиціи совершенно безполезно, а—главное—на что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права. Словомъ сказать механическое введеніе гражданскаго отвѣтчика въ уголовный процессъ совершенно извращаетъ природу послѣдняго, дѣлая изъ него рядъ судебныхъ дѣйствій безъ твердо установленной цѣли, безъ строго предначертаннаго плана.

А. М. Фальковскій. Не опровергая нисколько общихъ началъ уголовнаго права и судопроизводства вообще, полагаю, что уголовный судъ при разсмотрѣніи гражданскаго иска, соединеннаго съ уголовнымъ судопроизводствомъ, имѣетъ право и возможность вызвать участвующія стороны на судъ и выслушать ихъ объясненія. Правительства и частныя ком-

паніи желѣзныхъ дорогъ, въ данномъ случаѣ призываемыя не къ уголовной, а къ гражданской отвѣтственности за ихъ агентовъ, могутъ прислать уполномоченныхъ. Всѣ возраженія, мнѣ сдѣланныя, чисто формальныя и легко могутъ быть устранены уголовнымъ судомъ. Наконецъ изъ ст. 860 устав. угол. судопр. видно, что тѣ, на кого обращено взысканіе вознагражденія, пользуются правомъ отзыва наравнѣ съ гражданскимъ истцомъ, Въ этой ст. очевидно, при сопоставленіи ея съ 856 ст., говорится не о правѣ подсудимыхъ, *а другихъ лицъ*, упоминаемыхъ въ 15 ст. Если же эти послѣднія пользуются правомъ отзыва, то слѣдовательно могутъ считаться сторонами въ уголовномъ процессѣ и принимать въ немъ участіе лично или чрезъ уполномоченныхъ, или чрезъ лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто по закону.

Б. У. Бениславскій. Проведенное здѣсь мнѣніе о гражданскомъ свойствѣ иска о вознагражденіи вреда, причиненнаго преступленіемъ или проступкомъ, о соединеніи такого иска съ уголовнымъ судопроизводствомъ и возможности привлеченія правительства или частныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ къ отвѣтственности за ихъ агентовъ на основаніи 15 ст. уст. угол. судопр., не достаточно убѣдительны. Мнѣ кажется, что весьма важно установленіе законнаго основанія подобнаго иска. Права требованія, какъ всѣмъ извѣстно, происходятъ или изъ непосредственнаго постановленія закона, или изъ договорныхъ отношеній, или же основываются на недозволенномъ дѣяніи лицъ, послѣдствіемъ чего было причиненіе вреда и убытковъ. Искъ о вознагражденіи за несчастіе, случившееся на желѣзныхъ дорогахъ, долженъ быть отнесенъ къ послѣдней категоріи исчисленныхъ мною основаній права требованій. Будучи тѣсно связанъ съ фактами уголовнаго преслѣдованія и имѣя своимъ предметомъ требованіе вознагражденія вреда, причиненнаго преступленіемъ или проступкомъ, оный немыслимъ въ своемъ осуществленіи безъ признанія виновности не только подсудимаго, но и другихъ лицъ, могущихъ отвѣчать за него, по закону. Эти другія лица, какъ можно въ томъ убѣдиться изъ законовъ гражданскихъ (т. X. ч. I. ст. 653, 654 и 683) не безусловъ-

но несутъ отвѣтственность за подсудимыхъ, ибо имъ принадлежитъ право доказать, что они не имѣли никакихъ средствъ къ предупрежденію преступленія или проступка. Но правительство и частныя компаніи, съ одной стороны какъ юридическія лица, а съ другой — какъ не заступающія своихъ агентовъ, не могутъ подлежать уголовному преслѣдованію и слѣдовательно принадлежать къ тѣмъ *другимъ лицамъ*, о которыхъ говорится въ 15 ст. уст. угол. судопр. Совершенно правильно, что соединеніе гражданскаго иска съ уголовнымъ производствомъ установлено единственно для случаевъ, въ которыхъ въ лицѣ подсудимаго совмѣщается и гражданскій отвѣтчикъ. Такимъ единствомъ объясняется и единство подсудности.

Позволю себѣ обратить вниманіе Общества на дѣло о паденіи поѣзда, производившееся въ Рязанскомъ окружномъ судѣ. Въ этомъ дѣлѣ Общество Рязанско-Козловской желѣзной дороги, опредѣленіемъ суда 16 января 1871 г., привлечено было къ отвѣтственности въ качествѣ *третьяго лица* и ему были сообщены копіи съ обвинительнаго акта, списка лицъ, подлежавшихъ вызову въ судъ и съ просьбъ гражданскихъ истцовъ, и предоставлено право прислать въ судъ своего повѣреннаго. По поводу чего на судѣ защитники подсудимыхъ доказывали, что гражданскіе иски могутъ быть предъявляемы только къ подсудимымъ.

К. С. Гобято. По мнѣнію моему, основанному на соображеніи 6, 15, 17, 779 и 860 ст. устав. угол. судопр. лица, обязанныя по закону отвѣчать за подсудимыхъ, могутъ быть привлекаемы и къ уголовному дѣлу, *въ качествѣ третьихъ лицъ*. Прямаго запрещенія на это нѣтъ. Если допустить противное высказанному мною положенію, то потерпѣвшее лицо въ своихъ правахъ должно встрѣтить значительное ограниченіе. Оно положительно могло бы начать искъ съ лицъ, обязанныхъ отвѣчать за подсудимыхъ, не иначе только какъ въ гражданскомъ судѣ и не прежде какъ по окончаніи уголовнаго дѣла, чѣмъ очевидно 6 и 7 ст. устав. угол. судопр. остались бы мертвою буквою закона.

В. В. Давыдовъ. Вопросъ о возможности привлеченія

компаніи желѣзныхъ дорогъ къ уголовному дѣлу, въ качествѣ *третьяго лица*, обращаетъ на себя особенное вниманіе потому, что въ 15 ст. уст. угол. судопр. говорится *о другихъ* лицахъ. Терминъ „*третье лицо*“ составляетъ ли исключительную принадлежность гражданскаго процесса, или же имѣетъ одинаковое значеніе съ названіемъ „*другія лица*“, употребленнымъ въ уст. угол. судопр.? Думаю, что между ними ничего нѣтъ общаго. Привлеченіе третьяго лица въ гражданскомъ дѣлѣ установлено для того, чтобы сдѣлать обязательнымъ для сего лица рѣшеніе, могущее послѣдовать между тяжущимися, или для того, чтобы въ случаѣ потери тяжбы одною изъ тяжущихся сторонъ, съ правомъ искать вознагражденія убытковъ съ третьяго, не участвовавшаго въ дѣлѣ лица, также предупредить новую съ симъ лицомъ тяжбу. Отвѣтственность же другихъ лицъ (ст. 15 уст. угол. судопр.) за подсудимыхъ вытекаетъ изъ особыхъ отношеній, опредѣленныхъ закономъ, и не поставлена въ зависимость отъ спора о правѣ гражданскомъ, а обусловлена прежде всего вопросомъ о виновности подсудимыхъ и имѣетъ неразрывную связь съ фактами уголовнаго преслѣдованія. Я считалъ необходимымъ остановить вниманіе Общества по этому предмету, такъ какъ отъ этого зависитъ и правильное разрѣшеніе предложеннаго А. М. Фальковскимъ вопроса. Итакъ въ виду 15 ст. уст. угол. судопр. и 683 ст. том. X. ч. I, правительство и частныя компаніи желѣзныхъ дорогъ несомнѣнно отвѣтственны въ вознагражденіи лицъ, пострадавшихъ на желѣзныхъ дорогахъ, отвѣтственны за своихъ агентовъ, по винѣ которыхъ произошло несчастіе. По тѣсной же связи этой отвѣтственности съ фактами уголовнаго преслѣдованія соединеніе иска гражданскаго о вознагражденіи вреда, причиненнаго преступленіемъ, съ уголовнымъ судопроизводствомъ представляется согласнымъ съ 6, 7 и 15 ст. уст. угол. судопр.

И. М. Остроглазовъ. Выраженіе закона „гражданскій истецъ“ по мнѣнію моему опредѣляетъ вполнѣ и юридическое значеніе иска. Никакому слѣдовательно сомнѣнію не подлежитъ, что искъ о вознагражденіи вреда, причиненнаго

преступленіемъ или проступкомъ, составляетъ въ уголовномъ дѣлѣ *гражданскій искъ*, соединеніе котораго съ уголовнымъ производствомъ признано суд. устав. 20 ноября 1864 г. и для сего требуется только, чтобы подобный искъ заявленъ былъ во время производства уголовнаго дѣла и до открытія судебнаго засѣданія по оному (6 и 7 ст. уст. угол. судопр.). Никто, кажется, здѣсь не споритъ объ отвѣтственности правительства и частныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ, предусмотрѣнной 683 ст. т. X. ч. I, которая имѣетъ своимъ основаніемъ прямое постановленіе закона, такъ что обязанность правительства или частной компаніи вознаградить пострадавшихъ отъ несчастія на желѣзныхъ дорогахъ, вполнѣ зависитъ отъ исхода уголовнаго процесса. Мнѣнія расходятся только по вопросу о подсудности. Въ этомъ отношеніи я раздѣляю соображенія, высказанныя А. М. Фальковскимъ, находящія подтвержденіе и въ другихъ законодательствахъ.

Н. П. Ляпидевскій. Мм. Гг! Прежде нежели я выскажу передъ вами мое мнѣніе въ смыслѣ рѣшенія предложеннаго Юридическому Обществу вопроса, я попытаюсь точнѣе опредѣлить юридическую природу того предмета, о которомъ идетъ между нами рѣчь, т.-е. желѣзно-дорожныхъ компаній. Въ прочитанномъ здѣсь мнѣніи г. Тихомирова желѣзно-дорожныя компаніи названы лицомъ юридическимъ. Я считаю это опредѣленіе неправильнымъ и, что всего важнѣе, будучи взято исходною точкою нашего юридическаго анализа, это опредѣленіе приведетъ насъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ, нежели тѣ, къ которымъ приходитъ г. Тихомировъ и такимъ образомъ внутреннее логическое противорѣчіе будетъ неизбѣжно. Правильная юридическая діагностика при разрѣшеніи вопросовъ права имѣетъ такое же громадное, рѣшающее значеніе, какъ и врачебная діагностика у постели больнаго. Нѣкоторыя свойства юридической конструкціи желѣзно-дорожныхъ компаній на первый взглядъ какъ будто даютъ основаніе относить ихъ къ категоріи юридическихъ лицъ и трактовать объ нихъ въ этомъ смыслѣ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что это было бы значительною и печальною ошиб-

кою со стороны юристовъ, ибо повело бы на практикѣ къ неизбѣжнымъ несообразностямъ и ошибкамъ.

Юридическое лицоесть *идеальный, созданный положительнымъ правомъ субъектъ правъ, неимѣющій осязательнаго, физическаго бытія.* Въ теоріи новѣйшаго времени ученіе о видахъ юридическихъ лицъ представляетъ собою такой лабиринтъ, изъ котораго выйти довольно трудно. Впрочемъ изъ массы разнообразныхъ взглядовъ и сужденій о видахъ юридическихъ лицъ въ современной намъ наукѣ сложилось двоякое раздѣленіе ихъ. 1) На *корпораціи* (universitas personarum), въ которыхъ субстратъ юридическаго лица представляютъ собою физическія лица, члены корпораціи; юридическое же лицо есть идеальное единство всѣхъ этихъ лицъ; 2) на *учрежденія* (universitas bonorum), субстратъ которыхъ есть имущество. Дѣленіе это вполнѣ вѣрно, хотя и не имѣетъ большаго практическаго значенія. Были цивилисты, которые вовсе не дѣлали различія между лицомъ физическимъ и юридическимъ. Я укажу вамъ на Тиллера (System der bürgerlich. Rechtslehre). Гейнекцій, Гефнеръ, Глюкъ и Тибо (Höffner, Comment. § 62. S. 21. Glück. II. S. 62. Thibaut, System 3 Auflag. § 219), находили одинъ только видъ юридическаго лица посреди разнообразныхъ человѣческихъ соединеній — это корпораціи. Гейзе *) первый нашелъ, что такимъ образомъ суживать понятіе юридическаго лица неправильно и сдѣлалъ удачную попытку расширить его, привнести сюда новые виды.

Какъ скоро установилось такое ограниченіе юридическаго лица только корпораціей, то многіе писатели, расширяя самое понятіе корпораціи, скоро пришли къ тому, что подъ понятіе корпораціи или юридическаго лица начали подводить всякое соединеніе лицъ для достиженія съ общаго согласія общей цѣли, общими средствами. Вездѣ, гдѣ можно было найти единство цѣли и единство воли, они видѣли юридическое лицо. Юридическими лицами начали считать не только

*) Grundr. eines Syst. des gem. Civilr. 3 Auflage § 25. Nota 15.

всѣ промышленныя общества безъ исключенія, но и отождествлять понятіе юридическаго лица съ понятіемъ общества и всякаго соединенія людей. Шиллингъ и Блюнчли *) считаютъ и семейство юридическимъ лицомъ. Но при такомъ расширеніи понятія корпораціи они должны были вспомнить наконецъ, что вѣдь юридическое лицо есть продуктъ фикціи, стало-быть субъектъ права идеальный, который должно же отличать отъ физическихъ лицъ, членовъ корпораціи, и потому пришли къ заключенію, что если и не во всѣхъ формахъ юридическихъ лицъ, то по крайней мѣрѣ въ корпораціяхъ въ собственномъ смыслѣ слѣдуетъ различать идеальный субъектъ отъ физическихъ субъектовъ, составляющихъ субстратъ его. Отсюда они должны были придти и пришли на самомъ дѣлѣ къ крайне замысловатому положенію, что хотя всякое общество есть юридическое лицо, но не всякое общество есть юридическое лицо въ собственномъ смыслѣ, т.-е. къ заключенію, что есть общества съ корпоративнымъ характеромъ и общества, неимѣющія корпоративнаго характера, но считающіяся юридическими лицами.

Послѣ всѣхъ этихъ блужданій новая наука пришла къ тому выводу, что изъ всѣхъ человѣческихъ соединеній характеръ юридическаго лица имѣютъ: а) корпораціи, б) учрежденія. Но что же такое корпорація? Это есть *соединеніе нѣсколькихъ физическихъ лицъ въ одинъ идеальный субъектъ права для достиженія извѣстныхъ общихъ цѣлей общими средствами.* Общій принципъ здѣсь слѣдующій: *нужно строго отличать членовъ корпораціи, физическія лица, отъ самой корпораціи, отъ идеальнаго субъекта имущественныхъ правъ*, такъ что юридическія отношенія отдѣльныхъ членовъ совсѣмъ чужды корпораціи и наоборотъ. Чтобы не впасть въ нескончаемыя заблужденія и противорѣчія нужно строго держаться этого принципа.

Въ ряду человѣческихъ единеній къ корпораціи близко под-

*) Bluntschli, Deutsches Privatrecht 2 Aufl. S 65. 86.

ходитъ товарищество (societas), но наука строго различаетъ эти два понятія, которыя имѣютъ между собою только то общее, что оба суть человѣческія соединенія для достиженія общихъ цѣлей общими средствами, чѣмъ и ограничивается ихъ сходство; во всемъ же остальномъ они діаметрально-противоположны. Въ товариществѣ общая цѣль подчинена совершенно частнымъ цѣлямъ отдѣльныхъ членовъ, въ корпораціи общая цѣль преобладаетъ надъ частными цѣлями членовъ. Въ товариществѣ отдѣльное лицо никогда не отчуждаетъ отъ себя вполнѣ того имущества, которое даетъ для достиженія цѣли товарищества, всякій товарищъ имѣетъ право требовать выдѣла своей части изъ общаго имущества. Въ корпораціи наоборотъ: лицо вполнѣ отчуждаетъ отъ себя имущество, которое пріобрѣтается новыми субъектами—самой корпораціей. Въ товариществѣ господствуетъ частная воля, вслѣдствіе господства частныхъ интересовъ и согласіе достигается только посредствомъ договора. Въ корпораціи господствуетъ общая воля и согласіе основывается на *уставѣ*, на общемъ рѣшеніи. Для происхожденія товарищества достаточно одного договора, для происхожденія корпораціи требуется, чтобы законодательная власть признала его юридическимъ лицомъ. По прекращеніи товарищества имущество переходитъ къ товарищамъ, по прекращеніи корпораціи оно переходитъ къ государству.

Другую близкую къ корпораціи форму человѣческихъ соединеній представляютъ собою акціонерныя общества новаго времени, къ числу которыхъ принадлежатъ и желѣзно-дорожныя компаніи. Нѣкоторые нѣмецкіе цивилисты считаютъ ихъ юридическимъ лицомъ. Арнтсъ (Pand. § 44. Anm. 3), находитъ, что эти общества, которыя въ Германіи принято называть „Genossenschaften“, вполнѣ соотвѣтствуютъ римскому понятію, „Universitates“ т. е. корпорацій. Также думаетъ и *Безелеръ* *). *Блюнчли* и *Пфейферъ* **) видятъ въ этихъ обществахъ осо-

*) Beseler, System 1. s. 360 und flg.

**) Bluntschli, Deut. Privatrecht, s. 80 — 90. Pfeiffer, die Lehre von d. Juristisch. Personen s. 56—90.

бый видъ юридическихъ лицъ, составляющій будто бы достояніе германскаго права и называютъ ихъ *юридическими лицами германскаго права* въ противоположность корпораціямъ, называемымъ ими юридическими лицами римскаго права. Но послѣ того какъ Тёль сломалъ эти заблужденія, большая часть писателей отказалась отъ нихъ, такъ Шмитъ, Бринкманъ, Герберъ.

Акціонерныя общества нашего времени не суть юридическія лица, т. е. корпораціи. Это доказывается:

1) Корпорація есть *идеальный* субъектъ правъ, *совершенно отличный* отъ отдѣльныхъ членовъ корпораціи. Въ обществахъ же субъектъ права не есть что либо отличное отъ его членовъ, но есть ничто иное какъ *формальное, коллективное единство* всѣхъ членовъ, которые только по формѣ составляютъ *одинъ* субъектъ права, *несуществующій въ дѣйствительности.*

2) Какъ въ корпораціи, такъ и въ обществахъ субъектомъ движимаго и недвижимаго имущества является совокупность членовъ. Но въ обществѣ отдѣльный отъ акціонеровъ субъектъ права существуетъ только на бумагѣ, въ дѣйствительности же собственники имущества суть акціонеры, каждый настолько, насколько имѣетъ акцій.

3) Въ обществѣ, какъ и въ товариществѣ, имущество не поглощается новымъ субъектомъ, какъ оно поглощается въ корпораціи, но въ дѣйствительности, только въ другой формѣ, принадлежитъ каждому изъ отдѣльныхъ акціонеровъ.

4) Въ корпораціи единогласная воля всѣхъ членовъ *не* есть выраженіе воли юридическаго лица—корпораціи, и лишь вслѣдствіе юридической фикціи она дѣлается таковымъ, потому что физическія лица суть только *субстратъ* юридическаго лица. Въ обществѣ же воля всѣхъ членовъ или извѣстной части ихъ выражаетъ безъ всякой фикціи дѣйствительную волю общества, волю существующаго на бумагѣ самостоятельнаго субъекта правъ.

5) Относительно имущества обществъ члены ихъ не суть постороннія лица, какъ для имущества корпораціи члены ея.

По уничтоженіи общества, имущество дѣлится между акціонерами, а не переходитъ къ государству какъ при уничтоженіи корпораціи. Итакъ различіе въ выраженіи воли корпораціи и обществъ коллегіальнаго единства и различная судьба имущества послѣ уничтоженія ихъ—вотъ что составляетъ рѣзкую грань, отдѣляющую акціонерныя общества новаго времени отъ корпорацій, признаваемыхъ наукою собственно юридическимъ лицомъ. Современная наука отводитъ для акціонерныхъ обществъ новаго времени среднее мѣсто между строгими понятіями корпораціи и товарищества и называетъ ихъ *обществами формальнаго коллективнаго единства.*

Эта діагностика весьма важна для насъ въ виду настоящаго вопроса. Если вы признаете желѣзно-дорожныя компаніи юридическимъ лицомъ, то этимъ самымъ вы уже снимаете съ нихъ всякую отвѣтственность за вредъ и убытки, происходящія отъ преступленій ихъ агентовъ при управленіи поѣздами. Юридическое лицо есть понятіе, лишенное тѣлеснаго бытія, и имѣетъ настолько самостоятельную личность и волю, насколько простирается фикція. Такимъ образомъ преступленія, такъ какъ они лежатъ внѣ цѣли корпораціи, исходятъ не отъ корпораціи, а отъ ея членовъ, или представителей и потому не могутъ быть вмѣнены ей. Если юридическое лицо не можетъ совершать преступленій, если представительство юридическаго лица простирается только на дѣйствія законныя, то, дѣйствуя незаконно, агентъ общества не является его представителемъ, а фигурируетъ уже своимъ лицомъ. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ обязательства изъ преступленій не касаются и не могутъ касаться юридическихъ лицъ. Юридическія лица обязаны лишь возвратить тѣ имущественныя приращенія, которыя вошли въ составъ имущества ихъ вслѣдствіе обмана или другаго преступленія ихъ представителей, и только. Что касается до того вопроса—могутъ ли желѣзнодорожныя компаніи быть привлечены къ имущественной отвѣтственности по гражданскому иску при уголовномъ процессѣ или для этого

необходимъ особый процессъ въ гражданскомъ судѣ, то я полагаю, что высказанное Д. П. Тихоміровымъ и В. И. Кохновымъ мнѣніе о необходимости въ этомъ случаѣ особаго гражданскаго процесса вполнѣ основательно. Задача уголовнаго суда есть опредѣлить вмѣняемость извѣстнаго преступнаго событія извѣстному лицу, степень карательныхъ послѣдствій въ силу этой вмѣняемости и степень того убытка, который произвело преступленіе въ имущественномъ состояніи лица потерпѣвшаго. Вопросъ о томъ, будетъ ли этотъ убытокъ возмѣщенъ однимъ совершившимъ преступленіе или за него будутъ отвѣтствовать по имуществу другія лица, есть вопросъ суда гражданскаго. Обязанность отвѣтствовать за имущественныя послѣдствія недозволенныхъ дѣйствій другихъ лицъ возникаетъ чисто изъ гражданскаго обязательства, установляющагося или по договору (напр. отвѣтственность хозяевъ за прислугъ, мастеровъ за подмастерьевъ, содержателей пансіоновъ за дѣйствія воспитанниковъ), или помимо договора вслѣдствіе особаго правоваго отношенія нашего къ другимъ лицамъ (отвѣтственность родителей и опекуновъ).

Это обязательство возникаетъ только тогда, когда со стороны извѣстныхъ лицъ не было сдѣлано всего того, что слѣдовало бы сдѣлать для воспрепятствованія преступленію. Очевидно, что здѣсь обязательство возникаетъ не изъ дѣйствія другаго лица, но изъ нашего собственнаго дѣйствія, состоящаго въ бездѣйствіи или недостаточной дѣятельности, что на техническомъ языкѣ науки права называется *culpa*. Такимъ образомъ если обязательство возникаетъ не изъ дѣйствія подсудимаго, но изъ нашего собственнаго бездѣйствія, или недостаточной дѣятельности, т. е. людей, совершенно посторонникъ для задачи уголовнаго суда въ данномъ случаѣ, то какимъ же образомъ судъ этотъ будетъ входить въ разсмотрѣніе объема этого обязательства и степени отвѣтственности по немъ лицъ, совершенно чуждыхъ для дѣла. Уголовный судъ долженъ касаться только того, что стоитъ въ какой бы ни было, хотя бы въ самой отдаленной, связи съ преступленіемъ даннаго лица, какъ вліяніе, при-

чина, орудіе, цѣль преступленія; касаться же того, что стоитъ внѣ всякой связи съ преступленіемъ въ этомъ смыслѣ значитъ выходить недозволеннымъ образомъ за предѣлы собственной компетентности и вторгаться въ область гражданской юрисдикціи. Гражданскій судъ является необходимымъ и потому, что эти лица могутъ доказать, что съ ихъ стороны сдѣлано все для воспрепятствованія преступленію и такимъ образомъ освободиться отъ этого обязательства.

Ст. 860 уст. угол. судопр., на которую такъ часто ссылались въ преніяхъ, не даетъ никакой почвы для противоположнаго мнѣнія. Законъ говоритъ, что въ случаѣ неокончательнаго приговора одинаково съ гражданскимъ истцомъ право отзыва принадлежитъ и тѣмъ, на кого обращено взысканіе вознагражденія за вредъ и убытки. Я полагаю, что выраженіе этой статьи „обращено“ означаетъ здѣсь не рѣшеніе уголовнаго суда, а просто указаніе на законъ, по которому въ извѣстныхъ случаяхъ вознагражденіе за вредъ и убытки падаетъ на лицъ, не участвовавшихъ въ преступленіи, — другими словами „обращено“ по закону. Правильность такого толкованія подтверждается тѣмъ, что эти лица, доказавши отсутствіе собственной невнимательности или бездѣйствія, могутъ освободиться отъ обязательстса, которое, какъ я уже замѣтилъ, основывается не на преступномъ дѣйствіи другихъ лицъ, а на собственномъ нашемъ бездѣйствіи или невнимательности, т. е на *culpa*. Общій принципъ права — *всякій несетъ отвѣтственность только за самого себя* — имѣетъ абсолютное значеніе и приложеніе.

В. Н. Лешковъ. Мм. гг! Прежде всего обращаю вниманіе ваше на общія начала, установленныя законами гражданскими о правѣ вознагражденія за понесенные вредъ и убытки. По разуму законовъ, всякій ущербъ въ имуществѣ и причиненные кому либо вредъ и убытки съ одной стороны налагаютъ обязанность доставлять, а съ другой производятъ право требовать вознагражденія (т. X. ч. I, ст. 574). Независимо отъ договорныхъ соглашеній, такое право имѣетъ своимъ источникомъ постановленія закона о вознагражденіи обще-

ственномъ за имущества, отходящія изъ частнаго владѣнія по распоряженію правительства (тамъ же ст. 575—593); о вознагражденіи частномъ за владѣніе чужимъ имуществомъ (тамъ же ст. 609—643); о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ, гдѣ имѣетъ мѣсто 683 ст., опредѣляющая отвѣтственность правительства и частныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ (тамъ же ст. 644—683) и наконецъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, послѣдовавшіе отъ дѣяній не признаваемыхъ преступленіями и проступками. Двѣ послѣднія категоріи постановленій о вознагражденіи за вредъ и убытки главнымъ образомъ относятся къ занимающему насъ вопросу. Въ первой, какъ я объяснилъ, мы встрѣчаемся съ 683 ст., которая, по мнѣнію моему, не исключаетъ примѣненія къ правительству и частнымъ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ 684-й ст., въ которой сказано: „Всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе и не составляли ни преступленія, ни проступка, если только будетъ доказано, что онъ не былъ принужденъ къ тому требованіями закона, или правительства, или необходимою личною обороною, или же стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ предотвратить.“ Законъ прежде всего считаетъ отвѣтственными лицами виновнаго въ томъ или другомъ изъ исчисленныхъ дѣяній или упущеній. Но затѣмъ и въ законахъ гражданскихъ и въ уст. угол. судопр. предусмотрѣны случаи отвѣтственности нѣкоторыхъ лицъ за дѣянія и упущенія другихъ, за которыхъ они обязаны отвѣчать (Т. X. ч. I ст. 653, 654, 683, 686 и 687 и 15 ст. уст. угол. судопр.). Эта отвѣтственность за другихъ, смотря по тому, относится ли дѣяніе или упущеніе къ преступленіямъ или проступкамъ, или ненаказуемое по закону, можетъ быть предметомъ подлежащимъ разсмотрѣнію или уголовнаго суда, во время производства уголовнаго дѣла, или гражданскаго суда. Въ указанныхъ 653, 654 и 683 ст. случаяхъ искъ о вознагражденіи, какъ тѣсно соединенный съ фактами уголовнаго преслѣ-

дованія, можетъ быть соединенъ и съ уголовнымъ судопроизводствомъ на основаніи 6, 7 и 15 ст. устава угол. судопр. Искъ же, вытекающій изъ 684, 686 и 687 ст. т. X. ч. I, какъ неимѣющій ничего общаго съ преступнымъ дѣяніемъ, подлежитъ судебному разсмотрѣнію на основаніи 1 ст. уст. гр. суд. Право гражданскаго истца (ст. 6 и 7 уст. угл. судопр.)—это право во имя страданія. Въ дѣлахъ о вознагражденіи вреда, причиненнаго несчастіями на желѣзныхъ дорогахъ, необходимо, чтобы законъ внушалъ обществамъ и правленіямъ желѣзныхъ дорогъ увѣренность, что кромѣ отвѣтственности непосредственно виновныхъ агентовъ ихъ, общества и правленія могутъ быть привлечены потерпѣвшими лицами о вознагражденіи ихъ, во время производства уголовнаго, чѣмъ и обезпечивается скорое и справедливое удовлетвореніе истцовъ. Какъ ни смутны правила, выраженныя въ 683 ст. том. X. ч. I., нѣтъ однакоже сомнѣнія, что цѣль закона заключалась въ установленіи правильной и безопасной эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, что этимъ закономъ опредѣлена прямая отвѣтственность и правительства и частныхъ компаній за агентовъ ихъ. Если хозяева фабрикъ за несчастія, случающіяся на оныхъ, привлекаются не только къ имущественной, но и къ личной отвѣтственности, то спрашивается—на какомъ же основаніи правительство и общества, эксплоатирующія желѣзныя дороги и обязанныя принимать должныя мѣры надзора за паровыми машинами, за соблюденіемъ при движеніи поѣздовъ высшаго предѣла быстроты движенія, за согласованіемъ поѣздовъ во избѣжаніе столкновеній, за отдѣленіемъ локомотивовъ отъ пассажирскихъ вагоновъ, за устройствомъ исправнаго телеграфнаго сообщенія, за безопасностью полотна дороги, за устройствомъ необходимыхъ сигналовъ, и за достаточнымъ и благонадежнымъ подвижнымъ матеріальнымъ и личнымъ составомъ, могутъ быть изъяты отъ дѣйствія новыхъ правилъ нашего судопроизводства, допускающихъ соединеніе гражданскаго иска съ уголовнымъ судопроизводствомъ. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ подъ рукою статистическихъ данныхъ, но полагаю, что въ нашемъ

отечествѣ число пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ должно быть каждогодно болѣе десяти милліоновъ; процентъ пострадавшихъ вѣроятно не малый, судя даже по неоффиціальнымъ извѣстіямъ. Въ заключеніе, думаю, что преніями нашими достаточно уяснился вопросъ. Я присоединяюсь къ мнѣнію А. М. Фальковскаго.

По отобраніи голосовъ отъ гг. членовъ Общества, бывшихъ въ засѣданіи, всѣ они, за исключеніемъ гг. Тихомирова, Кохнова, Бениславскаго и Ляпидевскаго, оставшихся при своихъ мнѣніяхъ, разрѣшили вопросъ утвердительно.

О ПРАВѢ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ,

КАКЪ ОСНОВѢ

ДЛЯ САМОУПРАВЛЕНІЯ.

Было время, когда въ Европѣ почти бредили англійскою конституціею, которая служила образцомъ для политическаго устройства многихъ державъ Европы. Но впослѣдствіи оказалось, что англійская конституція непереносима на чужую почву, будучи продуктомъ исторической жизни англійскаго народа, и что у каждой націи государственное устройство должно развиваться изъ собственной ея исторіи. Оказалось далѣе, что вообще слишкомъ много придавали значенія англійской конституціи и правамъ чисто политическимъ, опустивъ изъ виду государственное управленіе, имѣющее повсюду громадное вліяніе на всѣ права гражданъ, даже на права политическія. Тогда снова обратились къ Англіи и открыли въ ней еще институтъ Selfgovernement, который въ наше время составляетъ также предметъ общаго вниманія, общаго желанія, общаго исканія, такъ что можно сказать, что въ наши дни бредятъ уже не конституціею, а самоуправленіемъ, англійскимъ Selfgovernement.

Для лучшей оцѣнки явленія и дѣла, мы выносимъ вопросъ изъ широкой и неопредѣленной области самоуправленія и ставимъ его въ извѣстную сферу права, дополняя понятіе самоуправленія другимъ — *самостоятельности, или автономіи.* Область права!—Но что это за область? Какъ романисты, т.-е. изучающіе преимущественно римское право, не вполнѣ охотно признаютъ достоинство правъ національныхъ

и силятся доказать, что римское право должно быть исходнымъ пунктомъ для изученія правъ національныхъ и существеннымъ ихъ мѣриломъ или образцомъ, такъ и вообще цивилисты, т.-е., занимающіеся гражданскимъ правомъ, почти отрицаютъ титулъ права у другихъ системъ права, уголовнаго, государственнаго, административнаго, финансоваго, церковнаго, и выраженія: юристъ, юридическій, юриспруденція почти исключительно относятъ къ гражданскому, имущественному праву. Государственное, финансовое, уголовное право имѣютъ ли что нибудь схожаго съ правами лицъ на ихъ имущества? Государство имѣетъ право облагать подданныхъ поборами и повинностями, равно какъ наказывать ихъ за проступки и преступленія штрафами и наказаніями. Но что же это за право? Нужны государству тѣ-другія средства—и оно учреждаетъ налоги и взимаетъ тѣ-другія пошлины; находитъ государство вредными тѣ-другія дѣйствія, оно запрещаетъ ихъ и потомъ караетъ ихъ совершителей. Какое же соотвѣтствіе можетъ существовать между этимъ правомъ государства и властію лица на его имущество, въ формѣ собственности, владѣнія, наслѣдованія? Но всего произвольнѣе представляется уму цивилиста самоуправленіе и уже вовсе неосновательнымъ предположеніе о правѣ самостоятельности или автономіи, хотя бы напр. земства. Такъ расходятся—не скажу теорія и практика,—а школа и жизнь, жизнь, долженствующая расширять узкія рамки школьныхъ положеній.

Есть предразсудки въ жизни, но они существуютъ и въ наукѣ, особенно въ той, которую опредѣляютъ общимъ мнѣніемъ ученыхъ: communis opinio doctorum. Предразсудки въ наукѣ составляютъ результаты школы, которая вся держится авторитетами и постоянно твердитъ: наука, современная наука, послѣднее слово науки, т.-е. извѣстной массы писателей и ученыхъ по извѣстной части. Предразсудки, думаю, существуютъ даже въ натуральной исторіи, напр., въ зоологіи, которая между прочимъ разсказываетъ про нравы животныхъ, напр. бегемотовъ,—про нравы птицъ, напр. ласточекъ,—про нравы букашекъ, таракашекъ и т. д. Впрочемъ здѣсь

почти извинительны предразсудки, или непровѣренныя повторенія словъ того автора, который одинъ лично наблюдалъ за бегемотами, ласточками, таракашками и т. д. Нельзя же каждому все въ природѣ провѣрить собственнымъ наблюденіемъ. Но въ области права необходимо, чтобы каждый передумалъ самъ все то, что утверждаетъ. Тутъ предразсудки неизвинительны. Между тѣмъ въ какой части права нѣтъ такихъ предвзятыхъ положеній? И не были ли западные юристы принуждены къ тому самымъ актомъ рецепціи римскаго права? Не отъ того ли акта идетъ положеніе, что jus romanum est ratio scripta, что по его образцу должно составлять всякое гражданское уложеніе и оттуда выводить всякое объясненіе? Западная Европа раньше нашего стала заимствовать гражданскіе законы у Римлянъ, а политическіе у Англичанъ. Заимствованіе же повсюду означаетъ отреченіе отъ своего и даже отъ своей свободы,—откуда происходятъ узкость, нетерпимость, а наконецъ притязательность разныхъ ученыхъ воззрѣній. Не замѣчаютъ романисты, что жизнь уходитъ далѣе ихъ нормы; не замѣчаютъ цивилисты, что жизнь шире ихъ положеній.

Къ числу подобныхъ явленій жизни принадлежатъ вопросы о правѣ самоуправленія и автономіи или самостоятельности, которые очевидно разрушаютъ старую теорію субъектовъ права. Въ одномъ мѣстѣ этого журнала мы вели рѣчь объ объектахъ; теперь приходится критически отнестись къ ученію, установившемуся относительно субъектовъ. Пользуемся сочиненіемъ профессора Берлинскаго университета Барона для возстановленія стариннаго ученія о субъектахъ (Pandekten Baron's, Berlin, 1872).

Не говоря уже о томъ, что пандектистъ толкуетъ въ своей системѣ вообще о правѣ, т.-е. о всякомъ правѣ и вообще законѣ или обычаѣ, не ограничиваясь правомъ гражданскимъ, имущественнымъ, ученіе пандектиста о субъектахъ явно имѣетъ задачею опредѣлить субъектъ всякаго права, отъ гражданскаго, уголовнаго до государственнаго. Это ученіе начинается вопросомъ о правахъ въ субъективномъ смыслѣ и прежде всего ученіемъ о субъектахъ, такъ называемыхъ у

нѣмцевъ Rechtsträger, а у нашихъ авторовъ — *носителей права*. „Такъ какъ всѣ права, говоритъ Баронъ, существуютъ для человѣка, то первоначально человѣкъ почитается этимъ субъектомъ, иначе лицомъ,—и только человѣкъ.“ Отсюда выходитъ, что субъектъ правъ носитъ два названія—человѣка и лица. Почему же въ наше время, столько толкующее о правахъ человѣка, о правахъ человѣческихъ и человѣчества, пандектисты все еще твердятъ о лицахъ, а не о людяхъ? Лицо есть выраженіе искусственнное, техническое, школьное, историческимъ преданіемъ вошедшее въ школу, а затѣмъ и въ обыденную жизнь. У Римлянъ говорилось: de jure personarum,—и мы говоримъ: о правѣ лицъ. Но латинское: persona, имѣющее всю связь съ словами: sonare, personare—звучать, звучать громко, внятно,—весьма вѣроятно, противополагалось всему невнятному, неясному въ языкѣ, что обозначалось у Грековъ названіемъ βαρβαρος, а у Римлянъ—barbarus,—по нашему нѣмецъ, въ противоположность словенину, понятному, ясному, удобослышимому. Во всякомъ случаѣ persona выражаетъ въ себѣ узкое значеніе субъекта, которымъ могъ быть Грекъ и Римлянинъ, а не варваръ, а слѣдовательно и не рабъ, образовавшійся, какъ гласитъ преданіе, изъ плѣнныхъ иноземцевъ. Отказать варварамъ и рабамъ въ ихъ значеніи человѣческомъ было невозможно, тогда какъ лишить ихъ правъ лица было весьма натурально. Впрочемъ, это дѣло исторіи; въ наше время человѣкъ признанъ повсюду и вполнѣ за субъектъ права Почему же нужно школѣ удерживать свое узкое выраженіе лица? Потому что это—отвлеченіе, которое можетъ съуживаться и расширяться, по произволу. Римляне съуживали это понятіе; новѣйшіе ученые расширяютъ. „Настоящее общее право знаетъ расширеніе лица, допускаетъ дѣленіе на естественныя и юридическія,“ говоритъ Баронъ. Конечно, нельзя говорить о человѣкѣ естественномъ или юридическомъ, а тѣмъ менѣе о физическомъ или идеальномъ, фиктивномъ, моральномъ, какъ это дѣлаютъ съ лицами. Такимъ образомъ далѣе рядомъ съ дѣйствительнымъ лицомъ, человѣкомъ получается лицо юридическое, фиктивное — fictio. И не смущается воображеніе

пандектиста при выраженіи, по которому его фиктивный субъектъ, этотъ его носитель правъ, долженъ раждать только фиктивныя права, немыслимыя при другомъ выраженіи—человѣкъ, который есть реальность и творитъ одинъ реальныя права.

„Человѣкъ, говоритъ Баронъ, самъ опредѣляетъ тѣ цѣли, для которыхъ должны служить его права. Но есть цѣли, которыя переживаютъ отдѣльнаго человѣка, есть цѣли, которыя переживаютъ цѣлыя поколѣнія людей.“ Эти цѣли, вызывающія въ той или другой формѣ общеніе имуществъ разныхъ лицъ, уравниваются съ лицомъ и представляются какъ бы лицами, но лицами вымышленными, фиктивными. Эти-то вымышленныя лица, иначе цѣли, суть юридическія лица, къ которымъ пандектисты относятъ: 1) государство и казну, 2) политическіе союзы, каковы общины, провинціи и т. п., 3) отдѣленія войскъ, напр. легіоны, 4) религіозныя общества, напр. жрецовъ и жрицъ, 5) общества служащихъ,—писцовъ, декуріоновъ и т. д. и т. д., заключая учрежденіями для достиженія дозволенныхъ цѣлей, каковы: piae causae — наши богоугодныя учрежденія. Соображеніе всѣхъ этихъ явленій жизни, собственно римской, съ ея легіонами, жрецами, piae causae даетъ пандектистамъ право раздѣлять юридическія лица на два рода: на корпораціи и на учрежденія, даже съ пропускомъ современныхъ компаній, страховыхъ, желѣзнодорожныхъ, или подобныхъ англо-индійской, россійско-американской и т. п. Но спрашивается: государство принадлежитъ ли къ корпораціямъ или къ учрежденіямъ; а община сельская, или городская; а уѣздъ, или губернія и область? Кто же въ наше время назоветъ государство корпораціею, губернію учрежденіемъ, или корпораціею, или даже полкъ отнесетъ къ корпораціи, или къ учрежденію? Но какъ бы вы ни назвали эти существа, по ученію пандектистовъ всѣ они остаются фикціями. Государство есть фикція, область и земство—фикція, Лондонъ, Парижъ, Москва—фикціи, богоугодныя учрежденія—фикція, народъ—фикція. Не эти общества существуютъ, по воззрѣнію пандектистовъ, а только ихъ цѣли, для которыхъ лица физическія работаютъ въ каж-

дый моментъ существованія юридическаго лица. Что же послѣ того лица физическія? Конечно, средства для извѣстныхъ цѣлей, или объекты! Куда же мы придемъ съ такимъ построеніемъ? Между тѣмъ это построеніе юридическаго лица признается самымъ лучшимъ, потому что оно сообразно съ римскими источниками права,—quellenmässig!

Но пусть все это будетъ фикція; посмотримъ, допускаютъ ли пандектисты особыя права въ пользу ихъ фиктивныхъ субъектовъ и допуская, излагаютъ ли ихъ въ своихъ системахъ? Принявъ на себя рѣшеніе всего вопроса о субъектахъ права, да производя всѣ права изъ воли и существа субъектовъ, пандектисты должны были изложить всѣ права какъ физическихъ, такъ и юридическихъ лицъ. На дѣлѣ пандектисты говорятъ только о правахъ имущественныхъ своихъ субъектовъ. Положимъ, что они правы, съуживая такъ свою программу, но тогда по крайней мѣрѣ, они подробно, полно и отчетливо изложатъ всѣ права имущественныя своихъ субъектовъ, физическихъ и юридическихъ лицъ? Къ удивленію, мы не находимъ, чтобы въ пандектахъ излагались права юридическихъ лицъ. Возьмемъ, напримѣръ, отдѣлъ правъ вещныхъ, куда они относятъ dominium или собственность, servitutes или повинности, emphyteusis или вѣчную аренду, superficies или право наемщика изъ постройки, или для постройки и hypotheca или залогъ. Не забудемъ, что всѣ права эти относятся, почти исключительно, къ землѣ, которая одна несетъ servitutes, emphyteusis, hypotheca etc. Спрашивается, имѣетъ ли юридическое лицо право собственности въ своей землѣ? Пандектисты отвѣчаютъ на вопросъ положительно, т.-е. утвердительно, выражаясь напр. такъ: „корпорація есть хозяйка, или собственница вещей, или объектовъ, назначенныхъ къ достиженію цѣли.“ Въ то же время собственность опредѣляютъ они „полнымъ и исключительнымъ господствомъ лица надъ вещью“, до отчужденія, до уничтоженія вещи. Итакъ, по ученію пандектистовъ, государство можетъ подарить, отдать въ приданое за принцессой, или продать свою землю, свою территорію, заложить ее или уничтожить, равно какъ городъ и провинція имѣютъ по этому

также право подарить, продать, заложить, уничтожить ту землю, на которой они существуютъ и живутъ. Это немыслимо, а такъ выходитъ изъ даннаго въ пандектахъ построенія понятій. Объясненіе дѣла заключается въ томъ, что хотя пандектисты говорятъ объ юридическихъ лицахъ, но правъ ихъ въ своихъ системахъ не излагаютъ и даже въ области имуществъ имѣютъ въ виду одни физическія лица. Этого мало. Надо прибавить, что пандектисты намѣренно объявляютъ субъектомъ правъ не человѣка, а лицо, личность, индивидуальность, которыя для нихъ служатъ исключительными носителями права. Назвавши субъектомъ права лицо и преимущественно физическое, отдѣльное, легко доказать, что соединенія лицъ въ корпораціи и т. д. суть продуктъ личнаго расположенія, разсчета, произвола и что всѣ эти соединенія болѣе или менѣе опредѣляются волею физическихъ лицъ, а потому подлежатъ рѣшенію пандектистовъ. Такъ и случилось, такъ и дѣлается по образцу Римлянъ и по римскимъ источникамъ права съ современнымъ семействомъ, а частію съ современной общиной и даже съ современнымъ народомъ и государствомъ. Семья отнесена въ систему пандектъ, въ область частнаго, личнаго права. Пандектисты не признаютъ семьи даже юридическимъ лицомъ, или лучше, не признаютъ ее вообще лицомъ, а какимъ-то аггрегатомъ физическихъ лицъ, изъ которыхъ однакожъ каждому присвояются особыя семейственныя права, напр. право мужа и жены, право родителей и дѣтей, опекуновъ и т. п. Стало-быть семья, не будучи лицомъ, не имѣетъ собственныхъ своихъ правъ, а лица, ее составляющія, все-таки отъ семьи пріобрѣтаютъ свои права. Построеніе довольно странное, предполагающее возможность сообщать права другимъ отъ того, кто ихъ самъ не имѣетъ. Если семья очевидно не есть лицо физическое, да не признается юридическимъ, — какимъ же образомъ можетъ она быть отнесена къ области гражданскаго права? Нелѣпость. Читали же мы въ нашемъ „Вѣстникѣ“ рѣшеніе здѣшняго окружнаго суда, которымъ судъ отказывается отъ исполненія статьи гражданскихъ законовъ о томъ, что мужъ имѣетъ право требовать жену для совмѣст-

ной жизни. Ясно, что гражданскіе законы невыполнимы въ дѣлѣ семейнаго права. Это—не ихъ дѣло. Съ другой стороны, пандектисты объявляютъ общину, село и городъ, равно какъ государство, юридическими лицами, т.-е. фикціями и потому считаютъ эти общины и государства существующими по силѣ разсчета лицъ физическихъ, а потому какъ бы узаконяютъ начало, по которому и семья и община и народъ и государство въ основѣ своей имѣютъ договоръ, contract social, а потому и въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своемъ бытіи зависятъ отъ разсчета и произвола своихъ физическихъ лицъ. Бракъ на этомъ основаніи можно расторгнуть, по волѣ супруговъ; но по тому же можно общинную землю раздѣлить, или продать, по желанію наличныхъ членовъ села и деревни, и далѣе государствомъ можно такъ или иначе распорядиться, согласно, напр. поголовной подачѣ мнѣній наличнаго населенія. Это—формальное отрицаніе вѣчныхъ общечеловѣческихъ принциповъ и замѣна ихъ личнымъ произволомъ отдѣльныхъ особей. Это—юридическое обоснованіе дарвинизма, позитивизма, соціализма, произвола.

Во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній, или немыслимыхъ послѣдствій и даже нелѣпостей, субъектомъ права мы называемъ человѣка, и только человѣка, въ его земной, реальной жизни. Божество мы представляемъ себѣ лицомъ; ангелы также несомнѣнно личны и святые въ небесномъ царствѣ суть лица; но всѣ эти лица не суть субъекты правъ, подобно человѣку и людямъ. Какъ скоро же человѣка назвали мы субъектомъ, то, во имя его природы, мы должны признать субъектомъ права и общества людей. Отдѣльный человѣкъ есть отвлеченіе. Отдѣльно, вполнѣ изолированно люди не живутъ, не существуютъ и не могутъ ни явиться, ни развиться внѣ напр. семьи, внѣ общины, внѣ человѣческаго общества. Такимъ образомъ первымъ, или главнымъ понятіемъ здѣсь будетъ общество, несомнѣнно дѣйствительное, реальное существо; а уже вторымъ болѣе отвлеченнымъ, отдѣльный, обособленный человѣкъ, мысленно отторгнутый отъ общества для той или другой школьной цѣли изученія, наблюденія и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, почему физическое

лицо пандектистовъ, или отдѣльный человѣкъ, въ наше время признаются субъектами права? Потому что въ цѣлой природѣ это — единственно сознательныя, разумныя существа, такъ что вся природа внѣ человѣка представляется только объектомъ для правъ человѣка. И понятно, что, напр. сумасшедшій не будетъ имѣть правъ, хотя онъ лицо физическое, даже человѣкъ, но лишенный разума. Слѣдовательно, очевидно, что существо субъекта—разумность; а гдѣ эта разумность неизмѣнна, постоянна, полна, не завися ни отъ пола, ни отъ возраста, ни отъ здоровья или болѣзни? Конечно, въ обществѣ. Слѣдовательно, главный субъектъ права есть общество, и отдѣльное лицо только отъ общества получаетъ даже свое значеніе субъекта правъ, даже въ области гражданскаго права. Почему тамъ или здѣсь женщина не имѣла всѣхъ имущественныхъ правъ, предоставленныхъ гражданамъ? Потому что она не имѣла права являться на forum и вершить negotia. Почему дѣти, больные, сумасшедшіе лишены права совершать тѣ или другія сдѣлки? Потому что первоначально всѣ сдѣлки были публичными актами, и тутъ предъ народомъ оказалось невозможнымъ допустить подобныхъ людей до этихъ сдѣлокъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, одно вѣрно, что при словѣ: человѣкъ, непремѣнно въ сознаніи, какъ и въ жизни, является понятіе: человѣческое общество. Посему субъектомъ правъ могутъ быть или отдѣльные люди, или ихъ соединенія, общества, и только. Общества уже не фикціи, а реальныя существа. Но какъ отдѣльные люди имѣютъ свой status, говоря терминомъ пандектистовъ, такъ и общества имѣютъ свои особенности, по которымъ они дѣлятся на свои виды. Обществъ весьма много—и нѣмецкіе ученые, по разнымъ частямъ права, — отъ пандектистовъ до полицеистовъ,—придумали массу подраздѣленій. Опять вся эта масса объясняется исходною точкою воззрѣнія на дѣло. Если общества суть произвольныя соединенія лицъ, то конца невозможно опредѣлить разнообразію, какъ нельзя предѣлы указать произволу. Но выдѣлите естественное, разумное, общечеловѣческое изъ области произвола и получится рѣшеніе простое. Въ основѣ понятія объ обществѣ находится

человѣкъ, который и по своей человѣческой природѣ и по своимъ личнымъ разсчетамъ или цѣлямъ вступаетъ въ общеніе съ подобными себѣ. По этимъ двумъ основаніямъ общенія мы различаемъ двѣ группы обществъ: одну — натуральную, общечеловѣческую и другую — произвольную, договорную, гражданскую. Послѣдняя можетъ являться въ весьма различныхъ видахъ, собственно договорнаго общества — societas, рабочаго соединенія — артели, соединенія капиталовъ—компаніи и т. д., до юридическихъ лицъ пандектистовъ, до корпорацій и до сословій, опредѣляемыхъ цѣлями. Всѣ эти общества составляются для достиженія извѣстныхъ цѣлей, которыя, какъ бы ни были отдаленны, достигаются рано или поздно и тѣмъ полагаютъ конецъ обществу. Это— общества цѣлей, собственно товарищества. Напротивъ первая группа точно, ясно, положительно опредѣлена исторіею свего человѣчества. Это—повсюду и всегда—семья, община, народъ, само человѣчество и человѣческія общества, которыя имѣютъ въ своей основѣ не тѣ или другія конечныя, т.-е. кончающіяся цѣли, а вѣчно развивающіяся идеи — семьи, церкви, народа, государства — идеи, вызывающія человѣка къ построенію идеаловъ для этихъ обществъ и къ вѣчному стремленію въ направленіи къ этимъ идеаламъ, что́ и опредѣляетъ бытъ человѣка и его право. Этою общественностью, этимъ бытомъ общественнымъ и жизнью въ такихъ обществахъ идей, человѣкъ существенно отличается отъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ животныхъ и феноменовъ внѣшней природы. Это — палладіумъ нашей разумности, нашей свободы, нашего права и господства среди природы; только отдѣльно взятые люди, какъ физическія лица, входятъ въ область видимой природы и подаютъ поводъ сомнѣваться и въ ихъ правѣ на природу и въ ихъ свободѣ дѣйствій и часто въ ихъ разумности. Прибавимъ, что если физическія лица могутъ имѣть право на титулъ носителей права, то человѣческія общества должны быть названы творцами права. Никакое право отдѣльныхъ лицъ немыслимо внѣ общества и безъ его признанія, а стало-быть внѣ общества немыслимъ и самый титулъ лица, какъ носителя правъ, или пре-

дикать лица, какъ субъекта правъ. Обратимъ же хоть теперь вниманіе на общество человѣческое, которому еще божественный Платонъ приписывалъ великую важность, говоря, что человѣкъ есть существо общественное. Общечеловѣческія общества, каковы: государства, народы, области, земства, общины и семейства, не суть юридическія лица, опредѣляемыя цѣлями и волею отдѣльныхъ лицъ, а общества, какъ самостоятельный субъектъ своихъ общественныхъ правъ, хотя это не quellenmässig, не согласно съ римскими источниками права.

Замѣчательно, что въ языческомъ, античномъ мірѣ не встрѣчаемъ мы дѣйствія этого общества. Въ Египтѣ, какъ впослѣдствіи въ Греціи и въ Римѣ, оно явно поглощается политическимъ единеніемъ, или государствомъ, которое, такъ или иначе отдѣливъ народъ отъ земли, напр. въ Египтѣ покупкою земли за хлѣбъ во время голода и раскинувъ по всей территоріи сѣть своего управленія, разбивало народъ на касты, или классы, на пласты, уже лишенные своей опоры и содѣлавшіеся служебными элементами государства. Такъ впослѣдствіи въ средніе вѣка въ западной Европѣ дѣйствуетъ начало, по которому земля, напр. въ Англіи съ Вильгельма-Завоевателя, составлетъ вотчину и собственность королей, а не народа, который и тутъ, отдѣленный отъ земли, дѣлится на сословія. Такъ и въ нашемъ отечествѣ, со временъ Петра Великаго, предъявившаго право государства на всю землю, правительство раздробило народъ на сословія и чрезъ то несомнѣнно ослабило или даже частію уничтожило русское общество. При этомъ, естественно, высшіе классы получали права насчетъ низшихъ, а потому повсюду образовалось рабство — вмѣстѣ, наряду и вслѣдствіе преимуществъ, дарованныхъ гражданамъ, воинамъ, жрецамъ, или дворянству. Только народъ іудейскій образовалъ родъ оазиса среди древнихъ своихъ языческихъ сосѣдей Египта, Греціи и т. д., удержавъ свою власть надъ землею и сохранивъ чрезъ то свое территоріальное значеніе, отстоявъ среди себя личную свободу и породивъ у себя несомнѣнно человѣческое

общество, въ отличіе отъ политическаго, и тѣмъ создавъ впервые на Востокѣ умѣренное правленіе.

Христіанство, какъ исповѣданіе вполнѣ человѣческое, вводитъ въ міръ чисто человѣческое начало любви и чисто человѣческое устройство—общество, церковь, которая такъ описана у апостола Павла (1 Коринѳ. XII, 4, слѣд.): „раздѣленія дарованій суть, раздѣленія служеній суть, и раздѣленія дѣйствъ суть. Коемуждо дается явленіе духа, овому слово премудрости, иному слово разума, другому вѣра. Якоже бо тѣло едино есть и уды имать многи; вси же уди единаго суть тѣла. Аще страждетъ одинъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди.“ Итакъ человѣческое общество есть единство въ разнообразіи, единство при множествѣ различныхъ членовъ, единство въ общности направленія и стремленія, не уничтожающее различія въ способностяхъ и дѣятельности своихъ членовъ. Это общество основывается на свободѣ отдѣльныхъ элементовъ и на ихъ свободномъ единеніи, на единеніи полномъ, доходящемъ до страданія всѣхъ членовъ при страданіи одного, или просто выражаясь, до круговой поруки и до единства организма, или тѣла.

Такое общество есть продуктъ человѣческаго разума и человѣческой жизни. Въ природѣ не можетъ быть ничего подобнаго. Для человѣческаго общества требуется разнообразіе отдѣльныхъ способностей, дарованій, служеній, дѣйствій, чего нѣтъ въ индивидуумахъ внѣшней природы. Въ человѣческомъ обществѣ необходимо сліяніе различныхъ силъ, дарованій, способностей въ единство, по требованію самаго различія. Слѣдовательно свободное и сознательное сліяніе. Отдѣльныя силы и дарованія разума стремятся тутъ къ общимъ, болѣе разумнымъ положеніямъ разума. Единеніе членовъ есть исканіе высшаго разума. Наконецъ, общество требуетъ знаній и умѣнья обезпечить бытіе массы на данномъ, часто маломъ пространствѣ, требуетъ охраны и обезпеченія посредствомъ учрежденій права, требуетъ соглашеній, требуетъ языка, понятнаго для всѣхъ, вообще того, чего не имѣетъ ниодно недѣлимое ниодного изъ разныхъ царствъ природы.

Итакъ, что же такое человѣческое общество, какъ самостоятельный субъектъ своихъ самостоятельныхъ правъ? Прежде всего, это—единеніе людей, влекомыхъ къ тому всею ихъ человѣческою природою, слѣдовательно единеніе полное, обнимающее собою всѣ способности и всѣ силы человѣка. Поэтому такое общество называемъ мы человѣческимъ, или обще-человѣческимъ, каковы, напр., семья, общины, народъ и само человѣчество. Далѣе человѣческое общество представляется единствомъ всего индивидуальнаго разнообразія членовъ, такъ что каждый членъ находитъ въ обществѣ возможное удовлетвореніе своихъ потребностей и въ то же время вноситъ въ него свою особенность, находящую тамъ непремѣнно свое назначеніе и употребленіе. Каждый единичный элементъ служитъ органомъ для общества, котораго общими средствами питается и развивается. Поэтому наше общество носитъ названіе органическаго. Наконецъ, это общество, составляя часть человѣчества, или народа, непремѣнно осѣдло, мѣстно и территоріально, начиная съ семьи, которая непремѣнно ведетъ къ осѣдлости. Будучи мѣстнымъ и территоріальнымъ, человѣческое общество является необходимо единствомъ обоихъ элементовъ, субъективнаго и объективнаго, или соединеніемъ господствующаго разумнаго субъекта и подчиненнаго ему объекта или природы въ данныхъ предѣлахъ. Объектъ или имущества общества образуются не отъ единенія отдѣльныхъ имуществъ, частныхъ, а составляются самостоятельнымъ правомъ общества. Территорія народа, какъ и земля общины, не произошли отъ слія-нія частныхъ имуществъ, а искони и первоначально составляютъ владѣніе народа и общины. Отсюда вытекаетъ самостоятельность общества, или такое его состояніе, по которому оно само въ себѣ содержитъ и основаніе къ своему бытію и средства къ своему развитію. И кто же когда отрицалъ у семьи или сомнѣвался въ правѣ семьи самостоятельно устроить воспитаніе своихъ сочленовъ, опредѣлить ихъ образъ жизни, научить ихъ языку страны, сообщить имъ свѣдѣнія, нужныя для жизни? И не то же ли видимъ мы далѣе во всѣхъ общинахъ и земствахъ, и не это ли состав-

ляетъ условіе и основу для единства народа, единства національнаго? То, что призвана совершить семья, община, земщина, нація, есть задача человѣческаго общества, которое, будучи единствомъ всего человѣческаго, непремѣнно сообщаетъ всѣмъ этимъ своимъ видамъ тождественный предметъ и вопросъ для выполненія. А такъ какъ все человѣческое можетъ быть выражено въ трехъ слѣдующихъ направленіяхъ: религіозно—моральнаго, разумно—полезнаго и обезпеченно—праваго, то естественно, что эти три вопроса составляютъ существенный предметъ дѣятельности человѣческаго общества и предметъ исключительный. Въ сферѣ этого-то предмета общество самостоятельно.

Самостоятельность человѣческихъ обществъ тоже, что свобода лицъ и самодержавіе государствъ. Посему наше общество самостоятельно: 1) по акту своего происхожденія. Какъ свобода признается за отдѣльнымъ лицомъ съ момента рожденія, а иногда даже съ момента зачатія безъ особаго на то закона, такъ общество, въ моментъ своего нарожденія, не требуетъ для понятія объ его самостоятельности никакаго спеціальнаго признанія, утвержденія, или освященія, за исключеніемъ семьи, какъ первой ступени общественности для отдѣльныхъ лицъ. Совершенно другое начало господствуетъ относительно лицъ юридическихъ, но совершенно по особой причинѣ, чисто государственной политической, или полицейской. Противъ произвола отдѣльнаго лица существуютъ въ государствѣ судъ и расправа, но противъ дѣйствій такихъ, часто многочисленныхъ и могучихъ корпорацій, какъ цехи, гильдіи, сословія и т. п., одно у правительства средство — сознаніе объ ихъ образованіи, составленіе для нихъ устава, и надзоръ, чтобы ихъ дѣятельность не шла противъ пользъ и видовъ государства. Человѣческія же общества, какъ и государства, никогда не возбуждаютъ подозрѣній; они существуютъ силою исторіи, во имя народной жизни, по воззрѣніямъ народа, входящимъ въ основу и въ содержаніе самихъ законовъ. Оттого произошло, что общины, села и города, равно какъ земщина и земство, подобно областямъ и народу, появляются раньше государ-

ства, служа для него основаніемъ, почвою, мотивомъ бытія, или raison d'être. Пандектисты допустили громадную ошибку, пріурочивъ человѣческія общества къ юридическимъ лицамъ и признавъ за государствомъ, или правительствомъ власть и право санкцировать акты нарожденія обществъ. Но относя и самыя государства къ юридическимъ лицамъ, стали въ тупикъ предъ вопросомъ: кто-же будетъ утверждать и санкцировать зарожденіе, начало, или происхожденіе государствъ?

2) Человѣческое общество самостоятельно въ томъ смыслѣ, что какъ его принципъ, такъ и вѣдомство не зависятъ ни отъ произвола лицъ въ него входящихъ, ни отъ распоряженій правительства, надъ нимъ поставленнаго. Вмѣшательство отдѣльныхъ членовъ, какъ и вмѣшательство государства, во внутренній бытъ общества не дозволительно, противно природѣ человѣческихъ обществъ. Объяснимся. Не всякое вліяніе государства называется вмѣшательствомъ; общіе законы относительно обществъ, помощь имъ оказываемая, или защита, не составляютъ вмѣшательства, которое собственно состоитъ въ устраненіи отъ дѣйствія настоящаго хозяина, или субъекта, и въ замѣщеніи его лицомъ посторонникъ, частнымъ, или правительственнымъ. А вотъ нѣсколько подробностей для того же объясненія. Смыслъ и значеніе юридическаго лица, или договорнаго общества, напр. товарищества, компаніи—весь этотъ смыслъ и все это значеніе зависятъ отъ воли членовъ и опредѣляются этою волею, тогда какъ идея семьи, съ ея взаимною любовью, или значеніе общины, съ ея круговою порукою, или земство съ его властью издавать обязательныя для членовъ его постановленія, совершенно не зависятъ отъ произвола, или соглашенія отдѣльныхъ ихъ членовъ или, лучше, отдѣльныхъ лицъ. Никто изъ этихъ лицъ не можетъ вступить въ законный бракъ, съ цѣлью нарушить принципъ любви, никто не можетъ оставаться въ общинѣ, или въ земствѣ, явно и силою противодѣйствуя принципу общенія. Напротивъ, какъ въ государствѣ —этомъ обществѣ обществъ—отдѣльныя лица подчиняются и духу и направленію народа и государства, такъ въ семьѣ,

общинѣ, земствѣ отдѣльныя лица отъ общества получаютъ свои опредѣленія. Сильно ошибаются тѣ, кто думаютъ, что можно произвольно установить форму и бытъ семьи въ народѣ или по временной игрѣ фантазіи опредѣлить жизнь въ общинѣ, или, хотя бы поголовно подачею голосовъ, порѣшить то или другое государственное устройство. Общій духъ народа, высказывающійся въ его исторіи, одинъ тутъ распоряжается и господствуетъ.

Съ другой стороны и государство, или правительство, не можетъ разумно вмѣшиваться въ бытъ и во внутреннюю жизнь семьи, общины, земства. Въ предѣлахъ своего вѣдомства, какъ лицо въ предѣлахъ своего права, общество должно дѣйствовать самостоятельно. Относительно отдѣльнаго лица это такъ для всѣхъ очевидно, что выраженія: право лица, право собственности, владѣнія и т. д. именно понимаются въ значеніи томъ, по которому лицо независимо и свободно распоряжается въ предѣлахъ своего права, въ предѣлахъ напр. своей собственности, своего владѣнія, своего имѣнія, дома, лавки, завода, откуда выведена извѣстная аксіома экономистовъ: laisser aller et faire, или иначе, нѣтъ гражданскаго, частнаго, личнаго права. Посему, если мы признаемъ общество за особый субъектъ его правъ, то должны допустить полную независимость его распоряженій въ предѣлахъ этихъ ему принадлежащихъ правъ, или въ предѣлахъ его вѣдомства. Само собою разумѣется, что эти самостоятельныя распоряженія обществъ должны быть согласны съ принципами, дѣйствующими въ обществахъ. Принципы же обществъ народны, даны народной жизнью, а потому всенародны и необходимо входятъ въ составъ законовъ страны, или въ область государственнаго законодательства. Государство призвано какъ для дѣлъ войны и мира, такъ и для дѣятельности законодательной, которая должна выразить принципы народной жизни. И вотъ почему мы встрѣчаемъ въ законахъ о семьѣ такъ-называемыя моральныя положенія о взаимной любви супруговъ, родителей и дѣтей и т. д. Это невмѣшательство и упомянутыя моральныя положенія вовсе не суть законы въ смыслѣ статей, руководящихъ пригово-

рами суда, а собственно общій законъ или внѣшнее выраженіе того принципа, изъ котораго должны вытекать и получать свое объясненіе отдѣльныя статьи кодекса. Законъ о семьѣ въ смыслѣ такого выраженія принципа не признаетъ и не знаетъ семьи безъ любви, помимо любви или въ противность любви, и тамъ гдѣ мужъ ли, жена ли, родители, дѣти дѣйствуютъ въ противность указанному принципу, законъ отрицаетъ справедливость и правомѣрность такихъ дѣйствій, а иногда и караетъ ихъ совершителей. Примѣромъ тутъ можетъ послужить вопросъ о незаконныхъ дѣтяхъ и незаконномъ сожительствѣ или конкубинатѣ. Такое сожительство, весьма натурально, лишено семейнаго принципа любви, любви чистой, полной, высокой, самопожертвующей—однимъ словомъ, человѣческой истинной любви, хотя можетъ быть вызвано бѣшеною страстью. Поэтому подобное сожительство считается незаконнымъ и дѣти отъ такого сожительства не признаются въ правѣ на званіе членовъ семьи, связанныхъ началомъ любви. Но тамъ, гдѣ семья явно предъ лицомъ закона не нарушаетъ своего законнаго принципа, тамъ она дѣйствуетъ самостоятельно, безъ вмѣшательства—со стороны ли полиціи или со стороны администраціи, которыя въ ея дѣла не вмѣшиваются. Тоже имѣетъ мѣсто въ области общиннаго быта, чему наглядымъ примѣромъ служитъ приходъ Англіи. По древне-христіанскому положенію—quaeque civitas suos pauperes alito,—уравнивая civitas съ приходомъ, англійскій законъ установилъ, что каждый приходъ долженъ призрѣвать своихъ нищихъ и что это — дѣло приходовъ, а не государства, или графства. Итакъ, законъ ограничивается установленіемъ начала, по которому приходъ существуетъ по правилу круговой поруки и для наблюденія за выполненіемъ указаннаго начала государство смотритъ зорко посредствомъ мировыхъ судей. Но подробности призрѣнія предоставлены приходамъ и ихъ представителямъ, open vestry, select vestry etc. Въ такомъ же отношеніи къ государству и приходу находятся церкви и причты, дороги и сообщенія, школы и учрежденія санитарныя и т. д. Вмѣшательства въ эти дѣла не дозволяетъ себѣ правительство, хотя считаетъ

своимъ долгомъ издать законъ о томъ, чтобы храмы, школы, дороги, по общинамъ, были поддержаны, заведены, открыты и т. д. Наконецъ, въ указанномъ смыслѣ самостоятельно и земство. Министръ и губернаторъ имѣютъ только надзоръ за тѣмъ, чтобы законы относительно земства были точно выполнены, чтобы собранія собирались, выборы были правильны, постановленія формально законны, дѣйствія земства не восходили за предѣлы его вѣдомства. Въ противномъ случаѣ—судъ. Но судъ и въ томъ случаѣ, когда министръ и губернаторъ вмѣшаются въ область земства. Это ясно. А для большей доказательности мысли не будетъ ли угодно читателю, оставивъ обычный ходъ изслѣдованія нашихъ правъ порядкомъ сложенія разрозненныхъ единицъ, обратиться къ способу болѣе естественному въ области идей, къ способу вывода частныхъ правъ изъ одного общаго права. Изъ разрозненныхъ единицъ, изъ отдѣльныхъ личностей,—сколько бы ихъ ни было,—нельзя построить ни общества, ни народа, ни государства. Это—песчинки въ горсти песку и какъ ни сжимайте ихъ механически, силою вы не получите даже комка, если не свяжете этой массы какимъ-нибудь цементомъ. Такой цементъ для связи отдѣльныхъ лицъ въ обществѣ называется народностью. Поэтому все частное и личное должно быть разсматриваемо и обсуждаемо съ высоты общей идеи—народности, народа. Въ самомъ словѣ „народъ“ уже слышится выраженіе связи для его отдѣльныхъ частей, органовъ, членовъ, лицъ; что-то родное должно быть между этими составными частями населенія, что-то общее по рожденію и непрерывному преемству, что-то единое и непрерывное во времени и въ пространствѣ. Единое и непрерывное во времени есть что-то вѣчное въ бытіи или постоянное или хоть неопредѣленно-продолжительное. И таково бытіе народа. Но таково же бытіе областей, общинъ и семействъ въ народѣ, откуда легко выводимъ право земства, право общины, право семьи и вообще органовъ народа на бытіе и развитіе. Непрерывность въ пространствѣ представляется постепеннымъ занятіемъ территоріи населеніемъ осѣдлаго народа, такъ что тутъ со временемъ образуются осѣдлыя области, общины,

семейства. Откуда легко вывести право этихъ органовъ народа на земли, ими занимаемыя, до общиннаго владѣнія общинъ, до родовыхъ имѣній семействъ, до личнаго, крѣпостнаго владѣнія отдѣльныхъ лицъ. Но эта непрерывность въ пространствѣ при осѣдлости можетъ имѣть особое значеніе движенія и стремленія народа сохранить свое единство, несмотря на пространства, раздѣляющія его осѣдлыя части, и несмотря на время, которое необходимо для сближенія между этими частями. Откуда легко вывести право областей, общинъ и владѣльцевъ на устройство путей сообщенія и сношеній—дорогъ, почтъ и тому подобныхъ учрежденій. Наконецъ, единство и непрерывность во времени и пространствѣ вмѣстѣ взятыя вызываютъ идею общаго труда даннаго народа въ области созидательной, въ промышленности, въ просвѣщеніи и въ области самоохраненія отъ дѣйствія внѣшней природы, или человѣка. Откуда происходятъ права областей или земствъ, общинъ и семействъ на промыслы и промышленность, на содѣйствіе къ ученію, къ образованію, равно какъ на мѣры противъ пожаровъ и наводненій, противъ болѣзней и голода, противъ явленій частнаго произвола и противъ той общественной язвы, которая именуется нищетой, бѣдностью, пролетаріатомъ и т. п.

Вотъ почему: 3) каждое человѣческое общество самостоятельно еще въ томъ смыслѣ, что имѣетъ свое особое и неотъемлемое право, составляющее, какъ мы видѣли, столько же его обязанность относительно цѣлаго народа. Такъ напримѣръ, семьѣ предоставлено, во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ великаго міра, право самостоятельно дѣйствовать въ области религіознаго культа, вѣры и морали. Откуда произошли семейныя sacra и домашніе боги—лары и пенаты—у язычниковъ и почитаніе семейныхъ, фамильныхъ, родовыхъ иконъ у христіанъ, съ понятіемъ о Божіемъ благословеніи, о родительскомъ благословеніи и о домашней молитвѣ. И ничѣмъ нельзя замѣнить тотъ способъ религіозно-моральнаго воспитанія, которое дается молодымъ поколѣніямъ матерями семействъ, ихъ любовнымъ вліяніемъ, наставленіемъ и примѣромъ. И законъ по правилу (e regula) не признаетъ за

лицомъ или отдѣльнымъ человѣкомъ другаго права на исповѣданіе, кромѣ права на вѣру его родителей или отцовъ и семействъ. Въ области разумно-полезнаго тотъ же законъ частію даже налагаетъ обязанность на старшихъ, или на представителей семьи, пещись о наученіи дѣтей, объ ихъ образованіи, развитіи и о приготовленіи ихъ къ практической жизни или къ полезной дѣятельности. Недаромъ языкъ страны у нѣкоторыхъ народовъ называется Muttersprache—языкомъ матери, по нашему—роднымъ языкомъ; а съ усвоеніемъ языка извѣстнаго народа, мы усвояемъ его логику, его воззрѣнія, его повѣрья, опыты, знанія или вообще просвѣщаемся въ той мѣрѣ, въ какой просвѣщеніе содѣлалось общимъ, народнымъ достояніемъ. На такомъ же основаніи, промыслы, образъ жизни и практическія начала жизни семьи передаются молодому поколѣнію, первоначально, конечно, въ семьѣ, напр. крестьянской, купеческой, духовной, дворянской. Тутъ должно еще отмѣтить особое явленіе, что семья часто, или даже почти всегда, въ быту трудовомъ, составляетъ изъ себя естественную рабочую ассоціацію, такъ что труды членовъ семьи установляются семейной властью, равно какъ плоды этихъ общихъ трудовъ распредѣляются тою же семейною властью. Откуда идея общности въ семейномъ достояніи и основаніе закона какъ объ alimentorum praestatio или обязанности содержанія однихъ членовъ семьи другими, такъ и о наслѣдованіи послѣ того или другаго представителя семьи или ея члена—брата, сестры, дяди и т. п. Думаю, что и римская hereditas, имѣя связь съ словами: heres и herus—хозяинъ надъ домочадцами — близко подходитъ къ понятію семьи. Исторически извѣстно, что къ концу республики законы о завѣщаніяхъ стремятся ограничить личный произволъ завѣщателей и обратить ихъ вниманіе на семейный кругъ, на семейство, установляя понятіе о heres suus, necessarius, равно какъ объ условіяхъ для законнаго лишенія наслѣдства членовъ семьи. Идея непрерывности и преемства составляетъ необходимое свойство семьи, какъ человѣческаго общества, служа въ тоже время единственнымъ основаніемъ для института наслѣдства, какъ въ семьѣ част-

ной, такъ и въ устройствѣ государства. Наконецъ, допустивъ по требованію необходимости такую дѣятельность семьи, законъ долженъ былъ допустить право семьи охранять себя и свое и распоряжаться своимъ по собственному убѣжденію. Отсюда право или власть представителей, семьи, родителей, старшихъ, опекуновъ и т. п.,—право и власть, доходящія до того, что даже предъ судомъ члены семьи не обязаны свидѣтельствовать одинъ относительно другаго, что даже прокурорскій надзоръ не имѣетъ власти вчинать уголовное преслѣдованіе противъ преступника, совершившаго преступленіе въ кругу своего семейнаго союза или семейнаго имущества.

То, что сказали мы о семьѣ, примѣняется къ общинѣ, которая состоитъ изъ семействъ, какъ семейство изъ отдѣльныхъ лицъ, людей, членовъ, гдѣ не мнѣнія лицъ важны, а интересъ общественный. Такъ напримѣръ у насъ на сходѣ сельскомъ участвуютъ домохозяева или представители семействъ, нѣчто вродѣ patres Рима, или хоть domini, несомнѣнно такъ называемые отъ domus — домъ. Какъ бы то ни было, въ нашей общинѣ существуетъ несомнѣнно и общность имущественная и ассоціація промышленная и дѣятельность въ области религіозно-моральной и власть пещись о школахъ или образованіи, о дорогахъ или сообщеніяхъ, о сохраненіи имуществъ и лицъ, посредствомъ учрежденій пожарныхъ, богадѣленныхъ и т. п., и все это при посредствѣ собственной, избранной администраціи—головъ, старостъ, старшинъ. Различіе въ дѣятельности между общиной и семьей состоитъ въ томъ, что въ семьѣ эта дѣятельность выражается въ наставленіяхъ, въ наученіи, въ примѣрѣ, а въ общинѣ таже дѣятельность совершается постановленіями, приговорами и учрежденіями. Оттого въ общинахъ встрѣчаемъ мы на мѣсто пенатовъ или иконъ уже цѣлые церкви и храмы, школы и училища, дороги и сельскія школы, базары, торги для промысловъ и разныя учрежденія на случай пожаровъ, неурожаевъ, болѣзней и противъ нищеты и противъ преступныхъ явленій произвола. Оттого же, что въ общинѣ господствуютъ не мнѣнія отдѣльныхъ лицъ, а общіе интересы обществъ,

домовъ, дворовъ, семействъ, общинѣ присвоено право сходокъ, приговоровъ, выборовъ, а властямъ ихъ вручень надзоръ полицейскій и частію судебная дѣятельность, какъ напр. въ волости.

Какъ общины составляются и состоятъ изъ домовъ, дворовъ, семействъ, такъ земство образуется изъ общинъ сельскихъ и городскихъ, а потому область земства, по своему внутреннему содержанію, совершенно совпадаетъ съ областью семейнаго и общиннаго быта и распадается на вопросы о религіозно-моральномъ развитіи населенія, о его разумно-практической дѣятельности и о его учрежденіяхъ на пользу охраненія, обезпеченія и суда по разнымъ дѣламъ земства. И земства выражаютъ принципъ общій для общинъ и обществъ, а не мнѣнія отдѣльныхъ лицъ. Въ земствѣ—мѣстности, общества, семьи и города. Прочитайте статью земскихъ учрежденій о вѣдомствѣ и вы найдете въ нихъ указанія, что по всѣмъ этимъ тремъ сторонамъ общественной жизни земству предоставлена самостоятельность, или право составлять по нимъ свои постановленія и приводить ихъ въ исполненіе. Это — автономія земства, соотвѣтствующая самостоятельности распорядительныхъ приговоровъ общинъ и независимости дѣятельнаго вліянія семьи на вѣру, мораль, образованіе и практическую дѣятельность различныхъ членовъ семьи.

Но довольно этихъ указаній для установленія понятій о самостоятельности и самоуправленіи. Общества имѣютъ самостоятельныя права, имъ исключительно принадлежащія, а потому и только потому имѣютъ они право самоуправленія, или независимаго, собственнаго распоряженія для осуществленія указанныхъ правъ. Очевидно, что самоуправленіе есть только послѣдствіе самостоятельности и отдѣльно отъ самостоятельности не можетъ быть ни точно изложено, ни удобно понято. Наконецъ, самоуправленіе должно быть *равно* самостоятельности, не больше, но и не меньше.

Самоуправленіе, конечно, есть особая форма управленія, которое обыкновенно относится къ государству какъ то выражается въ самомъ словѣ gouvernement, government, Re-

gierung и т. д. и которое, сверхъ того, по особымъ историческимъ причинамъ, первоначально все на западѣ Европы принадлежало исключительно государству. Это государственное управленіе не перестаетъ быть государственнымъ въ томъ случаѣ, когда дробится, т. е. децентрализуется между различными государственными органами—министрами, генералъ-губернаторами, губернаторами, префектами или предсѣдателями провинцій и Amtman'ами округовъ. Но также точно остается оно государственнымъ и въ томъ случаѣ, когда для удобства правительства передается оно для исполненія тѣмъ или другимъ мѣстнымъ жителямъ, графамъ, шерифамъ, атторнеямъ, коронерамъ,—по назначенію ли правительства, или по выбору жителей. Наконецъ, даже и тогда государственное управленіе остается государственнымъ, когда его функціи возлагаются на мѣстныхъ жителей, каковы напр. участіе въ наборѣ рекрутъ, мѣстная раскладка податей, выборы въ судьи, засѣдатели и т. д. Другими словами и короче, управленіе государственное можетъ только децентрализоваться, но обратиться въ мѣстное самоуправленіе не можетъ, по существу задачи, по существу предмета и по природѣ самаго дѣла. Государственное совершается только государствомъ, хотя формы совершенія могутъ быть различны. Совершенно измѣняется дѣло тамъ, гдѣ самый предметъ вѣдомства есть предметъ мѣстный, земскій; тутъ онъ управляется необходимо земствомъ и мѣстно, — земствомъ, а не государствомъ, и только такъ. Стало-быть, прежде чѣмъ толковать о самоуправленіи, необходимо выяснить самостоятельность, или исключительную область права земскаго и общественнаго. И вотъ именно этого не встрѣчаемъ мы ни у западныхъ ученыхъ, по части selfgovernment, ни у нашихъ писателей о самоуправленіи, откуда выводимъ ихъ недомолвки, неточности и неосновательность.

Только самоуправленіе, основанное на самостоятельности, вполнѣ выражаетъ смыслъ нашего закона о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. янв. 1, который предоставляетъ земству право дѣйствовать самостоятельно въ кругу его дѣлъ, даже умалчивая о самоуправленіи, уже предполагающемся при

самостоятельности. Понятіе и слово „самоуправленіе“ заимствованы нами съ запада и, какъ видно, еще не уяснены. Только самоуправленіе, основанное на самостоятельности, обѣщаетъ и даетъ благотворныя послѣдствія или результаты, по самому существу своего субъекта, по самой природѣ общества. Единство общества, его непрерывность или вѣчное преемство его состава, лицъ и поколѣній, одно можетъ творить и созидать постепенно возвышающіяся и умножающіяся права, которыми общества надѣляютъ своихъ членовъ въ каждомъ данномъ поколѣніи, по закону преемства и наслѣдованія. Преемство и наслѣдованіе имѣютъ мѣсто не въ одномъ тѣсномъ кругу семьи, но столько же въ быту общинномъ, земскомъ, народномъ и государственномъ. Преемство и наслѣдованіе — это выраженія для прогресса, основа для развитія личности, поприще и картина народной и всемірной исторіи. Напрасно одинъ нашъ молодой ученый подшучиваетъ надъ положеніемъ нѣмецкаго ученаго Лотце *), въ его „Микрокосмѣ“ о томъ, что счастіе человѣка состоитъ въ досугѣ и въ свободѣ отъ труда, по-нѣмецки отъ Arbeit, т. е. отъ работы, или физическаго труда. Мы знаемъ, что человѣкъ дѣйствительно всегда стремился къ досугу отъ матеріальныхъ хлопотъ и физическихъ усилій для того, чтобы предаваться духовному труду и духовнымъ наслажденіямъ, или хоть бы изрѣдка принимать въ нихъ участіе. Для того человѣчество терпѣло институтъ рабства, замѣненный впослѣдствіи колонатомъ и крѣпостнымъ правомъ, уступившихъ въ свой чередъ мѣсто пролетаріату и классу рабочихъ, теперь видимо склоняющихся къ своему уменьшенію изобрѣтеніемъ машинъ. Механика, машины, внѣшняя природа должны будутъ наконецъ взять на себя всю работу египетскую, физическую, черную, каторжную, и человѣку останется только разумный трудъ, да умственныя усилія и духовныя наслажденія. И все это движеніе совершается, конечно, обществомъ, которое накопляя массу матеріальныхъ богатствъ, да расширяя сумму знаній, все менѣе и менѣе будетъ тре-

*) Г. Трачевскій, въ „Бесѣдѣ“, XI, 1871. Задачи исторіи и т. д.

бовать отъ лицъ отдѣльныхъ физической работы и все болѣе и болѣе будетъ открывать имъ возможность предаваться духовному труду съ его душевнымъ наслажденіемъ. Итакъ, по закону преемства и наслѣдованія, каждое новое поколѣніе вступаетъ во всѣ права и въ обладаніе всѣми благами, добытыми отжившимъ; откуда произошло то явленіе, что напр. въ наше время бѣднѣйшій рабочій имѣетъ уже больше удобствъ, чѣмъ иные богачи временъ Креза, и несовершеннолѣтніе юноши обладаютъ часто развитіемъ и образованіемъ, котораго напрасно искали, если только предчувствовали, ученѣйшіе жрецы Египта. Вотъ почему называемъ мы общества творящими субъектами и вотъ почему необходима самостоятельность и самоуправленіе для обществъ.

В. Н. Лешковъ.

12 декбря 1871.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО

ОБЪ ОСВОБОЖДЕННЫХЪ АРЕСТАНТАХЪ.

(Пер. съ франц. Г. Г. Щуровскаго *).

Цѣль попечительства надъ освобожденными арестантами, которыхъ общество отвергаетъ, состоитъ въ томъ чтобы доставить имъ возможность существованія честнымъ трудомъ и чтобы побѣдить преслѣдующее ихъ недовѣріе сообщеніемъ точныхъ свѣдѣній о тѣхъ изъ нихъ, которые расположены къ добру. Этимъ самымъ дается средство отличить ихъ отъ тѣхъ, которые ничѣмъ не заявили желанія жить добропорядочно. Предупрежденное такимъ образомъ общество можетъ безъ опасенія относиться къ первымъ съ меньшею суровостью, оставаясь въ тоже время насторожѣ противъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Будетъ ли попечительство учрежденіемъ правительственнымъ или частнымъ, какъ то, такъ и другое имѣетъ одну и туже цѣль: доставлять освобожденнымъ занятія и пріобрѣтать расположеніе общества въ пользу тѣхъ, которые заслуживаютъ участія хорошими о нихъ отмѣтками. Административное попечительство можетъ дѣйствовать отдѣльно или въ связи съ попечительствомъ част-

*) Предлагаемая статья есть отрывокъ изъ сочиненія Робена на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Les prisons en France et le patronage des prissoniers libérés. При выборѣ этой статьи мы руководились умѣстностью такого вопроса въ Россіи, въ виду учрежденія Общества попечительства объ освобожденныхъ арестантахъ.

нымъ. Это послѣднее можетъ тоже организоваться независимо отъ правительства и дѣйствовать безъ его помощи, или же обращаться къ нему за содѣйствіемъ. Въ этомъ отношеніи должно остерегаться всякой систематической идеи, а держаться обычаевъ. Здѣсь важнѣе всего то, чтобы, какъ скоро разъ необходимость попечительства признана, каждый принялъ въ дѣлѣ посильное участіе. Мы въ особенности настаиваемъ на этомъ, не высказываясь непремѣнно за то или другое устройство попечительства; главное, чтобы попечительство устроилось. Французская администрація убѣдилась въ безсиліи репрессивныхъ мѣръ и въ необходимости попечительства. Той же идеи держалось и іюльское правленіе 1842 года. Въ одной изъ министерскихъ инструкцій отъ 28 мая объ образованіи Общества попечительства г. Дюшатель говоритъ: „я пришелъ къ убѣжденію въ необходимости оказывать помощь тѣмъ изъ освобожденныхъ, которые, получивъ свободу, твердо рѣшились вести жизнь честную и трудолюбивую и ничѣмъ не возмущать спокойствія общества. Слѣдовало бы, конечно, глубоко оскорбляться, еслибы общество принимало съ равнымъ почетомъ и довѣріемъ человѣка, жизнь котораго была справедливо заклеймена, и примѣрнаго по своимъ правиламъ отца семейства; но общество тѣмъ не менѣе не должно быть неумолимо, оно должно прощать или забывать проступки тѣхъ, которые понесли заслуженное наказаніе и обнаруживаютъ раскаяніе.“ Лучше этого нельзя ходатайствовать въ пользу несчастныхъ, которыхъ справедливо покаралъ законъ. Недовѣріе, съ которымъ ихъ принимаютъ въ обществѣ, правда, имѣетъ свое основаніе, однакоже тѣ изъ нихъ, которые обнаруживаютъ истинное желаніе возвратиться къ жизни честной, заслуживаютъ заботы о нихъ.

Попечительство было бы недѣйствительно для закоренѣлыхъ преступниковъ. Единственнымъ средствомъ предохранить общество отъ опасностей, которыми они ему угрожаютъ, и предохранить ихъ самихъ отъ увлеченія къ новымъ преступленіямъ, представляется *переселеніе*,—мѣра, можетъ быть слишкомъ суровая, но вмѣстѣ съ тѣмъ благотворная, имѣвшая результатомъ уменьшеніе въ послѣднее время числа

осужденныхъ на заключеніе въ центральныхъ тюрьмахъ. Для этой категоріи преступниковъ попечительство безсильно, впрочемъ они и не ищутъ его. Но тѣмъ изъ осужденныхъ, которые раскаяваются въ своихъ преступленіяхъ, общество не должно отказывать въ своей помощи.

Но какого рода помощь окажетъ оно имъ?—спрашиваетъ себя г. Дюшатель. Администрація не въ состояніи обезпечить всѣхъ осужденныхъ средствами къ жизни, ни приготовить имъ убѣжищъ, куда бы они могли укрыться, или снабжать ихъ работами—это была бы уже весьма трудная задача. Необходимо прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ частной благотворительности.

Отнесемся съ довѣріемъ къ частной благотворительности, говоритъ г. Дюшатель, и она не измѣнитъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Ограничимся только доставленіемъ ей содѣйствія власти, не стѣсняя ни въ чемъ ея свободы, не требуя отъ нея ничего больше того, что она можетъ сдѣлать добровольно. Ожидаю попечительства отъ людей благонамѣренныхъ, прибавляетъ онъ. Освобожденные будутъ внушать менѣе недовѣрчивости и ужаса, когда общество будетъ знать, что имъ покровительствуютъ лица достойныя уваженія. Въ видѣ примѣненія этихъ началъ министръ выражаетъ желаніе, чтобы департаментскіе тюремные комитеты не ограничивались только посѣщеніемъ арестантовъ въ тюрьмахъ, но заботились о тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся того достойными и по выходѣ ихъ изъ заключенія. Такимъ образомъ каждый подобный комитетъ, число членовъ котораго могло бы быть увеличено, составилъ бы изъ себя попечительное Общество. Участь освобожденныхъ была бы улучшена среди общины, въ которой имъ придется жить. Для облегченія устройства ихъ, попечительное Общество за три или четыре мѣсяца могло бы быть извѣщаемо о днѣ выхода заключенныхъ, ему рекомендуемыхъ, о ихъ нравственности, поведеніи въ тюрьмѣ, о ихъ званіи, родѣ занятій до и во время заключенія подъ стражею. Учрежденное на этихъ началахъ и распространенное по всей Франціи, дѣло попечительства взрослымъ арестантамъ казалось бы весьма возможнымъ. Освобожденныя женщины, твердо рѣшившіяся

вести жизнь безукоризненную, могли бы найти вездѣ въ попечительствѣ другую опору, изъ дамъ, которое сумѣло бы предостеречь ихъ отъ впаденія въ новые проступки.

Таковы были начала, изъясненныя въ циркулярѣ 28 мая 1842 года. Они подвергались уже опыту въ самой Франціи и увѣнчались успѣхомъ. Еще за 11 лѣтъ до воззванія сего къ частной благотворительности, въ Парижѣ въ 1833 г. составилось Общество, подъ предсѣдательствомъ г. Беранже (де-ля-Дромъ), для особаго попечительства надъ малолѣтними преступниками Сенскаго департамента. Желанія и надежды министра вполнѣ осуществились въ пользу этихъ заключенныхъ. „Бывъ поражены, какъ выражаются основатели этого Общества, увеличивающимся числомъ рецидивистовъ и желая вырвать зло съ самимъ корнемъ, множество людей, перы Франціи, совѣтники, судьи, адвокаты, медики, чиновники, купцы всѣхъ состояній и исповѣданій рѣшились общими силами образовать Общество, подъ названіемъ попечительнаго Общества объ освобожденныхъ молодыхъ арестантахъ Сенскаго департамента. Цѣлью Общества было уменьшеніе числа рецидивистовъ. Мы увидимъ, въ какой мѣрѣ цѣль эта была достигнута.

Рапортъ полицейскаго префекта удостовѣряетъ, что до основанія Общества малолѣтніе преступники Сенскаго департамента попадали вторично въ тюрьму въ числѣ 75 человѣкъ на 100. Въ первый же годъ послѣ основанія Общества это число уменьшилось до 46, въ слѣдующіе затѣмъ три года—до 19, а на десятомъ году — до 10 на 100. Такимъ образомъ съ году на годъ число это понижалось постепенно. Въ 1850 году на 100 приходилось 7 рецидивистовъ, а въ 1860 году ихъ значилось 3,40. Наконецъ въ 1863 году цифра понизилась до 1 и $1\frac{1}{2}$ на 100. Нужно сознаться, что результатъ былъ прекрасный, цѣль предпріятія была совершенно достигнута. Въ теченіи 30 лѣтъ Общество имѣло подъ своимъ покровительствомъ 7,651 малолѣтнихъ преступниковъ, изъ коихъ только 650 впали въ новые проступки, но 7,000 были охранены отъ влеченія къ преступленію и болѣе половины количества арестантовъ от-

мѣчалось ведущими себя хорошо и очень хорошо. *) Результатъ, возбуждающій къ новой человѣколюбивой дѣятельности.

Вотъ средства, употребленныя для достиженія результатовъ столь удовлетворительныхъ. Попечительное общество въ Парижѣ заключаетъ въ себѣ три составныя части: жертвователей, подписчиковъ и патроновъ. Подписчикомъ называется тотъ, кто вноситъ или обязывается вносить ежегодно или въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ кассу Общества сумму, количество коей обозначаетъ самъ. Жертвователемъ называется тотъ, кто вноситъ ежегодно 100 франковъ. Патронами могутъ быть какъ подписчики, такъ и жертвователи: они берутъ на свое попеченіе по одному или нѣскольку освобожденныхъ. Патронъ обязывается принимать ихъ по выходѣ изъ тюрьмы на свое попеченіе, устраивать ихъ, наблюдать за ними, помогать имъ средствами, предоставляемыми ему Обществомъ и затѣмъ давать отчетъ Обществу въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ наблюдаетъ за сохранностію скопившихся у арестанта сбереженій, онъ главный распорядитель при заключеніи контракта на отдачу его въ обученіе, подъ руководствомъ впрочемъ комитета. **) До преобразованія тюрьмы Лярокеттъ малолѣтніе арестанты были посѣщаемы своими патронами. Во время этихъ-то посѣщеній благодѣтельное вліяніе членовъ Общества стало обнаруживаться на покровительствуемыхъ ими. Послѣдніе, какъ по окончаніи срока ихъ заключенія, такъ и при предварительномъ освобожденіи ихъ изъ тюрьмы, въ силу закона 5 августа 1850 года, были помѣщаемы, до пріисканія имъ занятій, въ нарочно для нихъ устроенное пристанище въ улицѣ Мезіеръ, 9, а за тѣмъ были отдаваемы по трехлѣтнему контракту въ ученье разнымъ мастерствамъ. Во все время ученья патроны постоянно навѣщали ихъ и руководили своими совѣтами. Хозяева давали достойнымъ ученикамъ хорошія награды, на которыя они могли пріобрѣтать себѣ платье и нужные инструменты для мастерства. Когда же работы пріі-

*) Comptes rendus de la société de patronage des jeunes détenus de la Seine.

**) Statuts et reglements de la société.

останавливались или наступали политическія смуты, двери того же пристанища отворялись для тѣхъ изъ нихъ, которые были безъ всякого занятія или легко могли быть увлечены волновавшеюся толпою. Учреждены были ежемѣсячныя собранія, на которыхъ освобожденные получали назиданія: одно отъ духовнаго отца, а другое отъ одного изъ свѣтскихъ членовъ Общества. По окончаніи ученія, достойные изъ нихъ получали награды. Срокъ попечительства, по словамъ устава, былъ также трехлѣтній, но Общество и по окончаніи онаго не разрывало связей съ своими кліентами; оно содѣйствовало ихъ бракамъ, по случаю которыхъ выдавало болѣе достойнымъ небольшую сумму денегъ, для перваго обзаведенія. Заболѣвалъ ли кто изъ нихъ, Общество являлось къ нему на помощь и, въ случаѣ смерти, чрезъ своихъ делегатовъ, платило похоронныя издержки. Вотъ средства, которыя употреблены были для полученія результатовъ, обозначенныхъ нами выше цифрами.

Разскажемъ нѣсколько случаевъ, доказывающихъ благодѣтельныя послѣдствія покровительства освобожденныхъ: одному изъ подобныхъ молодыхъ людей посчастливилось въ жизни. Онъ успѣлъ трудами своими пріобрѣсть прекрасное состояніе, позволявшее ему держать экипажъ. Однажды замѣтилъ онъ на троттуарѣ одного изъ прежнихъ своихъ патроновъ, тотчасъ остановилъ онъ экипажъ, подошелъ къ нему, рекомендовался и просилъ позволенія довезти его до дому; онъ былъ вполнѣ счастливъ, что наконецъ могъ выразить ему свою благодарность. Другой, сдѣлавшись подрядчикомъ общественныхъ работъ, не смотря на свою прошлую жизнь, пріобрѣлъ отъ правительства столько довѣрія, что въ пользу его присужденъ былъ весьма важный подрядъ. Третій, оказавшись способнымъ къ наукамъ, помѣщенъ былъ Обществомъ въ заведеніе, отличился тамъ своими успѣхами и, по окончаніи курса, перешелъ профессоромъ въ Америку съ окладомъ жалованья въ 3.000 франковъ. Многіе молодые воины отличились на полѣ ратномъ своими доблестями и возвратились домой въ чинахъ, украшенные знаками отличія. Большая же часть молодыхъ людей составили классъ искус-

ныхъ ремесленниковъ и, женившись на хорошихъ дѣвушкахъ, честнымъ образомъ зарабатывали свой хлѣбъ и трудами содержали свои семейства.

Уничтоженіе въ 1865 году одиночнаго содержанія, которому подвергались въ тюрьмѣ Ляроккетъ молодые арестанты, разсѣяло это средоточіе дѣйствій Общества, гдѣ вліяніе его обнаруживалось наиболѣе благодѣтельными послѣдствіями. Изъ 254 малолѣтнихъ арестантовъ, изъ которыхъ 118 новичковъ были покровительствуемы имъ въ 1864 г., число ихъ возрасло въ 1865 году до 301, изъ коихъ 142 были вновь прибывшіе. Въ 1866 году, послѣ упраздненія одиночнаго заключенія, Общество считало только 196 заключенныхъ, изъ коихъ 37 новичковъ. Самымъ счастливымъ послѣдствіемъ упраздненія одиночнаго заключенія въ тюрьмѣ Ляроккетъ было бы то, еслибъ благотворное вліяніе Общества перенеслось въ сосѣдство съ находящимися въ нихъ исправительными колоніями. Это распространеніе круга дѣйствій попечительства удовлетворяло бы желанію администраціи, которая съ изданія закона 5 августа 1850 года, постоянно стремится къ доставленію этому разряду освобожденныхъ болѣе дѣйствительнаго попечительства.

Частныя заведенія, основанныя для малолѣтнихъ преступниковъ, также занимались своими освобожденными. Колонія Метре, согласно своему уставу, оказываетъ благосклонную опеку своимъ прежнимъ поселенцамъ. Она устраиваетъ ихъ, по возможности, въ деревнѣ у хлѣбопашцевъ, слѣдитъ за ихъ поведеніемъ и помогаетъ своимъ покровительствомъ. Если малолѣтніе возвращаются въ Парижъ, она слѣдитъ за ними, чтобъ предостеречь ихъ отъ опасностей, ожидающихъ въ столицѣ. Заведена была общественная касса для вспомоществованія освобожденнымъ поселенцамъ; въ случаѣ нужды оказываютъ имъ необходимую помощь, давая возможность заняться всякому своимъ ремесломъ. Каждый поселенецъ, лишившійся на время занятій и средствъ къ существованію или находящійся въ болѣзни, можетъ снова быть принятъ даромъ въ колонію, въ видѣ временнаго убѣжища. Устроена ассоціація изъ колонистовъ, подъ названіемъ метрейской. Хо-

рошее поведеніе въ теченіи двухъ лѣтъ послѣ освобожденія даетъ право на вступленіе въ это товарищество. Каждый поселенецъ, достигшій двадцатилѣтняго возраста и успѣвшій заручить себя предъ обществомъ своими добрыми качествами, получаетъ кольцо и грамоту, которыя даютъ ему право обращаться вездѣ къ членамъ товарищества съ просьбою о помощи, если въ оной нуждается *). Наконецъ срокъ опеки Общества неограниченъ; онъ продолжается дотолѣ, пока въ ономъ есть нужда. Мѣры эти, весьма хорошо понятыя, принесли желанный успѣхъ.

Со дня основанія колоніи въ 1840 г. до 31 декабря 1862 г. число поселенцевъ, выпущенныхъ изъ заведенія и покровительствуемыхъ Обществомъ, простиралось до 1813 человѣкъ. Большая часть изъ оныхъ занималась хлѣбопашествомъ, другіе сдѣлались мастеровыми, 521 поступили въ военную службу, 3 получили орденъ почетнаго легіона, 15—другіе военные ордена, нѣсколько—унтеръ-офицерскій чинъ. 115 женились и сдѣлались примѣрными семьянинами **). Слѣдствіемъ этого покровительства было значительное уменьшеніе числа вновь повторявшихся проступковъ дѣтей, вышедшихъ изъ колоніи. Въ статистической таблицѣ о преступленіяхъ, обнародованной за годы 1863, 1864 и 1865 значится, что число рецидивистовъ, вышедшихъ изъ метрейской колоніи равно 6%.

Земледѣльческая колонія де-Сантъ-Фуа (Дордоннъ) столь же горячо печется о своихъ освобожденныхъ. Изъ рапорта ея за 1867 годъ видно, что она покровительствовала 90 прежнимъ поселенцамъ. Нѣкоторые изъ нихъ работали въ ея окрестности, ведя себя честно и трудолюбиво пріобрѣтая свой хлѣбъ. Другіе поступили въ услуженіе въ знатные дома. Нѣкоторые опредѣлились прикащиками или сдѣлались фабрикантами, многіе женились. Въ статистической уголовной таблицѣ за 1863 — 1865 г. рецидивистовъ изъ этого заведенія было 10 чел. на 100 освобожденныхъ.

*) Statuts, et règlements de Mettray.

**) Des colonies penitentiaires et du patronage des jeunes libérés, par M. Jules de Lamarque.

Въ 25 частныхъ заведеніяхъ для мальчиковъ количество рецидивистовъ среднимъ числомъ было 8.91 на 100. Въ заведеніяхъ же, учрежденныхъ для дѣвицъ, 3.62 на 100. Число же рецидивистовъ между освобожденными изъ публичныхъ заведеній гораздо значительнѣе, а именно 14.77 на 100. Эта высшая цифра преступленій для публичныхъ заведеній, при сравненіи оныхъ съ частными, объясняется тѣмъ, что въ первыхъ содержится самая испорченная часть преступниковъ, рецидивисты и большая часть осужденныхъ на заключеніе болѣе года.

Правительство, какъ мы уже сказали, сильно заботится о молодыхъ арестантахъ. Законъ, изданный 5 августа 1850 года, названъ закономъ воспитанія и попечительства. Самое названіе уже прямо говоритъ, что цѣль законодателя сосредоточивается не столько на томъ, чтобы обуздывать проступки и преступленія несовершеннолѣтнихъ узниковъ, по силѣ 66 и 67 пунктовъ уложенія о наказаніяхъ, сколько на томъ, чтобы подвергнуть ихъ вліянію морализующей дисциплины и останавливать первые шаги на пути къ преступленію. Законъ этотъ установляетъ, что узники, какъ во время предварительнаго заключенія, а также и пребыванія въ пенитенціарныхъ колоніяхъ, должны получать образованіе нравственное, религіозное и ремесленное (ст. I), что могутъ, по выдержаніи въ теченіи нѣкотораго времени заключенія, быть помѣщаемы предварительно, въ видѣ испытанія, внѣ колоніи (пунк. 9) и что по совершенномъ освобожденіи, они въ теченіи по крайней мѣрѣ трехъ лѣтъ остаются подъ попечительствомъ Общества (пунк. 19). Въ дополненіе къ столь мудрымъ распоряженіямъ закона, постановленіемъ отъ 20 ноября 1852 г. установлены награды молодымъ преступникамъ исправительныхъ отдѣленій центральныхъ тюремъ. Награды эти заключаются въ книжкахъ сберегательной кассы, долженствующихъ составлять ихъ капиталъ при выходѣ изъ заключенія. Книжки эти вручаются президенту Общества попечительства того департамента, гдѣ поселится освобожденный. Циркуляромъ отъ 4 іюля 1853 г. напоминается, что правительство, имѣя цѣлію воспитаніе дѣтей и приготовленіе оныхъ къ жизни

честной, беретъ ихъ подъ свое покровительство и замѣняетъ имъ родителей. Другимъ же циркуляромъ отъ 5 іюля того же года, о приведеніи въ исполненіе закона, изданнаго 5 августа 1850 г., опредѣляется, что дѣти тогда только могутъ воспользоваться предварительнымъ освобожденіемъ, когда они провели уже двѣ трети назначеннаго срока въ пенитенціарномъ заведеніи и своимъ благонравнымъ поведеніемъ успѣли дать дѣйствительныя доказательства своего исправленія. Наконецъ, инструкція отъ 24 марта 1857 года настаиваетъ, чтобы малолѣтній преступникъ, во время пребыванія своего въ пенитенціарной колоніи, могъ изучать какое-либо ремесло, которое могло бы принести ему пользу при его освобожденіи, и чтобы путевыя пособія, ассигнуемыя частными заведеніями освобожденнымъ, были имъ выдаваемы въ достаточномъ количествѣ. Все въ воспитаніи молодыхъ узниковъ направлено, какъ видно, ко времени выхода изъ заключенія и имѣетъ цѣлію предохранить ихъ отъ опасностей. Въ эту-то трудную минуту попечительство можетъ принести хорошій плодъ. Юный освобожденный, окруженный заботами Общества, можетъ окрѣпнуть въ добрыхъ своихъ намѣреніяхъ и устоять на пути къ добру. Эта необходимость попечительства, которая очевидна для всѣхъ трудящихся надъ нравственнымъ возвышеніемъ преступника, особенно сильно сознается въ циркулярѣ г. де-ля-Валлетъ отъ 14 іюня 1865 г. Законъ, изданный 5 августа, имѣетъ цѣлію, говоритъ министръ, образованіе работниковъ-хлѣбопашцевъ. Всѣ мѣры были употреблены, чтобы изъ этихъ дѣтей сдѣлать трудолюбивыхъ людей, ведущихъ себя честно. Законъ 5 августа 1850 г. имѣетъ въ виду два различные предмета, оба одинаковой важности: во первыхъ образованіе нравственное и ремесленное, во вторыхъ попечительство, которое, согласно пункту 19, должно продолжаться по крайней мѣрѣ въ теченіи 3 лѣтъ, по выходѣ изъ исправительныхъ заведеній. Министръ припоминаетъ, что было сдѣлано съ этою цѣлію правительствомъ и частными обществами и преимущественно Сенскимъ обществомъ попечительства о малолѣтнихъ преступникахъ; въ заключеніе онъ обращается

съ настоятельнымъ призывомъ, прося образовать общества попечительства въ главныхъ городахъ департаментовъ, приглашая къ участію въ этомъ общества сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственные съѣзды. Другимъ циркуляромъ того же министра отъ 9 ноября 1865 г., предназначеннымъ для объявленія условій помѣщенія покровительствуемыхъ дѣтей, подтверждается, что земледѣльческія общества съ готовностью отозвались на сдѣланный имъ призывъ.

Эти старанія администраціи, безъ сомнѣнія, далеко не имѣли тѣхъ успѣховъ, которые можно было бы ожидать, но они представляютъ все-таки въ цѣломъ весьма поощрительные результаты. Въ статистикѣ 1865 г. значится, что въ центральныхъ тюрьмахъ изъ числа 7.784 рецидивистовъ было 6.78 прежнихъ несовершеннолѣтнихъ; цифра эта очень велика и обнаруживаетъ еще болѣе необходимость обращать бо̀льшее вниманіе на малолѣтнихъ освобожденныхъ при выходѣ ихъ изъ пенитенціарныхъ колоній. Слишкомъ велика та часть изъ нихъ, которая изъ колоніи поступаетъ въ центральную тюрьму. Сравнивая количество рецидивистовъ въ центральныхъ тюрьмахъ съ количествомъ подобныхъ же преступниковъ изъ пенитенціарныхъ заведеній, приходимъ къ заключенію, что старанія благодѣтельныхъ Обществъ требуютъ поощренія. Въ центральныхъ тюрьмахъ къ 1-му января 1866 г. число рецидивистовъ обоего пола значилось 42.39 на 100. Въ тоже самое время въ исправительныхъ заведеніяхъ таковыхъ было 6.19 на 100, а къ 1-му января 1865 г. 9.55 на 100. Годичный выводъ таковъ: 3.36 на 100.

Тоже самое можетъ быть и съ взрослыми освобожденными, если правительство и частныя лица будутъ прилагать о нихъ свои заботы; тогда видно будетъ, на сколько уменьшится громадная цифра—42 рецидивиста на 100 арестантовъ. Оффиціальная газета отъ 23 ноября 1867 г., поставляя на видъ успѣхи общества попечительства объ освобожденныхъ малолѣтнихъ преступникахъ, свидѣтельствуетъ, что образованіе попечительнаго общества возрастнымъ освобожденнымъ, настолько же необходимаго, встрѣчаетъ важныя и многочисленныя препятствія. Препятствія эти существуютъ, безъ

сомнѣнія, но какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, ихъ можно одолѣть. Энергичныя усилія, употребляемыя при этомъ, всегда вознаграждались желаемымъ успѣхомъ.

Мы говорили объ успѣхахъ попечительнаго общества молодыхъ арестантовъ въ Парижѣ въ теченіи тридцатилѣтняго времени, скажемъ также и объ успѣхахъ попечительнаго общества освобожденныхъ возрастныхъ арестантовъ въ продолженіи десятилѣтняго существованія въ Лондонѣ. Въ Лондонѣ существуетъ дѣйствительно общество вспоможенія освобожденныхъ арестантовъ (The discharged prisoner's aid Society). Общество это, произведеніе христіанскаго человѣколюбія, управляется самыми почетными лицами Англіи. Епископъ, члены совѣта королевы и парламента состоятъ членами его комитета, подъ предсѣдательствомъ Вестминстерскаго маркиза. Между вице-президентами состоитъ и лордъ Шафтесбюри. Изъ доклада комитета 1867 года *) видно, что въ продолженіи этихъ десяти лѣтъ Общество покровительствовало 5.257 освобожденныхъ преступниковъ, между коими 4.678 мужчинъ и 579 женщинъ. Оно первоначально помогло имъ пріобрѣсти себѣ одежду, нужные для ихъ занятій инструменты, товаръ и такимъ образомъ доставило имъ возможность существовать собственнымъ трудомъ. Секретарь комитета майоръ Тильброкъ въ концѣ своего рапорта представляетъ большое число примѣровъ, доказывающихъ дѣйствительность подобной помощи, и выводитъ изъ многочисленныхъ фактовъ, извлеченныхъ изъ журналовъ общества, справедливое заключеніе о несомнѣнной пользѣ этого новаго дѣла. И дѣйствительно, нельзя въ томъ сомнѣваться послѣ донесеній комитета, доказывающихъ, что дѣятетностью Общества большому числу несчастныхъ освобожденныхъ доставлено было приличное положеніе, которое они болѣе не теряли, какъ это видно изъ достовѣрныхъ свѣдѣній за нѣсколько лѣтъ, и что напротивъ число людей, пользовавшихся благодѣяніями Общества и вновь вдавшихся въ проступки,

*) The tenth annual report of the descharged prisoner's aid society, 39 Charing cross.

было въ маломъ количествѣ. А потому секретарь съ удовольствіемъ заявляетъ объ этихъ успѣхахъ Общества, заслуживающихъ поощренія и имѣвшихъ результатомъ уменьшеніе числа рецидивистовъ (надо припомнить, что число оныхъ еще очень велико). Усилія нашего попечительнаго общества объ освобожденныхъ, говоритъ онъ, въ соединеніи съ дѣятельностію другихъ обществъ, основанныхъ на тѣхъ же началахъ, оффиціально признаны были одною изъ причинъ уменьшенія числа преступниковъ въ государствѣ.

Цѣль Общества опредѣлена слѣдующимъ образомъ во 2-мъ пунктѣ устава: „Заботою общества должна быть помощь освобожденнымъ арестантамъ, избраннымъ комитетомъ, пріисканіемъ имъ работы или средствъ къ возвращенію на родину доставленіемъ приличнаго помѣщенія и временной помощи людямъ, ищущимъ себѣ занятія". Средства, какими Общество достигаетъ своихъ цѣлей, могутъ быть вкратцѣ опредѣлены двояко: во первыхъ общество оказываетъ свое покровительство лишь получивъ самое вѣрное обезпеченіе отъ лица покровительствуемаго; во вторыхъ, оно руководствуется средствами самыми простыми, практическими и существенно нравоучительными. Первымъ обезпеченіемъ, требуемымъ отъ освобожденнаго арестанта, есть отзывъ объ немъ смотрителя тюрьмы, въ которой онъ содержался. При этомъ необходимы самыя точныя свѣдѣнія о его прошлой жизни, его поведеніи въ продолженіи заключенія, числѣ полученныхъ имъ наградъ, показаніе его способностей и рода его занятій. Къ бумагамъ этимъ прилагается его фотографическая карточка, которая сохраняется въ памятной книжкѣ, и остается въ рукахъ Общества. При карточкѣ бываетъ описаніе его примѣтъ. Второе обезпеченіе также не менѣе важно. Если освобожденный арестантъ рѣшается поступить подъ покровительство Общества, онъ долженъ тотчасъ послѣ своего освобожденія явиться въ агентство общества и представить секретарю всѣ деньги, полученныя имъ въ вознагражденіе, и это для двоякой цѣли: чтобы представить Обществу денежное обезпеченіе въ своихъ добрыхъ преднамѣреніяхъ и вмѣстѣ лишить его возможности непроизводительно растратить капиталъ, пріобрѣтенный во

время своего заточенія. Этотъ капиталъ или частица его ввѣряется потомъ вмѣстѣ съ тайною о личности арестанта тому, кто соглашается принять его къ себѣ. Еще есть третье обезпеченіе, которое доставляетъ Обществу большую власть надъ особымъ классомъ освобожденныхъ; это классъ людей, заслужившихъ позволительный отпускъ (ticket of leave), получающихъ до истеченія срока заточенія свободу, на извѣстныхъ условіяхъ. Одно изъ этихъ условій — находиться подъ надзоромъ полиціи. Преступники, освобожденные на этихъ условіяхъ, ищущіе попечительства надъ собою Общества, по одному этому переходятъ подъ надзоръ послѣдняго и обязаны ежемѣсячно представляться въ канцелярію агентства. Пока они живутъ въ Лондонѣ, полиція лишена всякаго контроля надъ ними; она можетъ знать ихъ, но ей запрещено приказомъ касаться ихъ, развѣ только если она имѣла бы сильныя причины подозрѣвать ихъ способными къ совершенію новыхъ преступленій. Такимъ образомъ Общество, уполномоченное надзоромъ за этими людьми, дѣйствуетъ очень строго и представляетъ аккуратно свои донесенія о нихъ въ канцелярію главнаго полицейскаго коммиссара. Если освобожденный не исполняетъ предписанныхъ условій, онъ тотчасъ же передается въ распоряженіе полиціи. Этого наказанія арестанты весьма остерегаются, потому что они почитаютъ надзоръ надъ собою Общества дѣломъ человѣколюбія къ нимъ; этимъ самымъ объясняется, какъ подобные люди повинуются всѣмъ предписаніямъ Общества, какъ бы строги они ни были. Вотъ важнѣйшія обезпеченія, коими Общество ограждаетъ себя въ своей дѣятельности.

Средства, употребляемыя Обществомъ, просты; они состоятъ въ доставленіи освобожденнымъ мѣста прислугъ, прикащиковъ, или въ устройствѣ имъ небольшой торговли. Можно было бы предполагать, что устройство подобнаго рода людей затруднительно. Напрасно. Въ Лондонѣ, безъ сомнѣнія и въ Парижѣ, какъ и вездѣ, есть много сострадательныхъ лицъ, небоящихся принимать къ себѣ на службу этихъ несчастныхъ. Кромѣ того лица эти, имѣя ихъ денежное обезпеченіе

и обладая тайною ихъ жизни, могутъ во многихъ случаяхъ вполнѣ полагаться на вѣрность ихъ службы.

Въ ожиданіи приличнаго мѣста, освобожденный получаетъ изъ капитала, пріобрѣтеннаго имъ въ тюрьмѣ, сумму самую необходимую на его нужды. Ему отводятъ помѣщеніе въ кварталѣ наиболѣе отдаленномъ отъ жительства его прежнихъ знакомыхъ, вліяніе которыхъ на него весьма опасно. Женщинъ ввѣряютъ обыкновенно начальницѣ какого нибудь пріюта, состоящаго въ сношеніи съ Обществомъ, или же какой нибудь благонадежной особѣ. Если же старость или слабость не позволяютъ нѣкоторымъ изъ нихъ содержать себя работою, то они получаютъ отъ Общества нѣсколько товару плодовъ, овощей и т. п. и продаютъ его на улицахъ. Впрочемъ этотъ родъ занятій рѣдко предоставляется арестантамъ агентами Общества, потому что онъ развиваетъ въ нихъ страсть къ бродяжнической жизни, которая влечетъ за собою возвратъ къ прежней жизни, предоставляя имъ болѣе случаевъ къ возобновленію прежняго пагубнаго знакомства. Тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ знакомыхъ въ колоніяхъ, (а число оныхъ въ Англіи очень значительно) перевозятся къ нимъ безвозмездно, и получаютъ кромѣ того нѣкоторую экипировку, если они докажутъ, что друзья ихъ согласны принять ихъ къ себѣ и помочь имъ при ихъ пріѣздѣ. Вообще эти случаи бываютъ очень часто.

Составъ Общества весьма простъ; оно состоитъ изъ комитета, при которомъ находятся три секретаря, изъ коихъ двое почетныхъ, два или три коммиссіонера и столько же надзирателей, кои исключительно обязаны посѣщать каждодневно одного или нѣсколькихъ человѣкъ, получившихъ занятіе отъ Общества, и представлять секретарю письменно рапортъ о своемъ обзорѣ. Отмѣтки эти записываются въ реестръ, который содержится съ величайшею тщательностію, такъ что Обществу извѣстна въ подробности жизнь каждаго освобожденнаго, съ тѣхъ поръ какъ оно приняло его подъ свое попеченіе. Иногда встрѣчаются здѣсь случаи достойные живѣйшаго участія. Мы разскажемъ одинъ изъ нихъ, доказывающій насколько нѣкоторые изъ этихъ людей оказываются

достойными заботъ объ нихъ Общества. Въ Лондонѣ одинъ очень богатый дворянинъ давно уже имѣлъ у себя эконома, пользовавшагося его полнымъ довѣріемъ, и о которомъ онъ, при принятіи его въ домъ, имѣлъ прекрасную рекомендацію, но не зналъ подробностей его жизни. Однажды его извѣщаютъ, что онъ находится въ опасномъ положеніи; ему разсказываютъ, что экономъ его былъ присужденъ къ пятилѣтней каторгѣ. Какъ великъ былъ его испугъ. Ему трудно было разстаться съ человѣкомъ, которымъ до сихъ поръ онъ былъ совершенно доволенъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся отвѣтственности, если бы оставилъ въ своемъ домѣ, среди другой прислуги, бывшаго арестанта. Въ этомъ недоумѣніи онъ обратился въ Общество попечительства, которое подтвердило полученныя имъ свѣдѣнія. Человѣкъ этотъ дѣйствительно былъ освобожденнымъ арестантомъ. Общество отыскало ему первое мѣсто, передавъ предварительно, согласно своимъ правиламъ, хозяину, который согласился принять его въ услуженіе, тайну его жизни. Послѣдній, вполнѣ довольный его службою, далъ ему хорошую аттестацію, съ помощію которой онъ поступилъ и ко второму хозяину. Удовлетворенный этими свѣдѣніями, дворянинъ оставилъ своего слугу при себѣ, а послѣдній дальнѣйшимъ поведеніемъ своимъ заслужилъ общее уваженіе и любовь къ себѣ *).

Если отъ Англіи мы перейдемъ къ Германіи, то найдемъ, что попечительство устроено здѣсь превосходно и представляетъ тѣже самыя удовлетворительныя послѣдствія. Статистика тюремъ Франціи за 1864 годъ, въ сравнительной таблицѣ числа рецидивистовъ въ главнѣйшихъ государствахъ Европы, опредѣляетъ такимъ образомъ это число для Германіи. Въ тридцати четырехъ исправительныхъ домахъ на 6.436 арестантовъ приходилось — 1.739 рецидивистовъ, т. е. 27 на 100. Выводъ весьма благопріятный для освобожденныхъ взрослыхъ арестантовъ и полученный лишь стараніями попечительства. Съ 1826 года существуетъ въ Дюссельдорфѣ попечительное общество тюремъ для провинцій Рейна и

*) Good Words an Illustrated Monthly Magazine.

Вестфаліи, которое содѣйствовало къ уменьшенію этого числа рецидивистовъ. Дѣятельность общества направлена къ тому, чтобы заботиться, согласно закону, о нравственности заключенныхъ, удаляя отъ нихъ гибельныя вліянія и развивая напротивъ тѣ, которые могутъ быть имъ полезны какъ во время заточенія, такъ и на свободѣ (пунктъ 2-й уставовъ). Съ этою цѣлію общество производитъ жалованье выбраннымъ имъ самимъ и признаннымъ властію священникамъ и наставникамъ (пунктъ 3-й). Оно заботится о размѣщеніи арестантовъ (п. 4), распространеніи между ними охоты къ полезному чтенію (п. 5), развитіи ручныхъ работъ во время ихъ заточенія (п. 6). Оно старается устроить освобожденныхъ сообразно ихъ нуждамъ, доставить имъ средства къ существованію и ввѣрить ихъ надзору людей религіозныхъ, дабы избѣжать по возможности возврата къ прежней жизни. Такимъ образомъ общество заботится сначала въ тюрьмѣ объ арестантѣ, а потомъ продолжаетъ свою заботу о немъ по выходѣ его на свободу. За посѣщеніями покровителей въ тюрьмѣ слѣдуетъ покровительство на волѣ. И это составляетъ первое условіе успѣховъ общества. Вспомнимъ, что лишь частыми посѣщеніями патронами молодыхъ заключенныхъ въ Лярокеттѣ Парижское попечительное общество достигло своихъ прекрасныхъ результатовъ. Кромѣ ежегодной денежной подписки, члены Дюссельдорфскаго общества принимаютъ на себя обязанность покровительствовать освобожденному арестанту, навѣщать его, заботиться объ его положеніи, пріобрѣсть его довѣріе, помогать ему совѣтами, рекомендаціею для пріисканія ему работы и убѣжища, вести его переписку, заботиться объ его семействѣ, какъ заботилось и во время его ареста. Въ мужскіе пріюты принимаются на извѣстное время покровительствуемые Обществомъ, но лишь съ условіемъ, чтобы противъ нихъ не было возбуждаемо новое судебное преслѣдованіе. Пребываніе въ пріютахъ бываетъ болѣе или менѣе продолжительно, смотря по поведенію содержащагося. Оно не можетъ продолжаться долѣе полугода, если онъ не выражаетъ намѣренія исправиться. Если же, напротивъ, онъ заслуживаетъ хорошій о

себѣ отзывъ и можетъ быть безопасно помѣщенъ внѣ пріюта, то въ день его выхода устраивается небольшое празднество. Въ провинціи обществу этому содѣйствуютъ другія на одинаковыхъ началахъ вспомогательныя общества, отдающія ему ежегодно отчетъ о своихъ занятіяхъ. Духовная власть помогаетъ также съ своей стороны Обществу. Одинадцатый Вестфальскій провинціальный соборъ въ одномъ изъ своихъ засѣданій постановилъ многія весьма важныя опредѣленія для дѣятельности Общества. Первымъ изъ нихъ предлагалось тюремнымъ священникамъ сообщать имена освобожденныхъ заключенныхъ, при ихъ освобожденіи, ихъ мѣстнымъ пасторамъ, дабы послѣдніе могли ихъ разыскать и принять въ свою паству. Далѣе соборъ предлагаетъ пасторамъ заботиться о семействахъ арестантовъ. Наконецъ, соображая, что недовѣріе къ освобожденнымъ, преимущественно къ тѣмъ, которые находятся подъ надзоромъ полиціи, бываетъ однимъ изъ главныхъ препятствій къ поднятію ихъ духа, соборъ рѣшилъ просить министра внутреннихъ дѣлъ о снятіи полицейскаго надзора или объ ослабленіи его надъ тѣми, которые находятся подъ покровительствомъ Общества или частныхъ лицъ, представляющихъ достаточное обезпеченіе. Затѣмъ соборъ изъявилъ желаніе, чтобы кромѣ существующихъ были устроены еще другіе подобные пріюты. Легко усмотрѣть изъ устройства и трудовъ общества попечительства тюремъ Вестфаліи и Рейна и драгоцѣннаго содѣйствія этому учрежденію высшей духовной и гражданской власти, какое большое значеніе придаютъ въ Германіи попечительству объ освобожденныхъ арестантахъ и этимъ объясняется сравнительно малая цифра рецидивистовъ *).

Учрежденія, подобныя этимъ, находящіяся въ швейцарскихъ кантонахъ, представляютъ еще болѣе удовлетворительные результаты. Въ Лозаннѣ существуетъ попечительное общество, основанное ваатландскимъ товариществомъ общественной пользы. Оно имѣетъ цѣлію доставлять тѣмъ изъ

*) Neununddreissigster Jahresbericht der Rheinisch-Westphälischen Gefängnisse-Gesellschaft, über das Vereinsjahr 1865—1866 Düsseldorf 1866.

освобожденныхъ арестантовъ, которые хорошо вели себя въ тюрьмѣ, работу и покровительство, дѣйствовать на нихъ религіозно и нравственно, дабы развить въ нихъ чувство долга (п. 1-й устава). Основанное на человѣколюбіи и благотворительности, оно покровительствуетъ только тѣмъ осужденнымъ, которые сами ищутъ этого покровительства и готовы подчиниться всѣмъ правиламъ, относительно ихъ постановленнымъ (п. 2). Комитетъ извѣщается объ именахъ арестантовъ, назначенныхъ къ освобожденію, объ ихъ лѣтахъ, званіи, родѣ занятій, о времени ихъ освобожденія и обо всѣхъ особыхъ обстоятельствахъ, до нихъ касающихся, дабы онъ могъ руководствоваться этимъ при поданіи нужныхъ пособій имъ; извѣстія эти присылаются тюремнымъ правленіемъ по крайней мѣрѣ за мѣсяцъ до освобожденія арестантовъ (п. 10). Комитетъ заботится, чтобы арестанты нашли при своемъ освобожденіи нужную для нихъ помощь (п. 11). Онъ выбираетъ агентовъ или членовъ корреспондентовъ въ различныхъ мѣстностяхъ кантона и чрезъ посредство ихъ вызываетъ желающихъ взять на себя трудъ опредѣленія освобожденныхъ на мѣста и надзоръ надъ ними (п. 13); вездѣ, гдѣ два или болѣе агентовъ находятся въ близкомъ сосѣдствѣ, устраиваются мѣстные комитеты (п. 14). Агенты и мѣстные комитеты переписываются съ центральнымъ комитетомъ (п. 15). Центральный комитетъ находится въ сношеніи съ попечительными учрежденіями, существующими въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи (п. 16). Наконецъ, комитетъ имѣетъ правиломъ помогать денежно освобожденнымъ лишь въ случаяхъ необходимости, хорошо доказанныхъ, или же когда нужно доставить имъ возможность существовать собственнымъ трудомъ.

Изъ отчета этого учрежденія, представленнаго ваатландскому товариществу общественной пользы за 1866 годъ (*) видно, что попечительство существуетъ въ кантонахъ Цюрихскомъ, Ааргаускомъ, Люцернскомъ, Аппенцельскомъ, Тюрговійскомъ, Бернскомъ, Сенгальскомъ и Шафгаузенскомъ и

*) Journal de la Société vaudoise d'utilité publique, juillet 1866.

вездѣ дѣятельность ихъ процвѣтаетъ. Въ 1865 году Сенгальское общество считало въ средѣ своей 1006 членовъ; оно покровительствовало 774 освобожденнымъ арестантамъ и успѣло довести число рецидивистовъ до 11 на 100. Цюрихское общество, менѣе значительное числомъ членовъ, дѣйствовало еще успѣшнѣе. Оно имѣло въ 1863 году 668 членовъ, покровительствовало 378 освобожденнымъ и замѣчательно сильно содѣйствовало къ уменьшенію числа преступниковъ въ кантонѣ. Число заключенныхъ понизилось въ продолженіи трехъ лѣтъ отъ 538 до 386 человѣкъ, что составляетъ 152 узниками менѣе въ тюрьмахъ кантона. Вотъ результаты, полученные за границею вездѣ, гдѣ попечительныя общества устроены были на твердыхъ основахъ и гдѣ они энергично дѣйствовали.

То, что сдѣлано въ Англіи, Германіи, Швейцаріи для взрослыхъ освобожденныхъ, можетъ быть достигнуто и во Франціи; первый опытъ уже былъ сдѣланъ частными комитетами. При тюремномъ центральномъ домѣ въ Ейссесъ существуетъ попечительный комитетъ для освобождаемыхъ арестантовъ протестантовъ, который работаетъ въ продолженіи десяти лѣтъ. Онъ имѣетъ цѣлію доставлять арестантамъ, заслуживающимъ того, работу при ихъ освобожденіи (п. 1 регламента). Онъ старается о пріисканіи имъ въ тѣхъ департаментахъ, откуда они родомъ, покровителей, согласныхъ принять ихъ при ихъ выходѣ (п. 3). Секретарь комитета заблаговременно освѣдомляется, куда каждый изъ нихъ долженъ отправиться послѣ своего заключенія. Онъ представляетъ лицамъ, изъявляющимъ готовность принять освобожденнаго къ себѣ, самыя точныя свѣдѣнія о его нравственности, прилагая къ нимъ свои собственныя замѣчанія (п. 4). Комитетъ нашелъ, что въ продолженіи десятилѣтняго срока своего существованія, число арестантовъ реформатовъ центральнаго дома въ Ейссесъ уменьшилось на двѣ трети *). Много другихъ частныхъ трудовъ было предпринято съ тою же цѣлію. Намъ извѣстно, что многіе тюремные священники, заботясь

*) Experiences d'un pasteur aumônier d'une maison centrale. Toulouse, 1867

объ арестантахъ, сообразно своему назначенію во время ихъ заточенія, безъ всякаго содѣйствія имъ со стороны какого-либо комитета, не оставляли ихъ и по выходѣ ихъ изъ тюремъ. Въ Парижѣ, въ Монпельѣ, въ Гагено, существуютъ комитеты изъ дамъ, занимающіеся съ большою заботливостію освобожденными женщинами. Еще можно упомянуть и о существующей „Назаретской пустынѣ“, основанной въ 1842 году аббатомъ Куралемъ, возлѣ центральной тюрьмы въ Монпелье и назначенной убѣжищемъ для освобожденныхъ женщинъ этой тюрьмы, а также и объ убѣжищахъ въ Доратѣ, (Haute-Vienne) въ Ваннъ, Бордо, Реймсѣ, Алансонѣ, Дуланѣ, основанныхъ общиною сестеръ Маріи Жозефъ или тюремными сестрами.

Въ продолженіи пятнадцати лѣтъ 800 освобожденныхъ женщинъ или дѣвушекъ были помѣщены въ общинные пріюты. Половина изъ нихъ возвратилась въ свои семейства, или же размѣщена по мѣстамъ, пріобрѣтя привычку къ труду, которая одна можетъ предохранить ихъ отъ новаго паденія *).

Теперь постараемся вывести изъ приведенныхъ фактовъ начала, которыми руководствовались попечительства надъ освобожденными взрослыми въ Англіи, Германіи, Швейцаріи и Франціи, и формулировать нѣкоторыя существеннѣйшія условія, оправданныя опытомъ.

Нужно, чтобы попечительство никому не навязывалось, а распространялось только на тѣхъ, которые сами о томъ просятъ. Желательно, чтобы оно начиналось еще въ самой тюрьмѣ, какъ это дѣлается въ Германіи и какъ было въ Парижѣ, когда молодые заключенные въ Ларокеттѣ навѣщались патронами Сенскаго общества. Для этой цѣли слѣдовало бы администраціи разрѣшить членамъ комитетовъ входить въ сношеніе съ заключенными одного съ ними вѣроисповѣданія. Комитетамъ должны быть доставляемы о каждомъ содержащемся самыя точныя свѣдѣнія, изъ которыхъ можно было бы знать поведеніе его въ тюрьмѣ, количество принадлежащихъ ему денегъ, ремесло, которымъ онъ занимается, и его нрав-

*) Notice sur la congrégation des soeurs de Marie Joseph, 1859.

ственное настроеніе въ минуту освобожденія. Желательно, чтобы полицейскій надзоръ надъ ними былъ ограниченъ, или же совсѣмъ переданъ Обществу, какъ это принято въ Англіи и Германіи. Что касается помощи Общества, то она должна состоять преимущественно въ покровительствѣ и поддержкѣ, необходимыхъ для доставленія освобожденному преступнику работы, а до того времени въ предоставленіи ему убѣжища или въ особыхъ пріютахъ, или же въ частныхъ домахъ, гдѣ онъ могъ бы имѣть себѣ и пристанище и прокормленіе *). Слѣдуетъ избѣгать, по возможности, денежной помощи, которая была бы лишь приманкой для нераскаявшихся арестантовъ. Комитеты могли бы требовать отъ покровительствуемыхъ ими, чтобы они ввѣряли комитетамъ свои наличныя деньги, какъ обезпеченіе ихъ благонадежности. Во Франціи есть много подготовленнаго матеріала, который могъ бы быть употребленъ съ пользою при устройствѣ такого покровительства. Тюремные священники—естественные патроны освобожденныхъ. Для приведенія въ исполненіе этого дѣла христіанскаго милосердія, имъ можно было бы доставить возможныя къ тому удобства. Комитеты, для которыхъ духовники являются вполнѣ готовыми секретарями, могли бы быть учреждены при всѣхъ центральныхъ арестантскихъ домахъ и департаментскихъ тюрьмахъ въ большихъ городахъ. Администрація можетъ съ своей стороны помочь во многомъ: она можетъ придать большое и полезное значеніе коммиссіямъ наблюденія, вмѣнивъ имъ въ обязанность заботиться объ освобожденныхъ и переставъ парализировать ихъ дѣятельность назначеніемъ главныхъ директоровъ по тюремному дѣлу. Администрація можетъ собирать справки о мѣстѣ жительства освобожденнаго преступника, можетъ рекомендовать его, если онъ ведетъ себя хорошо, мерамъ и лицамъ, отличающимся филантропическими чувствами, и доставлять такимъ образомъ работу. Такія мѣры были бы весьма благодѣтельны для многихъ арестантовъ, едва ли не для половины

*) Мы предпочитаемъ это послѣднее средство ихъ помѣщенія, какъ болѣе удобное и экономичное.

изъ нихъ. Такое попечительство, учрежденное при всѣхъ департаментскихъ тюремныхъ замкахъ, останавливая человѣка на первыхъ же шагахъ по пути къ злу, можетъ во многихъ случаяхъ предупреждать повторяемость преступленій и спасать души отъ погибели. Администрація обратилась уже съ подобною рѣчью къ обществу сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственнымъ съѣздамъ по дѣлу о малолѣтнихъ арестантахъ, и голосъ ея не пропалъ даромъ. Тоже вниманіе, можно надѣяться, публика оказала бы ея слову, сказанному въ пользу взрослыхъ. Частная благотворительность не оставитъ этихъ добрыхъ начинаній, а въ каждой провинціи можно найти благородныхъ филантроповъ, которые, зная мѣстность и жителей, не откажутся отъ пріисканія работы освобожденнымъ преступникамъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I

Тульскій окружный судъ.

Дѣло о крестьянахъ с. Телятинки (Богородицкаго уѣзда Тульской губ.), обвиняемыхъ въ неповиновеніи властямъ.

27-го сентября 1871 года Тульскій окружный судъ открылъ засѣданіе по настоящему дѣлу, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя П. А. Васильева, въ составѣ членовъ: А. В. Мяснова и П. И. Курносова. Обвинялъ товарищъ прокурора И. Е. Жуковскій; защищали подсудимыхъ: А. Д. Любавскій, А. М. Краевскій, П. П. Зуровъ и Я. О. Поповъ *).

Обвинительный актъ (измѣненный Московскою судебною палатою) состоялъ въ слѣдующемъ.

„По просьбѣ управляющаго конторою Нечаева о скорѣйшемъ приведеніи въ исполненіе утвержденнаго мировымъ съѣздомъ разверстанія угодій по сельцу Телятинки, Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи, мировой посредникъ предписалъ, 26-го іюля 1867 года, кузнецкому волостному правленію объявить крестьянамъ означеннаго сельца, чтобы они готовились къ переселенію и заранѣе распредѣлили свои усадьбы. Получивъ же донесеніе, что крестьяне на переселеніе согласія не изъявляютъ, мировой посредникъ вмѣстѣ съ исправникомъ отправились въ сельцо Телятинки и послѣ безуспѣшныхъ увѣщаній крестьянъ къ повиновенію *приказали разломать принадлежащія имъ строенія.* Когда и *затѣмъ* крестьяне къ переселенію не приступали и начали возобновлять сломанное, то мировой посредникъ донесъ объ этомъ губернатору, присовокупивъ, что подстрекателями къ неповиновенію оказываются крестьяне: Антонъ Тришинъ и Василій

*) Къ слушанію этого дѣла, составляющаго собою cause célèbre изъ практики новаго суда, явилось огромное число слушателей, въ числѣ которыхъ были многіе мѣстные чиновники, военные и статскіе. Засѣданіе открыто въ половинѣ двѣнадцатаго часа. Изъ подсудимыхъ трое находятся подъ стражею, а остальные на свободѣ и сидятъ на право отъ защитниковъ.

Павловъ, изъ которыхъ послѣдній, въ присутствіи его, посредника, сказалъ, что если велятъ даже повѣсить его, Павлова, то и тогда онъ переселяться не станетъ.

„По разсмотрѣніи произведеннаго по сему предмету слѣдствія, судебная палата, находя въ поступкѣ крестьянъ сельца Телятинки одно только ослушаніе законныхъ требованій мироваго посредника, передала дѣло, согласно 29 ст. уст. о наказ., на разсмотрѣніе мѣстнаго мироваго судьи.

„При разбирательствѣ у мироваго судьи, крестьяне сельца Телятинки, за исключеніемъ Максима Трофимова, уже переселившагося на новое мѣсто, въ числѣ 20 человѣкъ, заявили, что добровольно на вновь отведенныя имъ мѣста они не переселятся; почему мировой судья, признавъ крестьянъ: Семена Прохорова, Семена Семенова, Аѳанасія Дмитріева, Петра Евстигнеева, Антона Алимпіева, Алексѣя Васильева, Ивана Артемьева, Николая Павлова, Василія Павлова, Петра Дмитріева, Федора Леонова, Андрея Алексѣева, Степана Андреева, Василія Яковлева, Антона Ильина, Бориса Федорова, Абрама Сергѣева, Никифора Петрова, Тимоѳея Петрова и Егора Лукьянова, виновными въ *упорномъ* неповиновеніи требованіямъ и постановленіямъ правительственныхъ властей, приговорилъ ихъ, 12 марта 1869 года, къ штрафу по 15 р. съ каждаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ усматривая, что неповиновеніе означенныхъ крестьянъ происходитъ не по недоразумѣнію, такъ какъ всѣ относящіеся по сему предмету законы были имъ разъяснены и всѣ ихъ жалобы на неправильность разверстаній угодій не уважены ни губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, ни министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а единственно по *стачкѣ* и подстрекательству руководителей ихъ къ упорному сопротивленію, мировой судья, въ виду 5 п. 959 ст. уст. угол. суд., не приводя своего приговора въ исполненіе, дѣло вновь передалъ на зависящее распоряженіе товарища прокурора Тульскаго окружнаго суда, къ которому, между прочимъ, поступило новое дѣло, по обвиненію тѣхъ крестьянъ с. Телятинки, во вновь оказанномъ ими, 29 августа 1869 года, ослушаніи распоряженіямъ пристава 1-го стана Богородицкаго уѣзда, исполнявшаго порученіе мироваго посредника о воспрещеніи имъ обработки прежнихъ ихъ полей.

„Входя вновь въ разсмотрѣніе настоящаго дѣла, судебная палата не можетъ не видѣть въ означенныхъ поступкахъ крестьянъ сельца Телятинки упорнаго сопротивленія исполненій законныхъ требованій властей, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры ихъ вразумленія, происходящаго отъ подстрекательства нѣкоторыхъ руководителей, вовлекающихъ ихъ въ обманъ сообщеніемъ ложныхъ свѣдѣній; такими подстрекателями, по удостовѣренію мироваго посредника и показанію нѣкоторыхъ свидѣтелей, оказываются крестьяне того же сельца Телятинки: Василій Павловъ, Антонъ Алимпіевъ (Тришинъ) и Василій Яковлевъ (Каржавинъ), за что они должны подлежать преслѣдованію по 273 ст. улож.

о наказ. А потому судебная палата опредѣляетъ: крестьянъ сельца Телятинки: Василія Павлова, Антона Алимпіева, Василія Яковлева, Семена Прохорова, Семена Семенова, Аѳанасія Дмитріева, Петра Евстигнеева, Алексѣя Васильева, Ивана Артемьева, Николая Павлова, Петра Дмитріева, Федора Леонова, Абрама Сергѣева, Никифора Петрова, Тимоѳея Петрова и Егора Лукьянова, на основ. 273 ст. улож. о наказ. и 201 ст. уст. угол. суд., предать суду Тульскаго окружнаго суда съ участіемъ гг. присяжныхъ засѣдателей, первыхъ троихъ какъ зачинщиковъ, а остальныхъ какъ ихъ сообщниковъ, неповиновенія законнымъ требованіямъ властей отъ правительства установленныхъ".

Отвѣчая на вопросы предсѣдателя всѣ подсудимые виновными себя не признали.

Затѣмъ было приступлено къ допросу свидѣтелей.

Мировой посредникъ Заварзинъ. Я получилъ заявленіе отъ конторы, что Телятинскіе крестьяне не соглашаются переселиться. Мною были приняты мѣры къ понужденію крестьянъ переселиться. Въ настоящее время крестьяне переселились, живутъ хорошо, въ хорошемъ повиновеніи, жалобъ на нихъ нѣтъ.—Возвращаюсь къ неповиновенію крестьянъ: послѣднимъ былъ данъ трехлѣтній срокъ на переселеніе, новая земля для поселенія имъ отведена была удобная, но крестьяне не принимали этой земли, не думали о переселеніи. Переселеніе было необходимо во избѣжаніе черезполосицы владѣнія землею. Я помню, что нѣкоторые крестьяне отказались переселиться. Василій Павловъ сказалъ: „выройте столбъ, привяжите меня къ нему, вѣшайте меня, а я не переселюсь".— Строенія я велѣлъ ломать: ихъ сломано кажется 5 - 6, не помню. Крестьяне должны переселиться въ силу приговора мироваго съѣзда посредниковъ, необжалованнаго ими въ законный срокъ. Во время переселенія крестьянъ случилось два пожара, погорѣло много строеній этихъ крестьянъ. (Отвѣчая на вопросы защитника Любавскаго). Я приступилъ къ сломкѣ строеній крестьянъ вслѣдствіе увѣдомленія конторы помѣщика. Подъ выраженіемъ „контора помѣщика" я разумѣю управляющаго Нечаева; этого увѣдомленія было для меня вполнѣ достаточно. На съѣздѣ мировыхъ посредниковъ, предписавшій имъ переселиться, крестьяне приносили жалобы: губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, министру внутреннихъ дѣлъ, сенату; крестьяне избрали даже ходаковъ Василія Павлова и Василія Яковлева для подачи прошенія въ Петербургъ. *Потомъ этихъ же самыхъ ходаковъ, ими сначала избранныхъ, они положили сослать въ Сибирь, какъ людей порочныхъ, неблагонадежныхъ* (между присяжными засѣдателями ощущеніе). Относительно сломки строеній крестьянъ я замѣчу, что сломка производилась два раза: при прежнемъ мировомъ посредникѣ съ домовъ крестьянъ сняли крыши; при мнѣ было приступлено къ сломкѣ самыхъ зданій, я созвалъ крестьянъ сосѣднихъ деревень для этого, всего созвали до 1600 человѣкъ (движеніе между присяжными). Я долженъ

прибавить, *что крестьяне фактически сломкѣ ихъ строеній не сопротивлялись, они только разговаривали между собою, жаловались на судьбу.* При сломкѣ я велѣлъ не перемѣшивать строительныхъ матеріаловъ, строительные матеріалы каждаго дома клались въ особую кучу. Отвѣчая на вопросъ, въ силу какого именно закона, какой статьи я счелъ себя въ правѣ ломать строенія крестьянъ, я такого спеціальнаго закона указать не могу — я считалъ себя въ правѣ сдѣлать это, по предоставленной мнѣ власти. *На эту мѣру я не испрашивалъ разрѣшенія губернатора* (движеніе въ публикѣ), я донесъ о событіи уже послѣ; *я дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію въ интересахъ общаго порядка.* Дѣйствительно послѣ сломки ихъ строеній, крестьяне жили въ „землянушкахъ“; подъ землянушками я понимаю ямы, вырытыя въ землѣ (между присяжными ощущеніе); въ этихъ ямахъ крестьяне и *перезимовали*; о томъ чтобы у крестьянъ перемерли дѣти отъ холода — я не знаю и не слыхалъ. Я убѣжденъ, что крестьяне жили въ землянушкахъ по упорству, имъ были приготовлены другіе дома. За упорство была экзекуція, то-есть наказаніе крестьянъ розгами; крестьянъ наказывали въ полицейскомъ управленіи, но сколько давали розогъ и кого наказывали, этого я некасался,—это было дѣло полиціи. Во время переселенія ихъ на новое мѣсто крестьяне сгорѣли два раза. (На вопросъ защитника.) Чтобы во время пожара старшина Прокофій Федотовъ говорилъ „Арсеньевскій конецъ не бойся, а Крюковскій конецъ еще разъ сгоритъ“,—я ничего не знаю. Что крестьяне погорѣли во время сломки ихъ строеній—я вижу только простую случайность *).

(Отвѣчая на вопросъ другихъ защитниковъ). Крестьянамъ прежній мировой посредникъ дѣйствительно не выдалъ копіи съ проекта разверстанія ихъ земли; я же всегда выдаю копіи, безъ всякаго затрудненія. Чтобы Антонъ Алимпіевъ сообщалъ крестьянамъ „ложныя свѣдѣнія“, этого я положительно удостовѣрить не могу; онъ только на сходкахъ говорилъ больше всѣхъ, и просилъ дождаться разрѣшенія ихъ жалобы, поданной въ правительствующій сенатъ. Крестьяне пригласили адвоката, кажется Спасскаго, хлопотать за нихъ; но этотъ адвокатъ только ихъ сбивалъ и подводилъ подъ отвѣтственность. Самыми упорными крестьянами, нежелавшими переселиться, были Антонъ Алимпіевъ и Василій Яковлевъ; на сходкахъ они постоянно были впереди. Сколько при экзекуціи давали розогъ крестьянамъ, какъ я уже замѣтилъ, я не знаю; это дѣло полиціи, а не мое; вѣроятно число розогъ соотвѣтствовало законному размѣру. (*Предсѣдатель замѣтилъ, что этотъ вопросъ*

---

*) Защитникъ Любавскій просилъ присяжныхъ засѣдателей замѣтить: 1) что крестьяне жили зиму въ „землянушкахъ“ какъ кроты, или медвѣди; 2) что избранные крестьянами лучшіе люди, ходаки въ Петербургѣ, въ послѣдствіи были признаны ими порочными и подлежащими ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

совершенно излишній,не относящійся къ дѣлу). До возникновенія этого дѣла, Телятинскіе крестьяне были крестьяне исполнительные, на нихъ жалобъ не было, они первые труженики въ околоткѣ. Крестьяне говорили, что на новомъ мѣстѣ земля для нихъ неудобнѣе; новыхъ мѣстъ, отведенныхъ крестьянамъ для переселенія, я самъ не разсматривалъ; разверстаніе земель произведено до меня. Чтобы послѣ наказанія ихъ розгами—крестьянъ выносили на рукахъ, этого я не знаю. (*Послѣдовало новое замѣчаніе предсѣдателя*). Хотя крестьянами была принесена жалоба въ сенатъ, но ими былъ пропущенъ срокъ на обжалованіе рѣшенія мироваго съѣзда, изъ этой жалобы не могло ничего выйти. Приговоръ о ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе трехъ крестьянъ, находящихся подъ стражею, сначала былъ подписанъ конторщикомъ; поэтому я усомнился въ дѣйствительности сего приговора. Когда же крестьяне подписали новый приговоръ, то я утвердилъ его. Я и не слыхалъ, чтобы выдавались конторою деньги крестьянамъ, подписавшимъ приговоръ о ссылкѣ; контора дѣйствительно дала въ видѣ вспомоществованія по 30 рублей каждому крестьянину переселяющемуся на новое мѣсто. Въ приговорѣ о ссылкѣ я ничего принудительнаго со стороны конторы не усмотрѣлъ, почему и утвердилъ приговоръ. (*Василій Яковлевъ тихо плачетъ*). Сельцо Телятинки состоитъ изъ двухъ слободъ; когда я ломалъ избы крестьянъ, въ это время имъ уже были выстроены на новыхъ мѣстахъ избы; впрочемъ какъ этого, такъ и времени сего, я съ точностью не упомню; я не извращаю фактовъ, крестьяне жили въ землянушкахъ по доброй волѣ, года и числа я не помню..... (сбивается въ показаніяхъ).

Предсѣдатель (внушительно). Гг. защитники, я прошу васъ не касаться тѣхъ вопросовъ, которые клонятся къ разбору дѣйствій администраціи, неимѣющихъ никакого отношенія къ существу дѣла; прошу васъ избѣгать критики распоряженій должностныхъ лицъ. Мы судимъ неповиновеніе крестьянъ распоряженіямъ не отдѣльныхъ административныхъ лицъ, а постановленію съѣзда мировыхъ посредниковъ, вошедшему въ законную силу. Я предупреждаю, что если на судѣ будетъ нарушаться должное приличіе и уваженіе къ власти, то виновный будетъ мною лишенъ слова.

Мировой посредникъ (продолжая свои показанія). Пожаръ въ сельцѣ Телятинки случился въ то время, когда волостной старшина пріѣхалъ приказать крестьянамъ, чтобы они не возобновляли разломанныхъ строеній. Пожаръ начался со строенія Максима Трофимова, того крестьянина, который переселился на новое мѣсто (ощущеніе). Все общество сельца Телятинки участвовало въ составленіи приговора о ссылкѣ трехъ крестьянъ въ Сибирь. (Отвѣчая на вопросъ старшины присяжныхъ засѣдателей чрезъ предсѣдателя.) Крестьяне, которые подлежали переселенію, имѣли большею частью каменныя постройки и эти строенія по моему распоряженію были сломаны.

Подсудимый *Василій Павловъ* (дѣлая возраженія): на сломку нашихъ

строеній пришли крестьяне 12 волостей. Старшины намъ и объявили: „мы пріѣхали васъ ломать!“ Мы просимъ: нельзя ли прежде осмотрѣть, куда насъ переселяютъ; говорятъ—нельзя. Исправникъ и Нечаевъ прежде всего указали для сломки мой домъ, я имъ отвѣчаю: „вѣками домъ наживалъ, а вы православные, а его ломаете. Дѣти мои, старушка, стали ревѣть, всѣхъ согнали къ рѣкѣ, они плачутъ. Никто меня не защитилъ. Мнѣ говорятъ: „Хоша ты будешь жаловаться, мы назначимъ секуцію“. Я говорю: „хоша куда хотите ведите, не соглашусь на переселеніе, и добровольно не пойду“.—Намъ отвели вновь дурную землю. Мы послали ходаковъ въ Петербургъ для принесенія жалобы. Тогда власти крестьянъ стали смущать, говорятъ откажитесь отъ крестьянъ, которыхъ послали въ Петербургъ. (*Предсѣдатель остановилъ подсудимаго.*) Послѣ этого я испужался, ходилъ въ Москву къ своему помѣщику и получилъ отъ него прощеніе. А другихъ ходаковъ общество постановило сослать въ Сибирь; этотъ приговоръ грѣшный“...

Подсудимый *Василій Яковлевъ.* У меня все отняли, даже сына моего сѣкли и говорили ему: „откажись отъ отца“. Все мое продали, домъ сломали. Меня сѣкли два раза въ полиціи, послѣ наказанія меня на рукахъ вынесли, я не могъ идти; потомъ, когда я отдохнулъ, меня опять высѣкли. Моего сына изъ-за меня не законно отдали въ солдаты, мнѣ въ отмѣстку. Имущество мое растаскали, кирпичную избу продали....

Подсудимый *Николай Павловъ.* Меня ссылаютъ въ Сибирь неправильно, будто бы за то, какъ сказывали старики, что я подушныхъ 3 руб. не уплатилъ. (*Предсѣдатель, останавливая подсудимаго: мы этого обстоятельства не разсматриваемъ.*) Какъ я могъ ихъ уплатить, когда мою избу сломали! Когда мой домъ сломали, вышелъ я въ чистое поле и въ полѣ зимовалъ. Я жилъ въ землянушкѣ „самъ-третья“, ребенокъ мой умеръ съ холоду (между присяжными движеніе); теперь я уже 10 мѣсяцевъ сижу въ замкѣ, семья моя теперь даже пропитанія не имѣетъ. Все мое добро сломали, свезли, погубили, Огнемъ сгубили, мой дворъ сгорѣлъ, я безъ счету потерялъ, оставшійся отъ дома кирпичъ продали на уплату податей.

Василій Павловъ и пять человѣкъ подсудимыхъ вставая: мы отъ народа (трехъ ссылаемыхъ) не отказывались, неволя заставила, да неволя!

Предсѣдатель. Это обстоятельство не подлежитъ разсмотрѣнію суда.

Свидѣтель *приставъ 1-го стана Богородицкаго уѣзда Теснинскій.* Я запретилъ крестьянамъ пахать прежніе огороды, но крестьяне продолжали ихъ пахать. Они не переселялись, они считали неудобными новые участки. При сломкѣ строеній выдавались изъ крестьянъ Василій Павловъ и братъ его Николай Павловъ; они считали неудобнымъ переселиться; говорили, что будутъ хлопотать въ Петербургѣ, ожидали результата просьбы, поданной ими въ сенатъ и министру. Какъ сѣкли крестьянъ въ полицейскомъ управленіи, я не знаю, меня тамъ не было; я

слышалъ, что сѣкли нѣкоторыхъ крестьянъ. Я участвовалъ въ сломкѣ крестьянскихъ строеній; постройки больше были кирпичныя; матеріаловъ одного дома не смѣшивали съ матеріалами другаго дома. *Фактическаго сопротивленія крестьянъ не было.*—До возникновенія сего дѣла Телятинскіе крестьяне были хорошіе крестьяне. Новые дома выстроены всѣмъ крестьянамъ по одному образцу, деревянные, а прежнія ихъ строенія были каменныя.

Свидѣтель *кузнецкій волостной старшина Федотовъ*: Телятинскіе крестьяне не переселялись; собрали крестьянъ 12 волостей и стали ломать ихъ дома. При этомъ осенью случился пожаръ: во время переселки сгорѣло 12 дворовъ; пожаръ начался со двора Максима Грачева сзади, съ саду.—Крестьянамъ дѣлали въ полицейскомъ управленіи *секуцію за неповиновеніе.* Антонъ Алимпіевъ ложныхъ слуховъ никакихъ не сообщалъ. Всѣмъ переселяющимся выдавалъ деньги управляющій, но чтобы это вліяло на приговоръ о ссылкѣ на поселеніе трехъ подсудимыхъ,—этого я не знаю. Одинъ разъ при мнѣ сѣкли Алимпіева и Павлова. Отъ холоду я не слыхалъ, чтобы кто умеръ. Померъ Евдокимъ—крестьянинъ, но не знаю отчего; по совѣсти долженъ сказать, что вновь отведенная земля будетъ похуже прежней.

Свидѣтель *сельскій староста Максимъ Грачевъ.* Крестьяне неповиновались властямъ, они не пошли на переселеніе. Приговоръ о ссылкѣ въ Сибирь Антона Алимпіева, Василія Яковлева и Николая Павлова составляли въ барской конторѣ, въ которой въ это время былъ и мировой посредникъ Заварзинъ (движеніе между присяжными); потомъ приговоръ оканчивали въ волостномъ правленіи. Затѣмъ крестьянамъ давали по 35 руб. на переселеніе. Я навѣрное помню, что новыя избы *не были готовы,* когда ломали прежнія избы крестьянъ. Когда крестьяне поселились въ землянушкахъ, у нихъ избъ не было. Крестьяне годъ жили въ землянушкахъ. Въ первый разъ съ ихъ домовъ крыши сняли и не позволяли крыть, а потомъ сломали всѣ строенія. Въ полицейскомъ управленіи всѣхъ крестьянъ сѣкли, кромѣ трехъ. Двое крестьянъ умерли послѣ того, но не очень скоро, а отчего не знаю.

Защитникъ Я. О. Поповъ проситъ присяжныхъ засѣдателей замѣтить, что Грачевъ вызванъ въ свидѣтели обвинительною властью.

Свидѣтель сельскій староста *Василій Гурьевъ.* Крестьяне не шли на переселеніе, всѣ смѣшались, находили въ новой даваемой имъ землѣ неудобства. Послѣ сломки ихъ строеній, крестьяне дѣйствительно жили въ землянкахъ. У нихъ при сломкѣ строеній случился пожаръ: загорѣлось вдругъ, сзади. Ломали такъ: крючьями раскачаютъ строеніе, оно рухнетъ (свидѣтель разводитъ руками). Коли строеніе кирпичное, конечно кирпичъ при паденіи расколется. Въ землянкахъ живя, крестьяне приловчились тамъ устроить печи, это они сдѣлали. Когда въ первый разъ ломали крестьянскія избы, *дома у нихъ не были готовы,* это я навѣрное, навѣрное помню.

Управляющій Нечаевъ. Телятинскіе крестьяне сопротивлялись властямъ, но по недоразумѣнію. Теперь они живутъ хорошо; я ни разу въ послѣднее время на нихъ не жаловался. Они прекрасно ведутъ себя. При переселеніи ихъ власти допустили сломку строеній, ибо крестьяне сопротивлялись. Уполномоченные крестьянъ ходили въ Петербургъ; адвокатъ Спасскій обнадеживалъ крестьянъ, что ихъ не переселятъ. Когда было приступлено къ сломкѣ строеній, крестьянамъ было уже отказано въ жалобѣ ихъ, поданной въ сенатъ. Новая земля, которую отводили крестьянамъ, не была хуже. Ломали строенія кажется одинъ разъ, нѣкоторые изъ крестьянъ послѣ сего жили въ землянушкахъ, но болѣе по упорству. Самъ я не слыхалъ, чтобы Алимпіевъ и Василій Яковлевъ подбивали крестьянъ къ неповиновенію, сообщали завѣдомо ложныя свѣдѣнія или были зачинщиками. Крестьяне Телятинскіе находятся на издѣльной повинности. Огородныя мѣста, находившіяся подъ прежними поселеніями крестьянъ, нынѣ отдаются мною въ годъ по 25 р. с. за десятину (ощущеніе между присяжными); такого ли достоинства новая земля, отведенная крестьянамъ, и всѣ ли земли приносятъ по 25 руб. сер. въ годъ съ десятины, я опредѣлительно сказать не могу. Я убѣжденъ, что все вышло по недоразумѣнію. Крестьяне Телятинскіе—примѣрные люди.

Священникъ *Александръ Пименовъ.* Касательно уголовнаго дѣла крестьянъ я ничего не знаю, я не ихъ половины; жалко ихъ по человѣколюбію, что они добровольно подвергли себя суду. Вообще относительно нравственности и поведенія Телятинскихъ крестьянъ замѣчу, что они ко мнѣ всегда были почтительны, ревностны къ церкви и почтительны къ высшимъ особамъ.

Затѣмъ предъявленъ присяжнымъ засѣдателямъ *планъ* с. Телятинки, при чемъ обнаружено, что усадьба помѣщика находилась среди крестьянскихъ угодій, почему для удобства помѣщика признано необходимымъ переселиться крестьянамъ къ одной сторонѣ.

По окончаніи судебнаго слѣдствія было приступлено къ преніямъ сторонъ.

Товарищъ прокурора **И. Е. Жуковскій** въ пространной обвинительной рѣчи произнесъ: Мм. Гг. Опредѣленіемъ московской судебной палаты крестьяне с. Телятинки, въ числѣ двадцати человѣкъ, преданы суду 273 ст. улож. о наказ. Въ статьѣ этой сказано: „если и безъ всякаго явнаго возстанія или сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, нѣсколько человѣкъ *согласятся* не исполнять какое либо предписаніе сихъ властей.... то за сіе подвергаются такому-то наказанію“. Чтобы вы могли рѣшить вопросъ, насколько это обвиненіе касается подсудимыхъ, я долженъ обратиться къ обстоятельствамъ сего дѣла. Судебное слѣдствіе раскрыло передъ вами, что въ 1865 году въ с. Телятинки происходило разверстаніе угодій крестьянъ; явилась для помѣщика необходимость переселить одну слободу съ одного конца

деревни на другой. Переселеніе крестьянъ, проектированное мировымъ посредникомъ, было утверждено мировымъ съѣздомъ, рѣшеніе котораго за необжалованіемъ онаго, вошло въ окончательную законную силу. Крестьянамъ было внушено, чтобы они готовились къ переселенію, переселяли ту именно слободу, представители которой находятся здѣсь на лицо и сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ. Но крестьяне объявили посреднику и исправнику, что переселяться несогласны, и не перейдутъ на новое мѣсто. Такъ шло время, прошелъ и трехлѣтній срокъ, назначенный для переселенія. Въ эти три года, мировой посредникъ Заварзинъ, чтобы побудить крестьянъ къ переселенію, прибѣгалъ къ убѣжденіямъ, но убѣжденія его не подѣйствовали—всѣ крестьяне объявили, что не желаютъ переселиться, ибо новая отведенная имъ земля неудобна для поселенія. Между крестьянами выдѣлились нѣсколько крестьянъ болѣе энергическихъ и болѣе смѣлыхъ, нежели другіе: эти личности увѣряли крестьянъ въ общественныхъ разговорахъ, что можно подать жалобы въ высшія инстанціи. Крестьяне выбрали „ходаковъ“, которые ходили въ Петербургъ приносить жалобу, но всѣ ихъ жалобы остались безъ послѣдствій; ибо первоначально крестьянами на обжалованіе рѣшенія съѣзда мировыхъ посредниковъ уже былъ пропущенъ срокъ. Но тѣмъ не менѣе эти энергическія личности поддерживали въ крестьянахъ увѣренность, что переселеніе не можетъ состояться. Между тѣмъ со стороны мироваго посредника послѣдовало распоряженіе—принять принудительныя мѣры къ переселенію крестьянъ. Явился посредникъ: когда крестьяне отвѣчали отказомъ переселиться, то было приступлено къ сломкѣ ихъ строеній. Нынѣ крестьяне претерпѣвъ различныя лишенія (о которыхъ вѣроятно много будутъ говорить защитники), переселились. Въ концѣ концевъ, я полагаю, что между подсудимыми не было подстрекателей, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это законъ. Всѣ подсудимые являются по этому дѣлу одинаково виновными. Василій Яковлевъ, Антонъ Алимпіевъ и Николай Павловъ должны быть обвинены въ простомъ неповиновеніи властямъ. Всякое общество крестьянъ имѣло и имѣетъ 2—3 крестьянъ болѣе смѣлыхъ нежели другіе, болѣе другихъ отстаивавшихъ его права; послѣдній признакъ есть чисто случайный. Судебнымъ слѣдствіемъ нисколько не доказано, чтобы упомянутые три крестьянина сообщали ложные слухи, своимъ односельцамъ, съ цѣлью подстрекать ихъ къ неповиновенію.

Въ заключеніе товарищъ прокурора энергически поддерживалъ обвиненіе противъ всѣхъ подсудимыхъ въ неповиновеніи законнымъ властямъ. Всякая административная власть, по мнѣнію его, отвѣчаетъ за свои дѣйствія и распоряженія, но мы повиноваться обязаны ея предписаніямъ, совершенно независимо отъ того, справедливы или несправедливы сіи послѣднія; крестьяне с. Телятинки несомнѣнно оказали неповиновеніе властямъ. Обязанность повиноваться властямъ есть неизбѣжное, коренное начало благоустройства въ государствѣ, въ против-

номъ случаѣ возникнутъ безпорядки, а безпорядки порождаютъ общее зло. Товарищъ прокурора требовалъ отъ присяжныхъ произнесенія обвинительнаго приговора.

Защитникъ **А. Д. Любавскій** произнесъ: Гг. присяжные засѣдатели! я являюсь защитникомъ Василія Яковлева, обвиняемаго прокурорскою властью „въ неповиновеніи законнымъ требованіямъ властей, отъ правительства установленныхъ“. Такъ какъ товарищъ прокурора не обвиняетъ Яковлева въ подстрекательствѣ, то вина Яковлева совершенно одинакова съ виною прочихъ подсудимыхъ, и сообразно съ этимъ измѣнилась и моя защита. Я постараюсь изложить передъ вами всѣ обстоятельства этого дѣла въ такой формѣ и въ такомъ систематическомъ порядкѣ, которые представляли бы наибольшую возможность вѣрнаго и безпристрастнаго пониманія всѣхъ доводовъ за и противъ. Крестьянамъ с. Телятинки, Богородицкаго уѣзда, было объявлено, чтобы они готовились *къ переселенію* и заранѣе распредѣлили свои усадьбы. Мировой посредникъ и исправникъ, получивъ донесеніе, что крестьяне на переселеніе согласія не изъявляютъ, отправились въ с. Телятинки, *приказали своею властью разломать принадлежащія крестьянамъ строенія*, а *затѣмъ* уже (удивительно отчего не ранѣе) донесли о всемъ бывшемъ начальнику Тульской губерніи. Сверхъ того приставъ 1-го стана послалъ донесеніе, что крестьяне оказали ослушаніе его воспрещенію обработывать прежнія ихъ поля.

Обращаясь къ разсмотрѣнію *внутренней стороны* изложенныхъ обстоятельствъ, оказывается, что отъ крестьянъ с. Телятинки потребовали, чтобы они переселились на новое мѣсто, чтобы они оставили свои прежнія усадьбы, мѣста гдѣ жили они, ихъ родители, ихъ семейства. По словамъ Карамзина „родина мила сердцу не яснымъ небомъ, не прекраснымъ климатомъ, но пріятными воспоминаніями, окружающими такъ сказать утро и колыбель человѣчества“. Это чувство въ общихъ его чертахъ есть чувство священное, составляетъ нравственный капиталъ народа, и оно-то поддержало и спасло Россію въ годины испытаній и несчастій, въ 1613 и 1812 годахъ, во время нашествія враговъ иноплеменныхъ. Итакъ всякому человѣку свойственно быть привязаннымъ къ мѣсту своей родины; но въ частности, въ особенности, „чувство привязанности къ извѣстному мѣсту“ бываетъ сильно и въ простолюдинѣ. Простолюдинъ самъ обрабатываетъ свою землю, онъ стоитъ ближе къ природѣ, онъ не живетъ кабинетною и книжною жизнію, ему недоступны общія теоретическія понятія, идеи космополитизма. И отъ этихъ-то простолюдиновъ крестьянъ потребовали, чтобы они оставили свою землю.

Никто болѣе меня не сочувствуетъ высочайшему указу 19 февраля 1861 года, но на землѣ нѣтъ такого предначертанія, сколь бы полезно и необходимо оно ни было, котораго бы исполненіе для нѣкоторыхъ лицъ не было сопряжено съ извѣстными неудобствами въ переходное

время. Подобное неудобство является для тѣхъ лицъ, которыхъ противъ ихъ желанія переселяютъ съ одного мѣста на другое. По положенію 19 февраля таковое переселеніе есть крайняя мѣра, ибо конечно должно пройти лѣтъ 10—20 пока крестьяне на новомъ мѣстѣ поправятся. Мм. гг., всѣ равны передъ закономъ; вообразите же, чтобы чувствовалъ каждый изъ насъ, если бы насъ заставили сломать наши дома, и самихъ выстроить эти дома на новомъ мѣстѣ, что почувствовали жители г. Калуги, еслибы ихъ переселили въ г. Тулу и на оборотъ? Для Телятинскихъ крестьянъ переселеніе было равносильно совершенному разоренію; земля на прежнихъ мѣстахъ была лучше, приносила 25 руб. въ годъ съ десятины (отчего между прочимъ контора помѣщика и потребовала переселенія крестьянъ); новая земля, имъ отведенная, была покрыта буграми, буераками, на 60 тяглъ крестьянъ приходилось 200 десятинъ совершенно неудобной земли.Вообще, мм. гг., переселеніе людей массами съ одного мѣста на другое представляетъ для переселяемыхъ огромное неудобство.

Въ данномъ случаѣ со стороны крестьянъ никакого сопротивленія властямъ оказано не было. Подсудимые по сему дѣлу, бывшіе *крѣпостные* люди, принадлежатъ къ крестьянскому сословію; они даже не подозрѣвали, что ихъ дѣйствія противозаконны и будутъ подведены подъ статью закона о неповиновеніи властямъ, они только просили дождаться разрѣшенія ихъ жалобы. Крѣпостное право (говоритъ г. Побѣдоносцевъ) развилось въ Россіи подъ вліяніемъ факта, а не юридическаго начала, и было послѣдствіемъ отношеній, въ силу которыхъ землевладѣлецъ могъ установить и расширить власть свою надъ земледѣльцемъ, богатый и сильный надъ бѣднымъ и слабымъ, начальный надъ подвластными.Власть государства сначала еще не приняла на себя роль *посредника* между сословіями. Съ тогдашней точки зрѣнія—владѣніе людьми казалось дѣломъ обыкновеннымъ, обыденнымъ. Впослѣдствіи приписка людей къ землѣ и прикрѣпленіе ихъ получили форму средства для успѣшнаго взиманія въ пользу государства налоговъ; въ семъ смыслѣ состоялся при Петрѣ I первый манифестъ о ревизіи. Ревизія установила связь между человѣкомъ и землею,—связь, мм. гг., которая даетъ себя чувствовать по своимъ послѣдствіямъ даже по настоящему дѣлу! Природа не терпитъ пустоты, такъ и наше законодательство не терпѣло людей, неприписанныхъ куда - либо. При ревизіи всѣхъ таковыхъ людей приписывали въ крѣпостные, часто неграмотныхъ вписывали въ ревизскія сказки, а они этого не знали. Изъ изложеннаго мною слѣдуетъ, что въ зернѣ крѣпостнаго права лежало вотчинное право на землю, затѣмъ въ XVIII ст. земля отходитъ на задній планъ, а на первый планъ становятся души. Наконецъ указъ 19 февраля 1861 года указываетъ тѣ высокія, гуманныя начала, которыхъ и вы, мм. гг., не можете не держаться и которыми наше отечество можетъ гордиться: „относиться одинаково ко всѣмъ русскимъ подданнымъ, всякаго званія

и состоянія отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ"....

Затѣмъ я разсмотрю вопросъ: въ чемъ состояло неповиновеніе крестьянъ законнымъ требованіямъ, какія это были законныя требованія? Меня поражаетъ прежде всего тотъ фактъ, что уѣздныя власти приказали *разломать* принадлежащія крестьянамъ строенія: именно созвали 12 старшинъ съ крестьянами, до 1600 человѣкъ, и объявили крестьянамъ, что будутъ ломать ихъ строенія. Ломали дома крючьями и топорами, попортили строительные матеріалы. Сначала ломали 12 дворовъ, затѣмъ и остальные. Телятинскіе крестьяне порыли себѣ *землянушки* (ямы въ землѣ) и въ нихъ зимовали; дѣти у нихъ перемерли въ огромномъ колличествѣ; люди жили въ „землянушкахъ"—какъ кроты, сурки или медвѣди. Это напоминаетъ мнѣ административныя мѣры, встрѣчающіяся въ „Русской Правдѣ" Ярослава 1050 г.: „отдачу на потокъ или на бой, а имущества на разграбленіе". Съ своей стороны я замѣчу, что дома крестьянъ не строятся и не разрушаются какъ карточные домики въ одинъ часъ. Можно ли ломать строенія мужика, когда для него не выстроенъ другой уже совершенно готовый домъ? Гдѣ же должны были ночевать крестьяне въ слѣдующую ночь, гдѣ они ночевали въ слѣдующій мѣсяцъ—въ землянушкахъ? Чтобы уѣздныя власти, дѣлая *законныя* распоряженія, ломали дома, когда бунта крестьянъ не было,—этого я понять не могу. Я не прокуроръ и не мое дѣло возводить обвиненія, но я прибавлю: что меня удивляютъ кротость и смиреніе подсудимыхъ крестьянъ, подлежащихъ сужденію вашему. Существуетъ поговорка: „въ законахъ все спасеніе", и я бы очень желалъ, чтобы мнѣ указали законъ, который говоритъ: „дома крестьянъ подлежатъ сломкѣ въ 24 часа"!

Чтобы побудить крестьянъ къ переселенію, ихъ наказывали *розгами*. По словамъ Побѣдоносцева вообще удары бича, раздающіеся въ народѣ, служатъ лучшимъ доказательствомъ неразвитія общества. По моему глубокому убѣжденію тѣлесныя наказанія убиваютъ достоинство человѣка, поражая въ немъ всякое чувство чести и поддерживаютъ въ немъ неуваженіе къ своей и чужой личности. Вообще ни одинъ юристъ, ни одинъ судья не сочувствуютъ наказанію розгами въ административномъ порядкѣ экзекуціи. По закону число ударовъ розогъ опредѣлено съ точностью, при административномъ же сѣченіи сѣкутъ неограниченно, до тѣхъ поръ, пока физическая боль не восторжествуетъ надъ волею человѣка и разумомъ. Вотъ такъ наказали двухъ подсудимыхъ Яковлева и Алимпіева; перваго сѣкли въ Полицейскомъ Управленіи, дали розогъ сколько влѣзло, (по выраженію Яковлева), дали отдохнуть, а потомъ опять начали сѣчь; черезъ годъ его опять высѣкли, сѣкли и его сына Прохора, приговаривая: „отъ отца откажись." Антона Алимпіева

также сѣкли два раза, приговаривая: „переселись на новое мѣсто.“ Сѣкли и другихъ.

Сверхъ того въ то время, когда законныя власти побуждали крестьянъ переселиться, произошло одно необычайное обстоятельство: нѣсколько разъ загорались дома крестьянъ, подлежащіе сломкѣ. Я понимаю, что къ этому предположенію нужно относиться съ осторожностью, но вотъ что произошло: сельскій староста Грачевъ ушелъ со сходки крестьянъ съ братомъ на огородъ, а черезъ нѣсколько секундъ загорѣлся его собственный дворъ. Его дворъ былъ плохой, ничего не стоилъ; закуты, (по словамъ крестьянъ), не было. Отъ этого сгорѣло девять другихъ (домовъ) дворовъ. Это было 7 сентября, послѣ того ровно черезъ недѣлю, на Покровъ, сгорѣло еще три двора.

Юридическая сторона этого дѣла состоитъ въ слѣдующемъ: по статьѣ 273 уложенія Антонъ Алимпіевъ судится какъ зачинщикъ неповиновенія законныхъ требованій властей, отъ правительства установленныхъ. Воззрѣнія судебныхъ учрежденій на это дѣло *измѣнялись* нѣсколько разъ. Сначала Московская судебная палата нашла, что въ этомъ дѣлѣ заключается только ослушаніе законныхъ требованій мироваго посредника безъ предварительнаго соглашенія крестьянъ и что дѣло это подсудно по 29 ст. уст. о наказ., мировому судьѣ. Но мѣстныя уѣздныя власти, (тѣ самыя, которыя ломали дома крестьянъ), на томъ основаніи, что крестьяне обработывали прежнія поля—увеличили размѣры этого дѣла и къ дѣлу примѣнена была Московскою судебною палатою ст. 273 уложенія, въ которой сказано: „если нѣсколько человѣкъ согласятся неисполнять какое-либо предписаніе властей, то подвергаются такому-то наказанію.“ По моему убѣжденію тутъ не было такого соглашенія и нѣтъ преступленія, предусмотрѣннаго упомянутымъ закономъ. Наконецъ нынѣ г. товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія Антона Алимпіева, Василія Яковлева и Николая Павлова въ подстрекательствѣ другихъ крестьянъ, и доказываетъ, что вина всѣхъ подсудимыхъ одинакова. Уже эта измѣнчивость, эта шаткость обвиненія, показываютъ, что сіе послѣднее можетъ быть уподоблено зданію, построенному на пескѣ, не имѣющему прочнаго фундамента. Настало судебное слѣдствіе, раскрылась передъ вами истина,—и обвиненіе рушилось.

Сверхъ того вовсе не доказано, чтобы Антонъ Алимпіевъ и Василій Яковлевъ были *зачинщиками*, напротивъ того общество крестьянъ заочно избрало ихъ, какъ лучшихъ людей, быть за нихъ ходатаями и уполномоченными—идти въ Петербургъ подавать жалобу. Подвергать отвѣтственности этихъ лицъ за то, что они приняли на себя ходатайство за своихъ односельцевъ, было бы также несправедливо, какъ обвинить адвоката за то, что онъ принялъ на себя защиту подсудимыхъ. Право избирать защитниковъ основано на самыхъ простыхъ началахъ здраваго смысла и справедливости; оно есть не болѣе какъ необходи-

мое и непререкаемое право *самообороны*. Если мы не дозволимъ крестьянамъ защищать ихъ честь, ихъ свободу, ихъ собственность, когда они могутъ или хотятъ сдѣлать это, тогда мы заразъ извратимъ священный законъ природы и справедливости, и испортимъ всѣ отношенія общественнаго порядка. Къ этому я прибавлю, что требовать отъ неграмотныхъ крестьянъ въ ихъ дѣйствіяхъ полнаго соблюденія всѣхъ формальностей и законности невозможно уже потому, что крестьяне и не могутъ знать этихъ формальностей. Знай крестьяне законы—они обжаловали бы въ установленный срокъ дѣйствія мироваго посредника и съѣзда, но они законовъ не знали, пропустили срокъ, имъ объявили, что рѣшеніе вошло въ законную силу и велѣли переселяться. Но съ другой стороны вспомните мм. гг., что крестьяне не суть безсловесныя животныя, что они люди.

Гг. присяжные засѣдатели! Въ настоящее время телятинскіе крестьяне уже съ 1867 г. нѣсколько лѣтъ тому назадъ переселены на новыя мѣста, никакихъ смутъ, волненій и безпокойствъ между ними не происходитъ. Дѣло это вовсе не требуетъ излишней строгости, не пугайтесь призракомъ волненія крестьянъ; освобожденіе крестьянъ прошло въ нашемъ отечествѣ мирно, счастливо и служитъ блестящимъ подтвержденіемъ здраваго смысла, спокойствія и политическаго такта русскаго народа. Только посланники иностранныхъ государствъ въ незабвенный день 19 февраля 1861 года ожидали въ Петербургѣ возмущенія народа, они поѣхали по городу и увидѣли, что народъ мирно и спокойно прохаживается по улицамъ и наполняетъ церкви. Итакъ государственныя и общественныя соображенія по настоящему дѣлу вовсе не требуютъ обвиненія подсудимыхъ.

Наконецъ по настоящему дѣлу, мм. гг., я долженъ сказать страшныя слова: относительно главныхъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу вы *безсильны*—какой бы ни былъ вашъ приговоръ, даже еслибы онъ былъ оправдательный. Яковлевъ, Алимпіевъ и Павловъ по приговорамъ ихъ обществъ присуждены къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь, тогда какъ прежде тоже общество крестьянъ выбрало ихъ своими ходатаями для подачи жалобы въ С.-Петербургѣ, какъ своихъ лучшихъ людей. Упомянутые Яковлевъ, Алимпіевъ и Павловъ сидятъ въ тюрьмѣ по распоряженію губернскаго правленія; они находились въ тюрьмѣ, ожидая вашего суда съ 21 декабря 1869 г. Я прошу васъ только не усугубить вашимъ обвинительнымъ приговоромъ страданій этихъ несчастныхъ.

Оканчивая мою защиту, я прибавлю слѣдующее: на скамьѣ подсудимыхъ я вижу подъ стражею трехъ несчастныхъ, нынѣ измученныхъ долговременнымъ пребываніемъ въ тюрьмѣ, прежде—сѣченныхъ, лишенныхъ крова и жилищъ, замороженныхъ, разоренныхъ, погорѣвшихъ, жившихъ въ землянушкахъ, и сверхъ того подлежащихъ во всякомъ случаѣ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе,—но я не вижу уголовныхъ преступниковъ (Ощущеніе, адвокаты сочувственно жмутъ руку говорившему).

Защитникъ подсудимаго Николая Павлова **А. М. Краевскій** произнесъ: Николай Павловъ и другіе подсудимые обвиняются въ неповиновеніи законнымъ требованіямъ властей. Первый вопросъ, возникающій въ этомъ дѣлѣ, есть тотъ: были ли вполнѣ законны эти требованія? Только при законности этихъ требованій, подсудимые могутъ быть обвинены. Впрочемъ къ дѣйствіямъ этихъ властей я буду относиться съ полнымъ уваженіемъ: въ 1865 г. 15 сентября посредникъ объявилъ крестьянамъ, что они должны готовиться къ переселенію. По закону вновь отводимыя крестьянамъ земли по качеству должны соотвѣтствовать прежнимъ землямъ, между тѣмъ этого въ настоящемъ дѣлѣ исполнено не было. Сверхъ того вознагражденіе за прежнія земли по закону должно быть опредѣлено третейскимъ судомъ, вопреки сего закона третейскаго суда назначено не было. Крестьяне принесли жалобу на постановленіе по сему предмету съѣзда мировыхъ посредниковъ, вдругъ они получаютъ предписаніе мироваго посредника въ теченіи недѣли переселиться на новыя мѣста. Это требованіе было физически невыполнимо. Крестьяне заявили, что они не могутъ исполнить сего рѣшенія. 3 августа прибылъ мировой посредникъ и распорядился сломать крыши крестьянскихъ жилищъ; остались однѣ стѣны; случившійся вслѣдъ затѣмъ пожаръ довершилъ разореніе крестьянъ. Николай Павловъ очутился безъ жилища; холодъ, дождь, неимѣніе крова для своего ребенка и семейства, побуждали его починить крышу; нравственныя соображенія стали выше закона. Сломка строеній крестьянъ не только противна была нравственному чувству, но и несогласовалась съ ст. 85 мѣст. полож. о крест., въ которой прямо постановлено, что власти, установившія переселеніе крестьянъ, принимаютъ мѣры, чтобы крестьяне не оставались безъ жилищъ. Напротивъ въ данномъ случаѣ всѣ распоряженія имѣли послѣдствіемъ косвеннымъ то, что крестьяне остались безъ жилищъ. (Ощущеніе). Въ это же время потребовали отъ крестьянъ исполненія издѣльной повинности, имъ было объявлено, что въ противномъ случаѣ будутъ проданы ихъ обгорѣлыя и разоренныя жилища съ публичнаго торга. Между тѣмъ нашъ крестьянинъ такъ привыкъ подчиняться властямъ, что Николай Павловъ не оказалъ сопротивленія сему распоряженію. Горе, смерть ребенка—все это не помѣшало ему съ покорностью исполнять барскую повинность. Гдѣ дѣло шло о его трудѣ, Николай Павловъ не отказывался отъ исполненія своихъ обязанностей. По закону во время обязательнаго переселенія крестьянъ (а въ такомъ именно положеніи находились телятинскіе крестьяне), имъ дается 3-хъ-мѣсячная льгота отъ барщины, и этого правила не было соблюдено въ отношеніи подсудимыхъ. Наконецъ я коснусь вопроса о срокѣ, можно ли было приводить въ исполненіе рѣшеніе о переселеніи крестьянъ. Крестьяне жаловались министру внутреннихъ дѣлъ, имъ было объявлено, что они должны жаловаться въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и въ сенатъ. Изъ пред-

ставляемой мной нынѣ справки (читаетъ) оказывается, что рѣшеніе съѣзда посредниковъ приводилось въ исполненіе 3 и 7 августа 1867 г., между тѣмъ указъ сената въ разрѣшеніе жалобы крестьянъ послѣдовалъ лишь 21 октября, а объявленъ крестьянамъ 8 ноября того же года. Тульское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе долго не принимало понудительныхъ мѣръ, оно предписывало посреднику пытаться уладить дѣло мирнымъ образомъ. Между тѣмъ уѣздныя власти (посредникъ и исправникъ) сами собой еще задолго до этого приняли самыя рѣшительныя мѣры. Вмѣсто постепеннаго перенесенія избъ крестьянъ въ теченіе 3-хъ-лѣтняго срока, даваемаго закономъ на переселеніе, всѣ избы крестьянъ были сломаны; 3-хъ-лѣтній срокъ истекалъ только 15 сентября 1868 г., но уже до сего времени дома крестьянъ были разрушены. Итакъ уѣздныя власти предъявили свои требованія крестьянамъ слишкомъ рано. Оканчивая мою рѣчь, гг. присяжные засѣдатели, я попрошу васъ припомнить, что во всякомъ случаѣ защищаемый мною Николай Павловъ долженъ быть сосланъ въ Сибирь въ порядкѣ административномъ, я прошу васъ не усугубить его отвѣтственности, произнесть оправдывающій приговоръ.

Защитникъ Антона Алимпіева **П. П. Зуровъ** произнесъ: Гг. присяжные засѣдатели! Вы выслушали по сему дѣлу три рѣчи: рѣчь г. Любавскаго вѣроятно запала въ ваше сердце и возбудила ваше состраданіе, ваше сочувствіе къ подсудимымъ; рѣчь г. Краевскаго указала вамъ на незаконныя дѣйствія властей уѣздныхъ. Я прошу васъ произнесть оправдательный приговоръ относительно Антона Алимпіева. На судебномъ слѣдствіи я разъяснилъ, что Антонъ Алимпіевъ вовсе не подстрекалъ крестьянъ къ сопротивленію, не вовлекалъ ихъ въ обманъ сообщеніемъ ложныхъ свѣдѣній, слѣдовательно это обвиненіе какъ само по себѣ, такъ и по отказу товарища прокурора поддерживать оное—упадаетъ. Затѣмъ въ отношеніи Антона Алимпіева, какъ и въ отношеніи другихъ подсудимыхъ, долженъ быть произнесенъ оправдывающій приговоръ. Г. Краевскій въ своей рѣчи чрезвычайно ясно, логично и точно доказалъ, что просьба крестьянъ пріостановиться ихъ переселеніемъ имѣла свою долю основательности, что приговоръ о семъ крестьянскихъ учрежденій не вошелъ въ окончательную законную силу. Настоящее дѣло имѣло послѣдствіемъ наказаніе крестьянъ, въ экономическомъ отношеніи—разореніе крестьянъ, и многіе изъ крестьянъ, имѣвшіе прежде каменные дома стоившіе сотни рублей, теперь живутъ въ лачужкахъ, многіе прежде богатые крестьяне теперь ходятъ въ рубищѣ, въ дырявомъ платьѣ, какъ могутъ усмотрѣть гг. присяжные засѣдатели, взглянувъ на подсудимыхъ. Защитникъ окончилъ свою рѣчь словами: вы не усугубите вашимъ обвинительнымъ приговоромъ несчастіе тѣхъ, которые и безъ того находятся въ несчастіи.

Защитникъ остальныхъ подсудимыхъ **Я. О. Поповъ** произнесъ: Гг. присяжные! Я рѣшительно рискую утомлять ваше вниманіе, продолжая

по примѣру моихъ товарищей по защитѣ подробно разсматривать каждое изъ обстоятельствъ этого дѣла. Рѣчи предшествовавшія уже разъяснили вамъ вполнѣ всѣ факты этого многознаменательнаго процесса; всѣ подсудимые, я увѣренъ, будутъ вами оправданы; для нихъ достаточнымъ несчастіемъ служитъ уже и то, что они своими руками скрѣпили приговоръ о ссылкѣ въ Сибирь трехъ ихъ односельцевъ, которыхъ они прежде въ своемъ приговорѣ признали своими лучшими и благонадежнѣйшими людьми.

Подсудимые въ свое оправданіе ничего прибавить не пожелали.

Присяжнымъ засѣдателямъ были предложены для разрѣшенія слѣдующіе вопросы: 1) Совершилось ли событіе, заключающееся въ томъ, что крестьяне сельца Телятинки, Богородицкаго уѣзда, въ числѣ 20 человѣкъ, по общему между собою согласію, отказались исполнить требованія мироваго посредника отъ 26 іюля 1867 г. о переселеніи на новое мѣсто, согласно разверстанію угодій по с. Телятинки, утвержденному съѣздомъ мировыхъ посредниковъ, несмотря на многократныя вразумленія и разобраніе ихъ прежнихъ построекъ, а также вторичнаго требованія, 29 августа 1869 г., пристава 1 стана, Богородицкаго уѣзда, не обрабатывать ихъ прежнія поля? 2) Если событіе, означенное въ 1 вопросѣ, совершилось, то виновны ли въ ономъ подсудимые крестьяне сельца Телятинки: Семенъ Прохоровъ 85 лѣтъ, 3) Семенъ Семеновъ 40 л., 4) Аѳанасій Дмитріевъ 27 л., 5) Петръ Евстигнеевъ 38 лѣтъ, 6) Алексѣй Васильевъ 30 л., 7) Иванъ Артемьевъ 50 л., 8) Николай Павловъ 50 л., 9) Петръ Дмитріевъ 52 л., 10) Ѳедоръ Леоновъ 47 л., 11) Андрей Алексѣевъ 60 л., 12) Степанъ Андреевъ 35 л., 13) Антонъ Ильинъ 50 л., 14) Борисъ Ѳедоровъ 50 л., 15) Абрамъ Сергѣевъ 64 л., 16) Никифоръ Петровъ 50 л., 17) Тимоѳей Петровъ 46 л., 18) Егоръ Лукьяновъ 50 л., 19) Василій Павловъ 47 л.? 20) Если Василій Павловъ виновенъ, то былъ ли онъ лицомъ возбуждавшимъ и подговаривавшимъ вышеозначенныхъ крестьянъ къ совершенію поступка, означеннаго въ 1-мъ вопросѣ? 21) Виновенъ ли Антонъ Алимпіевъ, 50 лѣтъ, въ поступкѣ, изложенномъ въ 1-мъ вопросѣ? 22) Если онъ виновенъ, то виновенъ ли также и въ поступкѣ, изложенномъ въ 20-мъ вопросѣ, т.-е. въ возбужденіи и подговорѣ вышеозначенныхъ крестьянъ къ неповиновенію распоряженіямъ власти? 23) Виновенъ ли въ дѣяніи, опредѣленномъ въ 1-мъ вопросѣ крестьянинъ Василій Яковлевъ 51 г.? 24) Если виновенъ, то виновенъ ли онъ также и въ дѣяніи, поименованномъ въ вопросѣ 20-мъ? 25) Если событіе, означенное въ 1-мъ вопросѣ, не совершилось, то виновенъ ли подсудимый крестьянинъ Василій Павловъ лишь въ томъ, что онъ отказался исполнить требованіе законное мироваго посредника о переселеніи на другое мѣсто, согласно разверстанію угодій, утвержденному съѣздомъ мировыхъ посредниковъ? Виновны ли въ томъ же самомъ преступленіи подсудимые крестьяне: 26) Антонъ Алимпіевъ, 27) Василій Яковлевъ, 28) Семенъ Прохоровъ, 29) Семенъ Се-

меновъ, 30) Аѳанасій Дмитріевъ, 31) Петръ Евстигнеевъ, 32) Алексѣй Васильевъ, 33) Иванъ Артемьевъ, 34) Николай Павловъ, 35) Петръ Дмитріевъ, 36) Ѳедоръ Леоновъ, 37) Андрей Алексѣевъ, 38) Степанъ Андреевъ, 39) Антонъ Ильинъ, 40) Борисъ Ѳедоровъ, 41) Абрамъ Сергѣевъ, 42) Никифоръ Петровъ, 43) Тимоѳей Петровъ, 44) Егоръ Лукьяновъ, 45) Василій Павловъ.

По подписаніи судьями вопроснаго листа, предсѣдатель между прочимъ, сдѣлавъ оцѣнку доказательствъ за и противъ подсудимыхъ и возстановивъ неправильно изложенныя обстоятельства сторонами, объяснилъ присяжнымъ какъ они должны понимать преступленіе опредѣленное 273 ст. улож. и 29 ст. уст. мир., познакомилъ ихъ съ мѣстнымъ положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, а также съ сроками переселенія, добавивъ, что настоящему дѣлу срокъ для переселенія наступалъ вслѣдъ за вступленіемъ постановленія съѣзда мировыхъ посредниковъ въ законную силу, какъ это опредѣлено въ самомъ постановленіи, а потому 3-хъ-лѣтній срокъ, о которомъ упоминалъ одинъ изъ гг. защитниковъ, не имѣетъ мѣста. Наконецъ поставивъ на видъ значеніе института присяжныхъ вообще, основанія, по которымъ слѣдуетъ отвѣчать виновенъ или невиновенъ, предсѣдатель сказалъ: вы должны всегда помнить, что нравственное значеніе вашего приговора зависитъ отъ его справедливости; вы должны притомъ охранять интересы общества и государства.

Послѣ полутора-часоваго совѣщанія присяжные засѣдатели отвѣчали: на первый вопросъ „да, событіе совершилось,“ на слѣдующіе вопросы до 23 включительно „нѣтъ не виноватъ,“ а прочіе вопросы оставлены безъ отвѣта.

Тульскій окружный судъ, выслушавъ дѣло о крестьянахъ с. Телятинки: Василіѣ Павловѣ, Антонѣ Алимпіевѣ, Василіѣ Яковлевѣ, Семенѣ Прохоровѣ, Семенѣ Семеновѣ, Аѳанасіѣ Дмитріевѣ, Петрѣ Евстигнеевѣ, Алексѣѣ Васильевѣ, Иванѣ Артемьевѣ, Николаѣ Павловѣ, Петрѣ Дмитріевѣ, Ѳедорѣ Лесновѣ, Андреѣ Алексѣевѣ, Антонѣ Ильинѣ, Борисѣ Ѳедоровѣ, Абрамѣ Сергѣевѣ, Никифорѣ Петровѣ, Тимоѳеѣ Петровѣ и Егорѣ Лукьяновѣ, первые трое, какъ зачинщики, а остальные какъ сообщники неповиновенія законнымъ требованіямъ властей, отъ правительства установленныхъ, опредѣлилъ: 1) всѣхъ вышеозначенныхъ крестьянъ, на основ. 1 п. 771 ст. уст. угол. судопр., считать по суду оправданными; 2) судебныя по сему дѣлу издержки отнести на счетъ казны.

II.

Московская Судебная Палата.

Дѣло о коллежскомъ регистраторѣ Александрѣ Ивановѣ Манъ, обвиняемомъ въ оскорбленіи должностнаго лица.

1871 года ноября 9-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій окружный судъ по II отдѣленію въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя П. М. Щепкина, въ составѣ членовъ суда: М. М. Сухотина и Н. Н. Постникова, при товарищѣ прокурора Н. А. Шепелевѣ и п. д. секретаря Д. А. Нечаевѣ, разсматривалъ дѣло о коллежскомъ регистраторѣ Александрѣ Ивановѣ Манъ, обвиняемомъ въ оскорбленіи должностнаго лица. Обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

Коллежскій ассессоръ Василій Сергѣевъ Рышковъ 11 сентября 1871 г. заявилъ мировому судьѣ Рогожскаго участка г. Москвы, что 25 августа онъ получилъ письмо за подписью Александра Иванова Манъ, который, въ крайне оскорбительныхъ для него выраженіяхъ, упрекаетъ его въ какой-то подлости и притязаніи, почему просилъ подвергнуть Мана законному взысканію, присовокупивъ, что онъ ему неизвѣстенъ, но, по словамъ подателя письма, состоитъ при механическомъ заведеніи Шмидта въ качествѣ уполномоченнаго. Содержаніе представленнаго просителемъ мировому судьѣ письма, заключается въ слѣдующемъ: „Г. пріемщикъ! мнѣ уже надоѣли эти подлости съ вашей стороны, въ отношеніи понапрасно мучить людей, а потому, если вы не явитесь съ извиненіемъ г-ну Шмидту, то обращенный вами пакетъ будетъ завтра же представленъ къ г. почтъ-директору, съ изложеніемъ всѣхъ вашихъ неоднократныхъ подлостей, и тогда мы увидимъ, насколько вы имѣете право дѣлать притязанія и въ какомъ случаѣ“ подписано: „Александръ Ивановъ Манъ“. Къ назначенному на 21-го сентября мировому разбирательству обвиняемый Манъ не явился, но съ возвращеніемъ повѣстки, которою вызывался по дѣлу объ оскорбленіи Рышкова, доставилъ отзывъ слѣдующаго содержанія: „возвращая прилагаемую повѣстку, честь имѣю отозваться, что я никогда никого не оскорблялъ, самая личность Рышкова мнѣ вовсе неизвѣстна и насколько могу припомнить, въ жизнь свою подобной фамиліи неслыхалъ не только что знавалъ; а потому будучи на службѣ и семейнымъ человѣкомъ, манкировать всѣмъ этимъ не могу, да и не считаю себя обязаннымъ исполнить настоящее, ничего необъясняющее требованіе, тѣмъ болѣе что при этомъ вовсе упущены изъ виду 32, 53, 61 и 1-й п. 69 ст. уст. гражд. судопр.“ Обвинитель же, бывшій на лицо, объяснилъ, что состо-

нтъ на службѣ въ Императорскомъ Московскомъ Почтамтѣ, занимая должность пріемщика въ IV отдѣленіи и означенное письмо получилъ во время исполненія служебныхъ обязанностей въ отдѣленіи. Разсмотрѣвъ объясненіе Рышкова, мировой судья нашелъ, что Манъ обвиняется въ оскорбленіи должностнаго лица при исполненіи служебныхъ обязанностей, почему, признавая дѣло себѣ неподсуднымъ, передалъ оное мѣстному судебному слѣдователю. При предварительномъ слѣдствіи коллежскій регистраторъ Манъ, 44 лѣтъ, признавъ письмо, представленное къ дѣлу, писаннымъ и посланнымъ съ ученикомъ купца Шмидта Швейцеромъ къ пріемщику IV отдѣленія почтамта показалъ, что лично онъ вовсе незналъ Рышкова, но завѣдывая дѣлами Шмидта и всею его корреспонденціею, отправлялъ бумаги, слѣдующія по почтѣ, чрезъ IV отдѣленіе, изъ котораго посылаемые имъ конверты неоднократно были возвращаемы безъ основательныхъ причинъ, какъ напримѣръ: конверты, адресованные къ начальникамъ Нижегородской и Митавской губерніи безъ означенія городовъ, въ которыхъ они проживаютъ; такимъ же образомъ и въ послѣдній разъ, т. е. 25 августа, не былъ принятъ конвертъ, адресованный въ г. Клинъ на имя крестьянина Зуска со вложеніемъ денегъ, потому будто-бы что былъ худой. Эти притязанія вынудили его написать вышеозначенное письмо не лично къ Рышкову, но къ пріемщику, фамилія котораго была ему даже неизвѣстна, а потому онъ не можетъ признать себя виновнымъ въ оскорбленіи Рышкова, такъ какъ его не зналъ и никогда не видѣлъ. Затѣмъ привлеченный къ суду прокурорскимъ надзоромъ по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 286 ст. ул. о нак., подсудимый Манъ, при судебномъ слѣдствіи въ московскомъ окружномъ судѣ, происходившемъ 9 ноября 1871 г., объяснилъ, что намѣренія оскорбить Рышкова онъ не имѣлъ и письма своего, посланнаго къ пріемщику, не считаетъ оскорбительнымъ, ибо оно заключало въ себѣ только угрозу принести на него жалобу и оцѣнку его достоинства, которое онъ уронилъ своими поступками и обращенными къ нему,Ману, ругательствами, позволяя себѣ не только неправильно возвращать отправляемые въ отдѣленіе конверты, но и говорить при этомъ подателямъ конвертовъ: „какой у васъ дуракъ пишетъ? снеси вашему болвану переписать. Скажи вашему ослу, что тутъ нѣтъ мальчиковъ дѣлать поправки“, то для него былъ сургучъ малъ: „руки де обожешь“, и онъ заставлялъ брать сургучъ на мѣстѣ за особую плату. Подобными ругательствами и придирками пріемщикъ вывелъ его изъ терпѣнія, тѣмъ болѣе что онъ получалъ безъ вины отъ хозяина выговоры за несвоевременную отправку корреспонденціи, относимую къ его собственной неисправности, а потому, получивъ обратно посланный на имя крестьянина Зуска конвертъ, онъ въ минуту горячности написалъ извѣстное письмо, полагая, что высказанное въ немъ намѣреніе жаловаться уйметъ пріемщика и велѣлъ передать это письмо тому пріемщику, который возвратитъ конвертъ. Въ объясненіяхъ своихъ подсуди-

мый, между прочимъ, выразилъ, что пріемщикъ почтамта не есть должностное лицо, а только уполномоченный правительствомъ прикащикъ на пріемъ частной корреспонденціи, пересылаемой за установленную плату и слѣдовательно составляющей операцію коммерческую. Изъ числа спрошенныхъ на судѣ свидѣтелей, учениковъ купца Шмидта, показали: 1) прусскій подданный Швейцеръ 15 л., что 25 августа пріемщикъ взявъ отъ него пакетъ съ деньгами, бросилъ его потомъ назадъ, сказавъ: „клапаны оторваны, вели перемѣнить пакетъ". Вернувшись домой, свидѣтель заявилъ о случившемся Ману, который перемѣнивъ конвертъ, снова послалъ его въ почтовое отдѣленіе, велѣвъ передать пріемщику записку. Прочитавъ записку, пріемщикъ сказалъ: „какъ смѣетъ Манъ писать такія подлости. Скажи ему, что если завтра онъ не придетъ ко мнѣ съ извиненіемъ, то я буду на него жаловаться." Прежде сего тотъ же пріемщикъ раза три не принималъ писемъ, посланныхъ Маномъ, по какимъ причинамъ—не помнитъ, но между прочимъ и потому, что сургучъ, принесенный свидѣтелемъ, былъ малъ; 2) прусскій подданный Бездо, 16 лѣтъ, что въ почтовое отдѣленіе носилъ письма, по порученію Мана, котораго какъ-то при немъ, заочно, пріемщикъ Рышковъ обругалъ дерзко поносительными словами. Кромѣ того не принялъ отъ него двухъ писемъ Мана, адресованныхъ къ Нижегородскому и Митавскому губернаторамъ, за необозначеніемъ на конвертахъ городовъ, а въ другой разъ возвратилъ письмо за необозначеніемъ лица, отъ котораго оно посылается, причемъ спросилъ: „какой дуракъ писалъ?" 3) мѣщанинъ Шмаковъ, 16 лѣтъ, что ему было возвращено пріемщикомъ одно письмо, за неправильнымъ означеніемъ адреса; причемъ пріемщикъ сказалъ: „какой дуракъ пишетъ у васъ" и употребилъ другія оскорбительныя для Мана выраженія. Коллежскій ассессоръ Рышковъ не былъ спрошенъ при судебномъ слѣдствіи, но изъ обвинительнаго акта видно, что письмо на имя Зуска было возвращено Рышковымъ, по его показанію, потому что конвертъ былъ надорванъ. Московскій окружный судъ, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, пришелъ къ слѣдующему выводу: по дѣлу несомнѣнно доказано, что письмо, составляющее предметъ настоящаго обвиненія подсудимаго Манъ, писано и отправлено имъ къ пріемщику Рышкову; не менѣе ясно и то, что выраженія этого письма, въ которомъ Рышкову приписываются подлости, прямо должны быть сочтены выраженіями поносительными; эти выраженія, относящіяся къ отказамъ Рышкова въ принятіи пакетовъ, составляютъ оскорбленіе должностнаго лица по поводу исправленія занимаемой имъ должности. Въ настоящемъ случаѣ оскорбленіе на письмѣ, по разъясненію уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената въ рѣшеніи 1866 г. за № 48 по дѣлу Люстига, должно быть признано равносильнымъ съ оскорбленіемъ на словахъ и по аналогіи подлежитъ наказанію по 286 ст. ул. о нак. На основаніи перваго отдѣленія этой статьи, виновные въ оскорбленіи должностныхъ лицъ поносительными словами при исправ-

леніи ими должности, подлежать заключенію въ смирительномъ домѣ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Но принимая во вниманіе чистосердечное сознаніе подсудимаго Манъ въ написаніи имъ письма, а также и то, что онъ былъ приведенъ въ сильное раздраженіе неумѣстными о немъ отзывами пріемщика Рышкова (ст. 134 п. 2 и 5 улож.), судъ нашелъ справедливымъ назначенное ему по закону наказаніе въ силу 135 ст. улож. уменьшить на двѣ степени и назначить оное въ размѣрѣ 2 степ. 38 ст. ул. въ низшей мѣрѣ; причемъ, на основаніи 150 ст. ул. срокъ заключенія въ тюрьмѣ не долженъ быть продолжительнѣе срока заключенія въ смирительномъ домѣ. На основаніи изложенныхъ соображеній и приведенныхъ статей закона, окружный судъ опредѣлилъ: подсудимаго коллежскаго регистратора Александра Иванова Манъ заключить въ тюрьму на два мѣсяца.

На этотъ приговоръ защитникъ подсудимаго, присяжный повѣренный **В. И. Кохновъ** принесъ апелляціонный отзывъ слѣдующаго содержанія: „Рѣшеніе это я нахожу неправильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ: 1) Окружный судъ вывелъ, что по дѣлу несомнѣнно доказано, что письмо, составляющее предметъ настоящаго обвиненія Мана, писано и отправлено имъ къ пріемщику Рышкову. Это положеніе, лежащее въ основаніи всего обвиненія Мана, не безусловно вѣрно. Безспорно, что письмо писано и отправлено Маномъ, но писано не именно къ Рышкову, а безъ обозначенія фамиліи *вообще* къ пріемщику. Такимъ образомъ если по содержанію своему оно и можетъ быть названо оскорбительнымъ, тѣмъ не менѣе въ немъ недостаетъ одного весьма существеннаго условія для признанія наличности оскорбленія, это именно точнаго указанія на извѣстную индивидуальную личность, на которую направлено оскорбленіе. Объектомъ обиды, разъяснено теоріею права, должно быть *непремѣнно* опредѣленное лицо. Посему обида немыслима, говоритъ наука, коль скоро обидчикъ не относилъ оскорбленія ни къ какой опредѣленной личности. Такъ, поясняетъ далѣе теорія права, если-бы, при открытіи напр. театра, кто-либо сказалъ: тотъ, кто первый возьметъ билетъ въ этотъ театръ, будетъ подлецъ, то лицо, взявшее первый билетъ, не могло бы жаловаться на обиду. Въ настоящемъ дѣлѣ представляется случай совершенно аналогичный. Манъ направляетъ свои оскорбительныя выраженія не на живую личность, имѣющую свои особенные индивидуальные признаки, по которымъ ее можно отличить среди тысячи ей подобныхъ, но на условное названіе, на случайный признакъ, общій многимъ другимъ лицамъ. Объектъ оскорбленія, т.-е. личность, подвергшаяся оскорбленію, должна непремѣнно исключать собою, по отношенію къ нанесенному ей оскорбленію, всякое другое лицо. Оскорбленіе же, выраженное такимъ образомъ, что оно можетъ быть принято на свой счетъ не одною только извѣстною личностью, но и всякимъ другимъ лицомъ, ставшимъ въ подобныя условія, ео ipso выходитъ уже изъ предѣловъ области суда и становится поступкомъ,

надъ которымъ единственный компетентный судья, это судъ общественнаго мнѣнія. Иначе, усматривая всякій разъ наличность оскорбленія для извѣстнаго лица въ случайныхъ признакахъ послѣдняго, общихъ многимъ другимъ лицамъ, судъ, оставаясь послѣдовательнымъ, непремѣнно дойдетъ до отрицанія въ принципѣ всякой напр. сатиры, всякой критики, всякаго выраженія свободнаго мнѣнія въ странѣ. Конечно оправдывать человѣка, назвавшаго въ письмѣ „подлостями“ образъ дѣйствій пріемщика, не значитъ отстаивать свободу слова въ государствѣ,—благоразумная защита никогда не дойдетъ до подобнаго извращенія здраваго смысла,—но таже защита, опираясь на авторитетъ, обязательный для каждаго просвѣщеннаго ума, всегда будетъ считать себя вправѣ доказывать, что какъ ни безсмысленно и грубо приписывать „подлости“ человѣку, личность котораго совершенно непзвѣстна обидчику даже по имени, но все-таки карать подобную грубость во имя уголовнаго закона значитъ дѣлать изъ суда нѣчто въ родѣ педагогическаго учрежденія, вооруженнаго уголовною санкціею. Возраженіе, заключающееся въ томъ, что здѣсь дѣло идетъ объ оскорбленіи должностнаго лица и что слѣдовательно неупоминаніе кто именно это должностное лицо представляется совершенно безразличнымъ, по внимательномъ разсмотрѣніи оказывается несостоятельнымъ. Соглашаясь, что принципъ правительственной власти, въ данномъ случаѣ выражающійся въ функціи пріемщика, долженъ быть, въ интересахъ уваженія общества къ ней, охраняемъ самъ по себѣ, нельзя въ тоже время не согласиться и съ тѣмъ, что принципъ этотъ тѣмъ не менѣе долженъ непремѣнно удовлетворять общимъ требованіямъ для наказуемости извѣстнаго дѣянія. Такъ прежде всего онъ долженъ непремѣнно воплощаться въ извѣстной опредѣленной личности. Немыслимо оскорбленіе отвлеченнаго понятія, взятаго in abstracto, само по себѣ. Эта неприкосновенность, эта санкція принципа, охраняемаго закономъ, осуществляется единственно только въ томъ, что дѣла подобнаго рода, т.-е. дѣла объ оскорбленіи должностныхъ лицъ, по существу своему однородныя съ дѣлами подсудными мировымъ учрежденіямъ, изъяты изъ вѣдомства сихъ послѣднихъ и вѣдаются общими государственными судами. Другими словами, одно и тоже оскорбленіе, нанесенное въ одномъ случаѣ частному лицу, въ другомъ должностному, при доказанности и одинакой для обоихъ случаевъ наличности corpus delicti, ведетъ къ двумъ разнымъ послѣдствіямъ. Въ одномъ случаѣ высшая мѣра наказанія арестъ на 15 дней и возможность примиренія, въ другомъ заключеніе въ смирительномъ домѣ на 4 мѣсяца и отсутствіе всякой возможности окончить дѣло миромъ. Но это отсутствіе не исключаетъ, само собою разумѣется, возможности, по тѣмъ или другимъ причинамъ, оправданія. Здѣсь само правительство вступается за оскорбленіе одного изъ органовъ своихъ. Но какъ частное лицо, такъ и правительство, буде считаетъ себя оскорбленнымъ въ лицѣ одного изъ должностныхъ своихъ лицъ, одинаково

обязано представить предъ лицо правосудія всѣ тѣ признаки, изъ совокупности которыхъ слагается преступленіе. Основной, коренной принципъ суда, что истецъ долженъ доказать свой искъ, что обиженный долженъ доказать наличность обиды, одинаково примѣнимъ какъ къ частнымъ лицамъ, такъ и къ должностнымъ. Различія, существующія для тѣхъ и другихъ на судѣ уголовномъ и гражданскомъ, ограничиваются только одною процессуальною стороною дѣла, нисколько не касаясь существа тѣхъ теоретическихъ требованій, которыми судъ всегда долженъ руководствоваться при оцѣнкѣ доказанности или недоказанности даннаго состава преступленія.

Другое возраженіе, заключающееся въ томъ, что Манъ, пиша оскорбительное письмо безъ обозначенія фамиліи того, кому именно оно писано, тѣмъ не менѣе имѣлъ въ виду того самаго пріемщика, который отказалъ въ принятіи пакета, т.-е. Рышкова, и что слѣдовательно оскорбленіе это должно быть приписано исключительно Рышкову, а не кому-либо другому, также несостоятельно. Оскорбленіе, какъ я имѣлъ честь выше сказать, нанесенное одному лицу, должно исключать всякую возможность принять другимъ лицомъ это оскорбленіе на свой счетъ. Между тѣмъ въ дѣлѣ Мана всякій, кто заступилъ бы мѣсто Рышкова, могъ бы принять, что письмо адресовано къ нему, заступившему. Такимъ образомъ выходитъ, что оскорбленіе, учиненное Маномъ, есть оскорбленіе, такъ сказать, по предъявленію, авансомъ, а такихъ оскорбленій наука уголовнаго права не знаетъ.

2) Самъ окружный судъ признаетъ, что Манъ былъ приведенъ въ сильное раздраженіе неумѣстными о немъ отзывами Рышкова („какой дуракъ писалъ эти конверты“, „вашъ хозяинъ пишетъ мнѣ подлости“). Если такимъ образомъ обстоятельство это признано за несомнѣнный фактъ, то поступокъ Мана, еслибы даже судебная палата признала его заслуживающимъ наказанія, долженъ по справедливости обсуживаться по 2, а не по 1 отдѣл. 286 ст. улож. Очевидно, одно только „неразумѣніе“ тѣхъ послѣдствій, какія могутъ быть сопряжены съ рѣзкимъ образомъ дѣйствій противъ должностнаго лица, подвинуло Мана считать себя вправѣ на грубость отвѣчать грубостью, на оскорбленіе—оскорбленіемъ. Слыша ничѣмъ неоправдываемое отъ пріемщика Рышкова оскорбительное о себѣ выраженіе „дуракъ“, получая обратно неоднократно возвращаемые безъ всякихъ уважительныхъ причинъ пакеты, Манъ, подъ вліяніемъ весьма естественнаго, въ виду подобныхъ дѣйствій „пріемщика“, недовольства, написалъ извѣстное письмо.

Такимъ образомъ московская судебная палата, войдя въ справедливую оцѣнку какъ юридической, такъ и фактической стороны настоящаго дѣла, благоволитъ убѣдиться, что подсудимый Манъ, если и совершилъ дѣйствіе, котораго одобривать нельзя, то во всякомъ случаѣ не такое, за которое судъ призванъ подвергать его уголовной карѣ.

Если же напротивъ палата прійдетъ къ несомнѣнному убѣжденію въ

юридической отвѣтственности подсудимаго Мана, то я нынѣ почтительнѣйше ходатайствую предъ судебною палатою о замѣнѣ ему наказанія по 2 отд. 286 ст. улож. вмѣсто тюрьмы денежнымъ штрафомъ.

А потому честь имѣю покорнѣйше просить московскую судебную палату, войдя въ разсмотрѣніе настоящаго дѣла по существу, приговоръ окружнаго суда отмѣнить и подсудимаго Мана „за недоказанностью обвиненія признать по суду оправданнымъ“ (1 п. 771 ст. уст. угол. суд.), или, буде палата признаетъ его виновнымъ, подвергнуть его денежному взысканію на основ. 2 отд. 286 ст. улож. въ возможно меньшемъ размѣрѣ, принимая въ соображеніе крайне бѣдное состояніе его.“

Вслѣдствіе приведеннаго отзыва московская судебная палата на засѣданіи, бывшемъ по сему дѣлу 13 января сего года, выслушавъ дальнѣйшія объясненія защитника Мана, присяжнаго повѣреннаго В. И. Кохнова, опредѣлила: коллежскаго регистратора Александра Иванова Мана, за оскорбленіе поносительными словами чиновника въ лицѣ почтоваго пріемщика Рышкова, при отправленіи имъ служебныхъ обязанностей, но безъ умысла оказать ему неуваженіе, а по невѣжеству и неразумію, подвергнуть денежному взысканію въ размѣрѣ трехъ рублей, которые, на основ. 42 ст. ул. о нак., обратить въ доходъ государственнаго казначейства; въ случаѣ же несостоятельности къ уплатѣ означенной суммы подвергнуть его, Мана, по силѣ 57 ст. и 1 п. 84 ст. ул. аресту на одинъ день въ собственномъ мѣстѣ его жительства, а приговоръ московскаго окружнаго суда отмѣнить.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ,

РАЗРѢШЕННЫЕ ПРИ РАЗСМОТРѢНІИ НѢКОТОРЫХЪ ДѢЛЪ

МОСКОВСКОЮ СУДЕБНОЮ ПАЛАТОЮ *).

I.

О примѣненіи 205 и 213 ст. уст. угол. судопр.

Послѣ преданія обвиняемаго суду за какое-нибудь преступленіе часто обнаруживается, что тотъ-же обвиняемый совершилъ другое преступленіе. Обстоятельство это нѣкоторыми окружными судами принимается за поводъ къ испрошенію разрѣшенія палаты на совокупное разсмотрѣніе обоихъ дѣлъ объ одномъ и томъ же подсудимомъ, на основаніи 205 и 549 ст. уст. уг. суд. Но подобныя представленія окружныхъ судовъ оставляются безъ уваженія. Заключающееся въ 205 ст. уст. угол. суд. правило, что всѣ преступленія подсудимаго разсматриваются совокупно въ одномъ судѣ, коему подсудно важнѣйшее изъ нихъ, основано на томъ коренномъ правилѣ, что признанному виновнымъ въ нѣсколькихъ, дотолѣ еще не наказанныхъ преступленіяхъ, должно быть назначено строжайшее изъ всѣхъ слѣдующихъ ему за преступленія наказаній (152 ст. улож. о нак.). Очевидно, что правило это, имѣющее цѣлью предупредить осужденіе одного и того же подсудимаго въ разныхъ судахъ или въ одномъ судѣ по нѣсколькимъ преступленіямъ, всего удобнѣе достигается чрезъ одновременное разсмотрѣніе въ одномъ судѣ всѣхъ упадающихъ на него обвиненій. Но на практикѣ правило это не всегда исполняется, потому что обвинительная власть часто не бываетъ поставлена въ извѣстность о всѣхъ возбужденныхъ противу извѣстнаго подсудимаго преступленіяхъ и потому не въ состояніи одно-

*) Эти вопросы составляютъ начало вопросовъ, помѣщенныхъ въ Юридич. Вѣстникѣ 1871 года въ книжкахъ 6, 7 и 8-й.

временно предложить суду обвинительный актъ о всѣхъ дѣяніяхъ его. Также не рѣдко случается, что преданное суду обвиняемое лицо въ тоже время находится еще подъ слѣдствіемъ у судебнаго слѣдователя по другому дѣлу. Въ этихъ часто встрѣчающихся случаяхъ, какъ сказано въ опредѣленіяхъ судебной палаты, суду остается только постановить приговоръ, пріостановивъ его лишь въ исполненіи впредь до окончанія другаго о подсудимомъ дѣла, ибо впослѣдствіи долженъ состояться новый приговоръ по правиламъ о совокупности, а обвинительной власти на томъ же основаніи составить другой обвинительный актъ. Нельзя требовать, чтобы приведенная 205 ст. разрѣшала всѣ возможные на практикѣ случаи, а потому, при примѣненіи оной, должны быть принимаемы въ соображеніе не только буква закона, но и разумъ его (12 ст. уст. уг. суд.), а также бо́льшее или меньшее удобство его исполненія, обусловливаемаго и свойствомъ дѣла, и положеніемъ, въ которомъ оно находится. Въ семъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что одно буквальное исполненіе 205 ст. можетъ причинить затрудненіе на практикѣ. Такъ, по преданіи извѣстнаго лица суду, возникающія противу него другія обвиненія часто оказываются или неимѣющими никакого значенія при совокупномъ разсмотрѣніи (152 ст. улож. о нак. и 515 ст. уст. уг. суд.), или подлежащими прекращенію за недостаткомъ уликъ, или, наконецъ, имѣющими предметомъ дѣяніе, подсудное не окружному суду, а мировому. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ пріостановленіе прежняго дѣла для разрѣшенія его по правиламъ 205 ст. уст. угол. суд. представляется безполезнымъ для сущности самаго дѣла и тягостнымъ для подсудимаго, ибо разрѣшеніе участи послѣдняго должно будетъ отдалиться на нѣкоторое время, потребное для соблюденія законной обрядности. Поэтому, какъ сказано далѣе въ палатскомъ опредѣленіи, нельзя не признать, что одновременное разсмотрѣніе всѣхъ упадающихъ на подсудимаго обвиненій, при преданіи его суду—не вызывается безусловнымъ требованіемъ 205 ст., такъ какъ постановленное въ оной правило о совокупности достигается равнымъ образомъ и точнымъ исполненіемъ 213 ст. уст. угол. суд. При такомъ направленіи, принятомъ палатою во многихъ ея опредѣленіяхъ, не представляется уже никакой надобности съ одной стороны окружнымъ судамъ испрашивать, на основаніи 549 ст. уст. уг. суд., разрѣшенія на совокупное разсмотрѣніе нѣкоторыхъ дѣлъ объ одномъ и томъ же подсудимомъ, а съ другой—прокурорскому надзору составлять общаго обвинительнаго акта о всѣхъ дѣяніяхъ подсудимаго, разъ преданнаго уже суду, тѣмъ болѣе что въ 205 ст. уст. уг. суд. не говорится объ одновременномъ разсмотрѣніи нѣсколькихъ дѣяній подсудимаго въ одномъ судебномъ засѣданіи, а предписывается лишь разсмотрѣніе въ одномъ судѣ дѣлъ, въ случаѣ обвиненія кого-либо въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, что по руководству 12 ст. уст. угол. суд. достигается и 213 ст. того же устава.

II.

О примѣненіи 207 и 1236 ст. уст. угол. судопр.

Находящійся на дѣйствительной военной службѣ рядовой А., отлучась отъ своей команды, совершилъ у крестьянина Иванова кражу со взломомъ и покраденное продалъ крестьянину К—ву. Ржевскимъ прокурорскимъ надзоромъ, по имѣющимся многимъ прецедентамъ, составленъ былъ обвинительный актъ, коимъ подсудимыхъ. по обвиненію перваго по 1647 ст. улож. о нак., а послѣдняго по 180 ст. улож. о нак., предположено было предать суду ржевскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ, на основаніи 207 и 1236 ст. уст. угол. судопр. Но судебная палата дала этому дѣлу иное направленіе. Военно-служащіе, обвиняемые въ преступленіяхъ, не относящихся до нарушенія законовъ дисциплины и военной службы, какъ въ данномъ дѣлѣ, предаются суду гражданскаго суда лишь въ случаѣ, если „*въ совершеніи сихъ*“ преступленій вмѣстѣ съ ними участвуютъ лица гражданскаго вѣдомства. Если такимъ образомъ для направленія дѣла по 1236 ст. необходимымъ условіемъ требуется, чтобы послѣднія участвовали съ военно-служащими въ совершеніи преступленія, то нѣтъ правильнаго основанія означеннаго рядоваго А. предавать гражданскому суду только потому, что онъ судится по одному дѣлу съ пріобрѣтателемъ краденнаго, крестьяниномъ К-вымъ, такъ какъ крестьянинъ К-въ, не участвуя въ совершеніи преступленія, не можетъ быть признанъ и участникомъ его. По симъ соображеніямъ судебная палата дѣло о рядовомъ А. передала военному начальству (219 ст. уст. уг. суд.), а относительно крестьянина К-ва мировому судьѣ (33 ст. уст. уг. суд.). Такой взглядъ на 1236 ст. уст. уг. суд., основанный на общихъ началахъ о подсудности, выраженныхъ 207 ст. уст. уг. суд., судебная палата проводитъ также и въ дѣлахъ, гдѣ вмѣстѣ съ обвиняемымъ въ кражѣ со взломомъ преслѣдуется обвиняемый въ пріобрѣтеніи краденнаго. Такъ, палата не признала правильнымъ даннаго рыбинскимъ прокурорскимъ надзоромъ направленія дѣлу, въ которомъ по обвинительному акту содержательница питейнаго дома, мѣщанка Б—ва, обвиняемая по 180 ст. уст. о наказ., предавалась суду окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ вмѣстѣ съ совершившими кражу со взломомъ плотниками, крестьянами М—ми, потому что только соучастники въ преступленіи судятся въ одномъ судѣ съ главными виновными (207 ст.), а Б—а, не принимая никакого участія въ совершеніи преступленія и не будучи поэтому соучастницею, обвинялась въ преступленіи, неимѣющемъ никакой связи съ дѣяніемъ, совершеннымъ крестьянами М—ми. Дѣло это (534 ст. уст. уг. суд.), по отношенію послѣднихъ, было передано въ окружный судъ (537 ст. уст. угол. суд.), а относительно мѣщанки Б—вой мировому судьѣ (33 ст. уст. угол. суд.).

III.

О примѣненіи 353 и 356 ст. уст. угол. судопр.

Обвиняемая въ дѣтоубійствѣ крестьянка П—ва по опредѣленію судебной палаты освобождена была, на основаніи 92 ст. улож. о нак., отъ преслѣдованія за невмѣняемостью ей въ вину сего дѣянія, по причинѣ ея сумасшествія. По истеченіи двухъ лѣтъ подсудимая П—ва выздоровѣла. Тогда между владимірскимъ губернскимъ правленіемъ и окружнымъ судомъ возникло пререканіе о томъ, кто изъ нихъ обязанъ производить установленное въ приложеніи IV къ ст. 95 улож. о нак. освидѣтельствованіе означенной подсудимой въ состояніи ея умственныхъ способностей, ибо оное представлялось необходимымъ для совершеннаго освобожденія подсудимой отъ всякаго надзора. По закону есть два рода освидѣтельствованія состоянія подсудимыхъ въ умственныхъ способностяхъ, смотря по различію цѣлей, для которыхъ оныя предпринимаются. Перваго рода освидѣтельствованія производятся въ губернскихъ правленіяхъ для опредѣленія гражданской правоспособности безумныхъ или сумасшедшихъ, а втораго рода—въ окружныхъ судахъ для опредѣленія: можетъ ли имѣть дальнѣйшій ходъ дѣло объ уголовной ихъ отвѣтственности. Принявъ эти соображенія во вниманіе, судебная палата, на основаніи 243 ст. уст. уг. суд., разрѣшила возникшее пререканіе въ томъ смыслѣ, что освидѣтельствованіе подсудимой П—вой должно быть произведено во владимірскомъ губернскомъ правленіи, такъ какъ онымъ слѣдуетъ опредѣлить не состояніе невмѣняемости, а гражданскую правоспособность подсудимой.

IV.

Обязанъ ли прокурорскій надзоръ наблюдать за исполненіемъ, при предварительномъ слѣдствіи, требованія 35 ст. уст. уголов. судопр.?

Вопросъ этотъ возникъ потому, что въ дѣлахъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, прокурорскій надзоръ нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ ограничивается, на основаніи 511 ст. уст. уг. суд., передачею оныхъ въ надлежащее судебное установленіе, безъ соблюденія установленнаго 35 ст. обряда примиренія сторонъ. Судебная палата неоднократно возвращала подобныя дѣла къ прокурорскому надзору для соблюденія означеннаго обряда, такъ какъ производство предварительнаго слѣдствія по дѣламъ частнаго обвиненія, по точному смыслу 278 ст. уст. уг. суд., не изъемлется изъ его наблюденія; изъятіе же частныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія прокурорскаго надзора начинается лишь по окончаніи предварительнаго слѣдствія, что видно изъ 511 ст. уст. уг.

суд., помѣщенной въ 3 разд. устава, заключающемъ порядокъ преданія суду.

По поводу примѣненія 35 ст. уст. уг. суд. въ практикѣ судебной палаты встрѣчаются случаи, когда мировые судьи признаютъ установленный порядокъ примиренія исполненнымъ, если къ примирительному разбирательству не явится обвиняемая сторона, такъ какъ, по мнѣнію судей, за отсутствіемъ обвиняемаго, примиреніе дѣлается уже невозможнымъ. Но такое исполненіе 35 ст. судебная палата признаетъ неправильнымъ. Въ опредѣленіи ея по сему предмету сказано, что изъ общаго правила объ обязательной явкѣ сторонъ къ примирительному разбирательству по дѣламъ, о коихъ упоминается въ 35 ст., сдѣлано исключеніе лишь для обвинителя, отсутствіе котораго на судѣ считается отреченіемъ отъ иска (135 и 593 ст. уст. уг. суд.) и имѣетъ послѣдствіемъ прекращеніе дѣла. Что же касается обвиняемаго, то исключеніе это на него распространяться не можетъ. Предоставленіе обвиняемому права не явиться къ примирительному разбирательству сдѣлало бы самый обрядъ примиренія недостигающимъ своей цѣли и поставило бы его въ совершенную зависимость отъ произвола обвиняемаго. Поэтому-то законъ (61 ст. уст. уг. суд.), говоря о послѣдствіяхъ неявки обвиняемаго по вызову мироваго судьи, не дѣлаетъ никакого изъятія для неявки его къ примирительному разбирательству. Изъ сего явствуетъ, что, въ случаѣ неявки обвиняемаго къ примиренію съ обвинителемъ, установленный 35 ст. обрядъ склоненія сторонъ къ миру не можетъ считаться исполненнымъ, и что противу неявившагося обвиняемаго долженъ быть употребленъ приводъ его подъ стражею.

V.

Относительно 414 ст. уст. угол. суд.

Справки о судимости за кражу имѣютъ значеніе съ одной стороны— при преданіи суду и опредѣленіи подсудности дѣла, смотря потому, въ который разъ совершена подсудимымъ кража, или по принадлежности предшествовавшей кражи къ квалифицированнымъ преступленіямъ (1655 и 1660 ст. ул. о нак.), а съ другой стороны — при постановленіи судомъ приговора о виновности. Напримѣръ: при обвиненіи кого-нибудь въ кражѣ со взломомъ, справки о судимости за простую кражу пріобрѣтаютъ значеніе лишь для суда, постановляющаго приговоръ по существу, а не для палаты или прокурорскаго надзора, такъ какъ подобныя справки не имѣютъ вліянія на опредѣленіе подсудности дѣла. Очевидно, что, за неполученіемъ свѣдѣній о справкахъ втораго рода, предварительное слѣдствіе не должно останавливаться въ дальнѣйшемъ его ходѣ, на основаніи 414 ст. уст. уг. суд., чего нельзя сказать о справкахъ перваго рода, необходимыхъ для опредѣленія подсудности

дѣла. Въ такомъ смыслѣ 414 ст., въ видахъ ускоренія хода слѣдственнаго производства, объяснена была нѣкоторымъ судебнымъ слѣдователямъ для руководства (2 п. 249 ст. учрежд. суд. уст.).

VI.

По поводу примѣненія 520, 534 и 549 ст. уст. угол. судопр.

Прокурорскимъ надзоромъ Владимірскаго, Нижегородскаго и другихъ окружныхъ судовъ неоднократно составляемы были заключенія о прекращеніи слѣдствія (518 ст. уст. угол. суд.) на томъ единственно основаніи, что обвиняемый, по надлежащемъ освидѣтельствованіи, оказывался совершившимъ преступленіе въ припадкѣ умопзступленія. Заключенія эти принимались судебною палатою и утверждались. Но въ послѣднее время, судебная палата, руководствуясь на основаніи 933 ст. уст. угол. суд., рѣшеніями кассаціоннаго сената, признала, что законъ не предоставилъ обвинительной власти разрѣшеніе вопросовъ о невмѣняемости, псчисленныхъ въ 92 ст. улож. о наказ., за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда эти причины очевидны изъ предварительнаго слѣдствія, безъ провѣрки его на судѣ, т.-е. когда они состоятъ: *или въ дѣтскомъ возрастѣ, или въ признаніи ихъ установленнымъ порядкомъ безумными или сумасшедшими.* Соображенія эти, основанныя на источникахъ 520 ст. уст. угол. суд., подтверждаются еще и 356 ст. уст. угол. суд., по силѣ которой судебное преслѣдованіе обвиняемаго можетъ быть прекращено лишь по причинѣ его сумасшествія или безумія, а не по другимъ причинамъ невмѣняемости. Засимъ явствуетъ, что совершеніе обвиняемымъ преступленія въ припадкѣ умопзступленія не можетъ уже быть признано обстоятельствомъ, имѣющимъ вліяніе на направленіе дѣла и служить поводомъ къ представленію дѣла (Нижег. окр. судомъ) по 549 ст. уст. угол. суд., т.-е. когда на судебномъ слѣдствіи обнаружится, что обвиняемый совершилъ преступленіе въ припадкѣ умопзступленія, такъ какъ упомпнаемое обстоятельство не можетъ измѣнить ни подсудность дѣла, ни порядокъ судопроизводства. Кстати, слѣдуетъ замѣтить, что многіе окружные суды до послѣдняго времени принимали 549 ст. уст. угол. судопр. въ самомъ обширномъ смыслѣ. За новое обстоятельство, имѣющее вліяніе на дальнѣйшее направленіе дѣла, они считали и обнаруженную во время приготовительныхъ къ суду распоряженій судимость обвиняемаго по какому-нибудь весьма незначительному преступленію. Но при измѣнившемся взглядѣ палаты на 205 и 213 ст. уст. угол. суд. и воспослѣдовавшемъ рѣшеніи сената 1868 г. за № 540, необходимо должно измѣниться нынѣ и примѣненіе 549 ст. *).

*) См. вопросъ № 1-й.

VII.

Въ какомъ случаѣ судебная палата, на осн. 1 п. 542 ст. уст. угол. судопр., разрѣшаетъ возобновленіе прекращеннаго по дѣлу слѣдствія?

Поводомъ къ сему вопросу послужило слѣдующее обстоятельство: въ 1866 году изъ мѣховаго магазина Шраплау украдены были разныя вещи на сумму болѣе 300 руб. сер. Заподозрѣнный въ кражѣ мѣщанинъ Гу—пъ, по недостатку уликъ, былъ освобожденъ отъ преслѣдованія и дѣло о немъ производствомъ прекращено. Въ 1871 году въ означенномъ преступленіи сознался крестьянинъ А., проживавшій у Шраплау въ прикащикахъ. Московскій прокурорскій надзоръ, имѣя въ виду, что дѣло о кражѣ у Шраплау уже прекращено, испрашиваетъ, на основаніи 542 ст. уст. угол. суд., разрѣшенія на возобновленіе онаго. Но палата признала, что въ ходатайствѣ этомъ не предстояло никакой надобности. Порядокъ, установленный для возобновленія прекращенныхъ слѣдствій, обусловливается главнымъ образомъ цѣлью закона гарантировать обвиняемаго, разъ освобожденнаго отъ преслѣдованія, отъ вторичнаго произвольнаго привлеченія къ отвѣтственности. Изъ дѣла же видно, что прокурорскимъ надзоромъ предполагается привлечь къ отвѣтственности не мѣщанина Гу—на, освобожденнаго уже отъ преслѣдованія, а крестьянина А., еще не бывшаго по сему дѣлу подъ слѣдствіемъ. Въ опредѣленіи палаты сказано, между прочимъ, что разрѣшеніе палаты на возобновленіе слѣдствія по дѣлу требуется въ тѣхъ случаяхъ, когда открываются новыя обстоятельства противу лица, освобожденнаго прежде отъ преслѣдованія, а не обстоятельства, указывающія на совершеніе преступленія другимъ подсудимымъ.

Въ послѣднее время также не признаетъ палата подлежащимъ своему разсмотрѣнію заключенія, составляемыя прокурорскимъ надзоромъ по 852 ст. уст. уг. суд., потому что, въ случаѣ розысканія подсудимаго, утвержденное палатою заключеніе подлежало бы отмѣнѣ по 542 ст., между тѣмъ какъ установленный этою статьею порядокъ примѣняется только въ тѣхъ случаяхъ, когда возобновляется преслѣдованіе противу извѣстнаго лица, уже бывшаго подъ слѣдствіемъ.

VIII.

Подъ какую статью закона слѣдуетъ подвести богохуленіе, учиненное безъ умысла оскорбить святыню, а вслѣдствіе пьянства, не въ публичномъ мѣстѣ, а при свидѣтеляхъ?

Крестьянинъ К—въ обстоятельствами дѣла уличался въ томъ, что, будучи выпивши, въ своей избѣ за столомъ съ родными и знакомыми, произносилъ слова, имѣющія видъ богохуленія, безъ намѣренія однако произвести соблазнъ въ присутствующихъ. По закону богохуленіе не

существуетъ, какъ преступленіе, если оно совершено на единѣ. Оно становится преступнымъ между прочимъ: во 1-хъ, когда учинено при свидѣтеляхъ съ намѣреніемъ поколебать ихъ вѣру, или произвести соблазнъ (178 ст. улож. о нак.), и 2) когда учинено, хотя безъ умысла оскорбить святыню, но въ публичномъ мѣстѣ (180 ст. ул. о нак.). Прокурорскій надзоръ, принявъ во вниманіе, что дѣяніе крестьянина К—ва не подходитъ прямо ни подъ одну изъ приведенныхъ статей закона, составилъ заключеніе о прекращеніи о немъ дѣла, по ненаказуемости дѣянія. Судебная же палата, приступая къ обсужденію сего заключенія, нашла, что прокурорскимъ надзоромъ упущенъ изъ виду законъ, который, если не по буквальному смыслу, то по разуму своему, можетъ соотвѣтствовать поступку подсудимаго, а именно 180 ст. ул. о нак., въ которой, между прочимъ, полагается наказаніе за произнесеніе безъ умысла оскорбить святыню богохульныхъ словъ. Что же касается до внѣшней стороны преступленія, то хотя въ приведенномъ законѣ говорится о богохуленіи „въ публичномъ мѣстѣ“, а въ настоящемъ случаѣ подсудимый произносилъ оное при свидѣтеляхъ, но это различіе въ способѣ совершенія преступленія вовсе не такъ существенно, чтобы устраняло примѣненіе этого закона къ настоящему случаю по аналогіи, т. е. порядкомъ, указаннымъ въ 151 ст. ул. о нак. Посему палата означеннаго подсудимаго предала суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (201 ст. уст. уг. суд. и 180 ст. улож. о нак.).

IX.

Похищеніе пожертвованныхъ для церкви восковыхъ свѣчей, хранившихся у церковнаго сторожа въ сторожкѣ, есть-ли святотатство?

Кіевскій мѣщанинъ Петръ Н—въ сознался въ похищеніи обгорѣлыхъ восковыхъ свѣчей изъ сторожки при церкви села Покрова. Свѣчи тѣ лежали въ сторожкѣ въ ожиданіи церковнаго старосты, объяснившаго, что оныя жертвуются прихожанами во время молебновъ по домамъ. Калужскій прокурорскій надзоръ полагалъ преслѣдовать Н—ва по обвиненію въ святотатствѣ. Но палата по этому дѣлу, а равно и по другимъ подобнымъ, проводитъ другой взглядъ. По закону для бытія преступленія святотатства, сказано въ палатскомъ опредѣленіи, требуется два условія: 1) чтобы были похищены церковныя вещи или деньги и 2) чтобы похищеніе совершено было изъ церкви, часовни или церковнаго хранилища. Изъ содержанія 221, 222, 223 и 225 ст. ул. о нак. видно, что всѣ церковные предметы раздѣляются закономъ на вещи *священныя, освященныя* употребленіемъ при богослуженіи, и вещи *принадлежащія церкви*, составляющія ея имущество, какъ-то: деньги и свѣчи, не поставленныя къ образамъ. Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ настоящему дѣлу, оказывается, что украденныя Н—вымъ свѣчи, не

относясь къ предметамъ, упоминаемымъ въ 221 и 222 ст. ул. о нак., можно было бы съ перваго взгляда причислить къ вещамъ, принадлежащимъ церкви, потому что оныя были пожертвованы прихожанами и составляли церковное имущество, но при обсужденіи существующихъ на сей предметъ законовъ, это оказывается невозможнымъ. Хотя въ законѣ не встрѣчается опредѣленія того, что слѣдуетъ понимать подъ церковнымъ имуществомъ и съ какого момента должно считать жертвуемыя вещи поступившими въ оное, но изъ сопоставленія 229 ст. съ другими статьями уложенія о нак., можно заключить, что къ церковному имуществу законодатель относитъ вещи, внесенныя въ церковную опись или вложенныя въ церковный ящикъ или какое-нибудь другое хранилище. Отсюда явствуетъ, что похищенныя Н—вымъ свѣчи, находившіяся до передачи ихъ церковному старостѣ въ сторожкѣ, а слѣдовательно не бывшія еще во владѣніи церкви (534 ст. I ч. X т. зак. гражд.),—не могли быть почитаемы церковнымъ имуществомъ (полн. собр. законовъ 1-го августа 1816 г. № 26388). Все это подтверждается еще и такимъ соображеніемъ: если похищеніе изъ церкви вещей, не принадлежащихъ къ церковному имуществу, не признается святотатствомъ (2 отд. 223, 233 ст. улож. о нак.), то тѣмъ менѣе представляется основательнымъ усматривать признаки сего преступленія въ томъ случаѣ, когда непринадлежащія къ церковному имуществу вещи украдены не изъ церковнаго хранилища. Посему судебная палата, измѣнивъ составленный прокурорскимъ надзоромъ обвинительный актъ, направила дѣло это на разсмотрѣніе мироваго судьи, на основаніи 169 ст. уст. о нак. и 33 ст. уст. уг. суд.).

X.

Дѣяніе арестанта, нанесшаго оскорбленіе дѣйствіемъ смотрителю тюремнаго замка, гдѣ онъ содержался, можетъ ли быть подведено подъ дѣйствіе 395 ст. улож. о нак.?

Вопросъ этотъ, возникшій по поводу разсмотрѣнія составленнаго прокурорскимъ надзоромъ, на основаніи 395 ст. улож. о нак., обвинительнаго акта, разрѣшенъ палатою отрицательно, въ виду того что смотритель тюремнаго замка есть начальникъ только служащихъ въ замкѣ лицъ, ему подчиненныхъ, а не заключенныхъ въ ономъ арестантовъ, что съ другой стороны подтверждается и 392 ст. улож. о нак., по силѣ которой опредѣленнымъ въ 395 ст. наказаніямъ подвергаются лишь состоящія въ службѣ государственной или общественной лица, за исключеніемъ только крестьянъ, виновныхъ въ оскорбленіи помѣщиковъ, на землѣ коихъ они водворены (прим. къ 394 ст. ул. о нак.). Засимъ преслѣдованіе означеннаго арестанта направлено по 285 ст. ул. о наказаніяхъ.

XI.

Какимъ закономъ предусмотрѣно уничтоженіе справокъ о судимости въ указѣ объ отставкѣ?

Отставной рядовой А—ъ обвинялся въ томъ, что нанявшись въ услуженіе къ купцу Петрову, предъявилъ ему указъ объ отставкѣ, въ коемъ свѣдѣнія о судимости его за кражу оказались подчищенными. По поводу обвиненія А—ва прокурорскимъ надзоромъ по 294 ст. улож. о нак. возникшій вопросъ о примѣненіи къ данному случаю 976 ст. ул. о нак. разрѣшенъ былъ палатою положительно. Указъ объ отставкѣ, выданной рядовому А—ву, не заключаетъ въ себѣ какого-либо предписанія начальства, а служитъ видомъ на жительство. Поэтому составленіе такихъ подложныхъ указовъ или измѣненіе оныхъ въ чемъ-либо соотвѣтствуетъ 976 ст. ул. о нак., въ которой между прочимъ полагается наказаніе тому, кто въ паспортѣ, билетѣ или иномъ видѣ измѣнитъ означенные въ оном срокъ или мѣстопребываніе. Хотя въ приведенномъ законѣ говорится только о двухъ способахъ подложнаго измѣненія видовъ на жительство, а въ настоящемъ случаѣ подсудимый А—въ сдѣлалъ другаго рода измѣненія, но это различіе въ способѣ измѣненія подлиннаго документа не можетъ быть признано препятствіемъ къ примѣненію этого закона къ настоящему случаю по аналогіи (151 ст. улож. о нак.), такъ какъ законъ этотъ, если не по буквальному смыслу, то по разуму своему, соотвѣтствуетъ дѣянію А—ва.

XII.

Распространяется-ли означенное во 2-мъ отд. 1454 ст. улож. о нак. смягченіе преступленія только на самую мать, совершившую дѣтоубійство или же и на соучастниковъ ея преступленія?

Крестьянка А. обвинялась въ совершеніомъ ею отъ стыда и страха убійствѣ своего незаконнорожденнаго сына, а мать ея крестьянка Б. въ участіи съ нею въ семъ преступленіи. Владимірскимъ прокурорскимъ надзоромъ обвиненіе направлено было противу обѣихъ по 2 отд. 1451 ст. Судебная же палата измѣнила обвинительный актъ въ томъ отношеніи, что дѣяніе матери Б. подвела подъ простое убійство, предусмотрѣнное 1454 ст. улож. о нак. Главный мотивъ смягченія наказуемости предусмотрѣннаго 2 отд. 1451 ст. преступленія выраженъ въ самомъ законѣ: это стыдъ и страхъ, подъ вліяніемъ котораго совершается дѣтоубійство. Нравственное и физическое разстройство, въ которое впадаетъ женщина, разрѣшающаяся отъ бремени при извѣстной неблагопріятной для нея обстановкѣ, свойственно только матери, что

видно изъ указанія въ законѣ на убійство только незаконнорожденныхъ сына или дочери, при чемъ о незаконнорожденныхъ внукѣ и другихъ родственникахъ ничего не упоминается. Если такимъ образомъ причиною смягченія служатъ въ этомъ случаѣ материнскія отношенія между преступницею и жертвою преступленія, то не представляется достаточнаго основанія распространять дѣйствіе 2 отд. 1451 ст. на другихъ лицъ, въ ней не упомянутыхъ.

XIII.

Совершеніе слесаремъ кражи можетъ ли служить особо увеличивающимъ вину обстоятельствомъ при совершеніи кражи, предусмотрѣнной 1647 ст. улож. о наказ.?

Слесарь крестьянинъ Т—ъ обвинялся въ кражѣ денегъ изъ запертой шкатулки со взломомъ у оной пробоевъ и замка. Приведенный прокурорскимъ надзоромъ къ данному случаю 2 отд. 1648 ст. улож. о нак. признанъ судебною палатою не соотвѣтствующимъ дѣянію обвиняемаго. Принятый закономъ мотивъ увеличенія наказанія слесарю заключается въ томъ, что хозяину вещи трудно уберечься отъ слесаря, знающаго по своему ремеслу всѣ способы къ открытію запертыхъ помѣщеній. Поэтому дѣйствіе 2 отд. 1648 ст. должно быть ограничено только случаями кражи, совершенной слесарями посредствомъ поддѣльныхъ или подобранныхъ ключей, при другихъ же видахъ взлома—знаніе подсудимымъ слесарнаго дѣла теряетъ всякое значеніе.

XIV.

Къ какому роду преступленій относится наказаніе розгами?

Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе предъявленнаго на жену коллежскаго регистратора Пр—ва обвиненія въ томъ, что, зазвавъ къ себѣ въ домъ бывшую дворовую женщину Муравьеву, она приказала своимъ работникамъ запереть дверь на крючокъ и высѣчь Муравьеву розгами. Каширскій мировой съѣздъ и прокурорскій надзоръ усматривалъ въ дѣяніи Пр—вой признаки преступленія 1541 ст. улож. о наказ., а Тульскій окружный судъ относилъ оное къ преступленію, предусмотрѣнному 142 ст. уст. о нак. Подсудность каждаго уголовнаго дѣла опредѣляется свойствомъ предъявленнаго судебной власти обвиненія, независимо отъ представляющейся большей или меньшей достовѣрности обвинительныхъ фактовъ. Судя по изложенной обстановкѣ обвиненія, видно, что противозаконное задержаніе употреблено было относительно Муравьевой лишь какъ средство для наказанія ее розгами, а посему со стороны задержавшей ее Пр—вой дѣяніе это не можетъ составить само-

стоятельнаго преступленія, предусмотрѣннаго 1540—1542 ст. улож. о наказ., тѣмъ болѣе что она, Муравьева, находилась задержанною въ комнатѣ не одна, а вмѣстѣ съ Пр—вой и другими лицами, имѣвшими главною своею цѣлью наказать Муравьеву розгами. Дѣяніе это должно быть отнесено къ истязаніямъ, съ которыми имѣетъ то общее сходство, что какъ истязанія, такъ и наказаніе розгами есть посягательство на личную неприкосновенность, сопровождающееся мученіями и жестокостью. По закону истязанія являются или особо увеличивающимъ вину обстоятельствомъ, или преступленіемъ самостоятельнымъ. Въ первомъ случаѣ о нихъ упоминается въ 378, 1453, 1526, 1542 и друг. ст. улож. о наказ., а во второмъ—только въ 1489 ст. Что касается вопроса о томъ, необходимо ли для примѣненія 1489 ст., чтобы истязанія, причиненныя извѣстному лицу, подвергали жизнь истязуемой опасности, разрѣшается точнымъ содержаніемъ этой же статьи. Въ рѣшеніи сената по этому предмету сказано (рѣш. 1869 г. № 552), что употребляемое въ 1489 ст. выраженіе „подвергающихъ жизнь опасности“ относится только къ побоямъ и не распространяется на предусмотрѣнныя въ этой статьѣ истязанія или мученія. Это видно также изъ употребленнаго въ ней слова „иныхъ“, доказывающаго, что подвергающіе жизнь опасности побои приравниваются съ истязаніями. Поэтому, хотя Муравьевой во время истязанія удары розгами, по мнѣнію врачей, нанесены были легкіе, но обстоятельство это нисколько не устраняетъ примѣненія къ данному случаю 1489 ст., потому что для бытія предусмотрѣннаго ею преступленія тяжесть ударовъ или опасность для жизни не должны считаться необходимымъ условіемъ, иначе пришлось бы заключить, что законъ признаетъ непреступнымъ причиненіе истязаній легкихъ, не подвергающихъ жизнь опасности, ибо въ семъ видѣ о преступленіи этомъ нигдѣ въ законѣ не говорится. Вслѣдствіе сихъ соображеній по моему докладу, признано было палатой дѣяніе подсудимой Пр—вой предусмотрѣннымъ 1489 ст. улож. о наказ. и подлежащимъ разсмотрѣнію Тульскаго окружнаго суда.

Д. П. Тихомировъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ П. Н. ОБНИНСКАГО

„ОБЪ УГОЛОВНОМЪ ПРЕСЛѢДОВАНІИ ПОКУСИВШИХСЯ НА САМОУБІЙСТВО“ *).

Опредѣленіе надлежащей подсудности въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ чрезвычайно важно, тѣмъ болѣе что разрѣшеніе возникающихъ по этому предмету вопросовъ не поставлено въ зависимость отъ воли сторонъ, а составляетъ прямую обязанность суда.

Имѣя въ виду заявленіе г. Обнинскаго, что всякое возраженіе противу сдѣланнаго имъ вывода по означенному вопросу будетъ принято съ благодарностью, мы рѣшаемся высказать нѣсколько соображеній въ пользу противоположнаго мнѣнія.

Извѣстно, что со временъ Петра Великаго въ нашемъ отечествѣ власть государственная утвердилась вполнѣ, сознала свое истинное призваніе и приняла на себя множество дѣлъ, которыя прежде не составляли ея занятія. Вслѣдствіе чего внутреннее управленіе церковью и самый духовный судъ получили, въ высшей степени, важныя преобразованія, послѣдствіемъ которыхъ вѣдомство свѣтскаго суда, какъ въ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлахъ расширилось, а власть духовнаго суда была значительно уменьшена. Этого направленія придерживалось и позднѣйшее наше законодательство, подъ вліяніемъ идей, проникнувшихъ къ намъ съ Западной Европы. Такъ изъ указа 25 января 1721 г. мы уже видимъ, что изъ дѣлъ уголовныхъ духовному начальству были оставлены дѣла богохульныя, еретическія, раскольныя и волшебныя, къ которымъ по указу 4 сентября 1722 года были присоединены дѣла о похищеніи церковнаго имѣнія. При чемъ опредѣле-

*) Юрид. Вѣстн. 1871 г. кн. 6, стр. 30—36.

ніе уголовнаго наказанія во всѣхъ случаяхъ зависѣло отъ свѣтскаго суда. Прежніе законы о судопр. по дѣламъ о прест. и проступкахъ, и именно 791 ст. т. XV кн. II, положительно опредѣляли дѣла, исключительно суду духовному подлежащія (по прод. 1863 г.). Въ числѣ этихъ дѣлъ мы не находимъ „о самоубійствѣ.“ Далѣе извѣстно, что 1002 ст. уст. угол. суд. основана на вышеприведенной нами 791 ст., которую, согласно съ заключеніемъ святѣйшаго синода, признано возможнымъ оставить безъ измѣненія (объясн. подъ 1002 ст. уст. угол. судопр. изд. госуд. канц.). Послѣ этого, едва ли возможно согласиться съ правильностью мнѣнія г. Обнинскаго.

И. Н. Шестаковъ.

II.

НЕДОВОЛЬНЫМЪ СУДОМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

> Blamer la décision d'un jury, c'est exprimer une opinion, qui n'a pas une base ou, qui n'est fondée, que sur des conjectures incertaines et hasardiés, c'est vouloir juger ce qu'on ne connâit pas, ce qu'on ne peut connaitre; en un mot, c'est tout à la fois ut acte d'aveuglement et de témérité. (Considérations sur respect légal aux declarations de jury. Masson).

Введеніе слѣдственно-обвинительнаго порядка уголовнаго судопроизводства; отдѣленіе власти обвинительной отъ судебной; устраненіе властей административныхъ отъ участія въ разсмотрѣніи и рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ; отмѣна теоріи формальныхъ доказательствъ; установленіе приговоровъ только или осуждающихъ или оправдывающихъ подсудимыхъ; ограниченіе разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ, по существу, не болѣе какъ въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ; отмѣна прежняго ревизіоннаго порядка и учрежденіе кассаціоннаго суда; учрежденіе мировыхъ судебныхъ установленій для менѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ; введеніе словеснаго производства во всѣхъ уголовныхъ судахъ; гласность; опредѣленіе обязанностей обвинителей и защитниковъ и дѣятельности различныхъ лицъ, призванныхъ къ судопроизводству; предоставленіе обвиняемымъ полной свободы защиты; установленіе для потерпѣвшихъ отъ преступленія и проступковъ права гражданскаго иска, во время уголовнаго судопроизводства, и наконецъ введеніе суда присяжныхъ,—составляютъ, какъ всѣмъ извѣстно, свойства уголовнаго правосудія, дарованнаго Россіи судебными уставами 20 ноября 1864 года.

Но судъ присяжныхъ, въ смыслѣ учрежденія судебнаго, даже со стороны извѣстнѣйшихъ авторитетовъ законовѣдѣнія, не разъ возбуждалъ сомнѣнія, такъ какъ дѣятельность суда присяжныхъ несомнѣнно зависитъ отъ народнаго развитія въ отношеніи политическомъ, историчес-

комъ, соціальномъ и религіозно-нравственномъ. У насъ, хотя учрежденіе суда присяжныхъ вызвано къ жизни не историческимъ ходомъ народнаго и государственнаго развитія, но многолѣтній опытъ вполнѣ подтверждаетъ, что наши народные судьи способны къ самостоятельному изысканію и высказыванію истины.

Учрежденіе суда присяжныхъ было встрѣчено всѣми сочувственно. Что же значатъ тѣ нападенія на дѣятельность нашихъ присяжныхъ, которыя, въ послѣднее время, столь часто появляются въ печати и какое дѣйствительное могутъ имѣть значеніе тѣ немногіе факты, которые съ такимъ необыкновеннымъ стараніемъ и поспѣшностью выставляются многими нашими публицистами на судъ общественный?

Первый вопросъ, кажется мнѣ, разрѣшается, въ наибольшей части случаевъ, недостаточнымъ знакомствомъ нападающихъ на судъ нашихъ присяжныхъ съ основными началами уголовнаго права и судопроизводства. Мнимо-усердные охранители общественнаго блага не уяснили себѣ, прежде всего, отношенія между преступленіемъ и обвиняемымъ. Они забыли совершенно еще одно велпкое право — право личной неприкосновенности гражданина, безъ котораго немыслимо и самое общественное благо. Имъ нѣтъ дѣла до несовершенства человѣческихъ средствъ въ изысканіи истины, полагающаго правосудію извѣстные предѣлы. Самый положительный законъ, требующій несомнѣнности доказательствъ (ст. 91 улож. о наказ.) ярыми защитниками строгости уголовнаго суда вполнѣ обходится молчаніемъ. Для послѣдователей устарѣвшихъ теорій уголовнаго судопроизводства вопросъ о фактѣ и вмѣненіи сливается въ одно; имъ кажется непонятнымъ оправданіе подсудимаго при его собственномъ признаніи. Это послѣднее, какъ извѣстно, въ недавнемъ прошедшемъ, играло важную роль и составляло главную цѣль слѣдователей и суда при слѣдственномъ процессѣ. Между тѣмъ признаніе и въ смыслѣ судебнаго доказательства не исчерпываетъ истины. Признаніе, точно также какъ и свидѣтельскія показанія, можетъ быть ложно. Наконецъ при несомнѣнности правдивости признанія подсудимаго, разрѣшеніе вопроса о вмѣненіи того или другаго дѣянія подсудимому въ вину можетъ быть или утвердительное или отрицательное; это—дѣло совѣсти, а не формы.

Къ нашему счастію, на мѣсто жалкаго и далеко слабаго средства въ изысканіи истины, основаннаго на теоріи законныхъ доказательствъ, въ судѣ присяжныхъ, въ особенности, законодательство даровало намъ возможность, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, стать въ непосредственное, свободное по совѣсти и убѣжденію, разсмотрѣніе фактовъ уголовнаго преслѣдованія, уловить всѣ существенные моменты его и провести въ судебныхъ рѣшеніяхъ естественное, постоянно живущее и совершенствующееся въ жизни *народное право*.

Къ сожалѣнію нѣкоторые наши весьма уважаемые общественные дѣятели въ осуществленіи присяжными этого права усматриваютъ стрем-

леніе ихъ стать выше закона и въ приговорахъ ихъ видятъ уклоненіе отъ обязанностей суда, долженствующаго основывать свои рѣшенія на данныхъ предварительнаго и судебнаго слѣдствія, а не на соображеніяхъ, почерпающихъ свою силу внѣ дѣла. Необходимо еще добавить, что общественные дѣятели, о которыхъ мы говоримъ, ничѣмъ не доказали подобнаго направленія нашихъ присяжныхъ.

Предѣлы этой замѣтки не дозволяютъ мнѣ изложить результаты современной науки уголовнаго права и судопроизводства, даже ограничиваясь простымъ ихъ перечнемъ. Скажу только, что судъ присяжныхъ, въ смыслѣ учрежденія судебнаго, въ наше время, не можетъ возбуждать сомнѣній. Россія должна имъ дорожить.

Обращаясь затѣмъ къ оцѣнкѣ, можетъ быть, и не совсѣмъ утѣшительныхъ фактовъ, на которые ссылается современная пресса, имъ нельзя придавать особеннаго значенія уже и потому, что въ вѣчно обновляющемся составѣ суда присяжныхъ они составляютъ явленіе преходящее и не могутъ имѣть особеннаго вліянія на дальнѣйшее развитіе института присяжныхъ. Наконецъ тотъ или другой исходъ каждаго уголовнаго процесса не обусловливается единственно дѣятельностью народныхъ судей. Дурно произведенное предварительное слѣдствіе, промахи сторонъ, какъ обвинительной, такъ и защитительной, отношеніе предсѣдательствующаго къ дѣлу, постановка вопросовъ, все это имѣетъ большое вліяніе на судьбу уголовнаго дѣла. Но всякое учрежденіе, способное къ постепенному усовершенствованію, должно продолжать свое бытіе. Да не исчезнетъ же на Руси судъ присяжныхъ!

Много совершилось великихъ преобразованій въ Россіи, но для того чтобы оныя сдѣлались прочнымъ народнымъ достояніемъ, необходимо научное и нравственное усовершенствованіе наше. Пора и давно пора добросовѣстно всѣмъ учиться и затѣмъ прилагать честно свои познанія и опытность къ дѣлу для пользы общей. Дарованныя намъ права— непоколебимы. Мы идемъ впередъ. Кормчій у роднаго корабля надежный! На горизонтѣ будущаго виднѣется уже земля — просвѣщенная благоустроенная, великая и счастливая русская земля!

А. М. Фальковскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

На этотъ разъ мы укажемъ на нѣсколько вновь вышедшихъ итальянскихъ и французскихъ сочиненій въ области уголовнаго права. Приводимыя французскія книги относятся, впрочемъ, къ концу 1870 года.

Еще тогда вышелъ, но только недавно появился 5-й томъ сочиненія **Blanche, Etudes pratiques sur le code pénal. Paris.**

Здѣсь разбираются ст. 319—389 cod. pén., относящіяся къ смертельнымъ поврежденіямъ, насилію и кражѣ. Вопросы, затрогиваемые авторомъ, разрѣшаются при помощи ссылокъ на лучшія кассаціонныя рѣшенія. Книга написана весьма живо и имѣетъ важное значеніе въ литературѣ кражи въ особенности.

Gabriel Simon, De la condition des aliénés en droit Romain et en droit Francais. Paris.

Это докторская диссертація, посвященная преимущественно исторической сторонѣ дѣла и разсмотрѣнію вопроса о томъ, отъ кого зависитъ и должно зависѣть признаніе кого-либо умалишеннымъ. Оцѣнку судебно-медицинской стороны книги мы предоставляемъ спеціалистамъ, которымъ указываемъ лишь на это сочиненіе.

Знаменитый итальянскій криминалистъ Каррара, извѣстный своими „опытами по уголовному праву“, которые вышли недавно вторымъ изданіемъ, и „чтеніями о покушеніи и участіи“, вышедшими въ 1870 году, съ неутомимостью, которую можно бы поставить въ образецъ многимъ и многимъ изъ нашихъ цеховыхъ ученыхъ, издалъ въ томъ же году книгу о моментѣ совершенія кражи и окончилъ свое многотомное сочиненіе— **Programma del corso di divitto criminale**, выпустивъ 7-й и послѣдній его томъ. Въ немъ разсматриваются банкротство, поддѣлка фальшивой монеты, документовъ и печатей, наконецъ контрабанда. Замѣчательное по глубинѣ изученія и разработки и по живости изложенія, это сочиненіе Каррары заняло почетное мѣсто не въ одной только итальянской юридической литературѣ.

Новое уголовное уложеніе Германской имперіи, составляющее самое легкое и незначительное видоизмѣненіе уложенія Сѣверо-Германскаго Союза, сдѣлалось предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій въ Германіи. Нѣмцы принялись изучать, комментировать новый, единый для всей Германіи, законъ, о которомъ они мечтали такъ давно. Прежніе учебники (какъ напр. Бернеровскій) поспѣшили примѣниться къ новому уложенію, журналы наполнились статьями о немъ, не замедлили появиться и обширныя сочиненія. Конечно, все это облегчилось тѣмъ, что уложеніе Германской имперіи есть, какъ мы уже сказали, лишь второе, незначительно измѣненное изданіе уложенія Сѣверо-Германскаго Союза, но не надо забывать, что и это послѣднее обнародовано не Богъ знаетъ когда, а менѣе чѣмъ за годъ до перваго—31 мая 1870 года. Не говоря объ офиціальныхъ изданіяхъ, заключающихъ въ себѣ вмѣстѣ съ текстами этихъ двухъ законовъ богатый матеріалъ — соображенія, на коихъ они основаны—германская литература дала уже нѣсколько сочиненій, гдѣ новые законы научно систематически разработаны. Сравненіе, само напрашивающееся при этомъ, будетъ нѣсколько непріятно для нашего патріотическаго самолюбія, но извѣстно, „сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ“. Наши судебные уставы существуютъ уже 8-й годъ и мы до сихъ поръ не имѣемъ ничего, кромѣ изданія государственной канцеляріи, статей г. Чебышева - Дмитріева объ уголовномъ судопроизводствѣ да Анисимовскихъ изданій съ выписками изъ кассаціонныхъ рѣшеній. А Нѣмцы? Не говоря уже о 5-мъ изданіи Бернеровскаго учебника, приспособленнаго къ новому уложенію, въ теченіи $1\frac{1}{2}$ лѣтъ юридическая ихъ литература обогатилась сочиненіями Блюма, Гельшнера, Мейера, Кирхмана, Оппенгофа, Шварце, Рюдорфа и Шюце. Все это книги солидныя—страницъ въ 500 и болѣе, составленныя съ нѣмецкими аккуратностью, добросовѣстностью и научностью. Такъ напр. сочиненіе Рюдорфа, вышедшее въ октябрѣ 1871 года, **Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich mit Commentar**—заключаетъ въ себѣ: предварительныя замѣчанія, законъ 15 мая 1871 года (о редакціи Уложенія Германской имперіи), историческое обозрѣніе (начиная съ Каролины), проекты уложенія Сѣверо-Германскаго Союза, пренія въ союзномъ совѣтѣ и рейхстагѣ объ этихъ проектахъ, текстъ уложенія съ примѣчаніями, комментаріями и т. д. Въ прибавленіи приложены статьи: о смягчающихъ обстоятельствахъ, о потерѣ гражданскихъ правъ, о полицейскомъ надзорѣ, о покушеніи. Книга заканчивается подробнѣйшимъ указателемъ.

Handbuch des deutschen Strafrechts. In Einzelbeiträgen herausgegeben von Dr. Fr. v. Holtzendorff. Erster Band. Berlin. 1871.

Это сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ частей, изъ которыхъ досель вышла только первая. Вторая и третья обѣщаны въ началѣ текущаго года. Весь матеріалъ уголовнаго права будетъ разработанъ въ отдѣльныхъ статьяхъ различныхъ ученыхъ, общая редакція будетъ при-

надлежать знаменитому Гольцендорфу. Первый томъ содержитъ историческія и философическія начала уголовнаго права; второй — составитъ общее ученіе, третій будетъ посвященъ ученію о преступленіяхъ въ отдѣльности. Вотъ какъ издатель, Гольцендорфъ, излагаетъ (въ предисловіи къ первому тому) цѣль, планъ и содержаніе книги: „Цѣль предстоящаго изданія заключается въ томъ, чтобъ представить новѣйшіе результаты науки уголовнаго права, собрать все, что сдѣлано по этому предмету въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ и въ судебной практикѣ, и разработать законодательство съ точки зрѣнія уголовной политики". Сознавая вполнѣ, что сочиненіе, принадлежащее не одному ученому, а многимъ, не можетъ отличаться строгостью и законченностью стиля, издатель думаетъ однако, что это нисколько не повредитъ тщательной обработкѣ всѣхъ отдѣльныхъ частей, что, при нынѣшнемъ развитіи науки, едва ли доступно *одному* автору. По плану изданія въ первомъ томѣ заключаются слѣдующія статьи: общія понятія, историческое развитіе германскаго уголовнаго права и обзоръ иностранныхъ законодательствъ (самаго Гольцендорфа); уголовныя теоріи (Гейнце) и очеркъ русскаго уголовнаго права (Дерптскаго профессора Энгельманна); общая часть уголовнаго права, которая займетъ 2-й томъ, будетъ изложена въ статьяхъ Гейнце, Шварце, Меркеля, Шапера, Гейера и Вальберга. Сюда же будетъ отнесена и судебно-медицинская статья о душевныхъ болѣзняхъ по отношенію къ вопросу о вмѣняемости профессора Скржечка. Третій томъ—особенная часть—будетъ, во избѣжаніе неясности, расположенъ по германскому уложенію. Медицинскіе вопросы объ убійствѣ и поврежденіяхъ будутъ разработаны Лиманомъ.

Причину, вызвавшую предпріятіе Гольцендорфа, онъ находитъ въ томъ, что германская литература, будучи богата комментаріями положительнаго законодательства, учебниками, вполнѣ приспособленными къ академическимъ цѣлямъ, и отдѣльными сочиненіями по разнымъ предметамъ права, чувствуетъ недостатокъ въ обширномъ основательномъ руководствѣ къ уголовному праву. Вотъ какъ говоритъ Гольцендорфъ о нѣмецкой литературѣ! Что-то сказалъ бы онъ о нашей?

Не безынтересны также замѣчанія Гольцендорфа о взаимодѣйствіи науки и практики. Если, говоритъ онъ, важно, чтобъ абстрактный методъ разработки права находилъ себѣ противовѣсъ въ явленіяхъ правовой жизни и въ судебной практикѣ, то еще важнѣе держать суды и судей на уровнѣ науки. Не надо забывать, что критическій духъ научнаго изслѣдованія есть единственная узда, которая можетъ сдерживать процессуальный суверенитетъ высшихъ инстанцій....

Мы надѣемся еще вернуться къ этому замѣчательному произведенію и представить читателямъ болѣе подробное изложеніе вышедшаго перваго тома.

Л. К.

СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА РОЖДЕНІЯ

ГРАФА МИХАИЛА МИХАИЛОВИЧА

СПЕРАНСКАГО.

Юридическій факультетъ Императорскаго Московскаго Университета и состоящее при немъ Юридическое Общество, какъ извѣстно уже изъ газетъ, 1 января текущаго года, въ публичномъ засѣданіи, торжественнымъ актомъ почтили память графа М. М. Сперанскаго.

Деканъ юридическаго факультета и предсѣдатель Юридическаго Общества открылъ актъ, произнеся слѣдующую рѣчь:

„Мм. гг.! Нынѣшній день мы, по-праздничному, торжественно вступили въ новый годъ, 1872-й, въ годъ высокосный, а общее повѣрье дѣлаетъ общее предсказаніе на высокосные годы, считая ихъ годами тяжелыми. Всякій новый годъ есть частица того безконечнаго, неизвѣстнаго, но неотразимо грядущаго, которое именуется будущимъ и, по своей неизвѣстности, пугаетъ наше воображеніе. Для того-то дано человѣку его прошедшее, чтобы онъ на немъ основалъ свои надежды, которыя такимъ образомъ уравновѣшиваютъ его опасенія и вносятъ миръ въ его душу. Впрочемъ, нынѣшній высокосный годъ можетъ оказаться тяжелымъ по особымъ основаніямъ. Еще горизонтъ европейской общественной атмосферы не вполнѣ очистился послѣ недавнихъ бурь; еще новый Бреннъ готовъ взвалить свою пушку на тѣ вѣсы, которыми взвѣшивается золото Франціи, долженствующее окупить прусскія военныя издержки, и все это можетъ отразиться на нашемъ бытѣ. И вотъ, какъ бы для успокоенія нашего воображенія, наступившій высокосный годъ открываетъ намъ много поводовъ къ торжествованію нашего прошедшаго. Это—годъ рожденія на русскомъ престолѣ Великаго Петра, и годъ рожденія въ русской глуши великаго русскаго человѣка М. М. Сперанскаго. Страна, раждающая такихъ великихъ людей, имѣетъ пра-

во надѣяться. Сто лѣтъ тому прошло, какъ въ селѣ Черкутинѣ, Владимірской губерніи, 1 января 1772 года у сельскаго священника родился сынъ М. М. Сперанскій. Время знаменательное и памятное для Россіи по блеску славныхъ ея побѣдъ и по колебаніямъ внутри ея предѣловъ. Кто съ тѣхъ поръ въ Европѣ не слыхалъ имени Сперанскаго? Въ Россіи это имя сдѣлалось незабвеннымъ для дворянства; предметомъ гордости для духовенства; памятнымъ для всѣхъ податныхъ классовъ по вліянію Сперанскаго на финансы его времени, и особенно должно быть чтимо у крестьянъ, потому что Сперанскій, рожденный въ началѣ семидесятыхъ годовъ, конечно принималъ дѣятельное участіе въ первыхъ помыслахъ Государя Александра I и въ первыхъ попеченіяхъ этого Государя о русскихъ крестьянахъ. Но еслибы когда у насъ забыли это имя, образованные юристы возвѣстятъ его, потому что всего болѣе Сперанскій совершилъ подвиговъ въ сферѣ права.

Есть теченія въ воздухѣ, открыты теченія въ океанахъ; извѣстны направленія свѣта, который въ мірѣ физическомъ движется съ востока на западъ, а въ мірѣ духовномъ то съ востока на западъ и съ юга на сѣверъ, то съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ, подобно движеніямъ пахаря, воздѣлывающаго почву и ввѣряющаго ей свои сѣмена. Оттого исторія цивилизаціи представляется какъ бы движущеюся въ кругѣ. Современное движеніе свѣта и теплоты европейской цивилизаціи, особенно съ конца XVIII вѣка, совершается въ направленіи съ запада на востокъ. Нашъ Сперанскій былъ еще дитятею, еще въ школѣ, когда цивилизующія идеи на западѣ Европы стали формулироваться въ одну общую идею права. Признакъ зрѣлости идеи, когда она облекается въ слово, становится общедоступною и способною распространяться, становится знаменемъ, кличемъ призывнымъ, силой, которая чрезъ то быстро сообщается, легко усвояется, становится живою, могучею, горячею, порождающею также бури и народныя движенія, какъ до того времени дѣлали то въ Европѣ вѣра и церковь, политика и администрація. Въ Европѣ какъ бы общимъ девизомъ стало: fiat justitia, pereat mundus. Волны народныхъ движеній и симпатій, возбужденныя движеніемъ плуга и бороны цивилизаціи, доходятъ до Россіи, гдѣ къ тому времени Сперанскій, уже молодой образованный человѣкъ, готовъ также увлекаться идеями, какъ та высшая среда, куда онъ былъ введенъ державной волею своего монарха. Во имя этихъ идей М. М. Сперанскій совершаетъ общія реформы государственнаго управленія, которыя постоянно называетъ неконченными, потому что сама идея оказалась невыполнимой. Между тѣмъ онъ мужаетъ, ищетъ практической дѣятельности и въ нѣмецкой философіи, этой сѣялкѣ идей, замѣнившей собою дѣйствіе плуга и бороны, находитъ основанія для своихъ практическихъ началъ, и личною дѣятельностью устрояетъ новое управленіе въ Сибири. Но и почва имѣетъ вліяніе на дѣло пахаря, а Сперанскій былъ вполнѣ русскій человѣкъ; отсюда народность дѣятельности,

при полномъ развитіи дѣятеля, который создаетъ Полное Собраніе Законовъ и Сводъ Законовъ Имперіи, за что прозвали его русскимъ Трибоніаномъ. Соображая три главные результата дѣятельности Сперанскаго, по тремъ его возрастамъ, дающимъ поводъ изображать его въ трехъ портретахъ, мы могли бы назвать его столько же нашимъ трибуномъ, qui tranchait dans le vif, и нашимъ преторомъ, qui jus dicebat inter peregrinos. Полнымъ всероссійскимъ торжествомъ празднуется нынѣ память Сперанскаго въ Петербургѣ. Но думаемъ, что невозможно даже въ нашей скромной коллегіи прейдти молчаніемъ день рожденія такого великаго человѣка. И какое празднество не будетъ скромно въ виду такой личности? Засѣданіе открыто"

Затѣмъ заслуженный профессоръ С. И. Баршевъ, отъ имени юридическаго факультета, съ глубокимъ чувствомъ, произнесъ рѣчь слѣдующаго содержанія:

„Юридическому факультету Императорскаго Московскаго Университета угодно было возложить на меня порученіе почтить отъ имени его благодарными словами памяти знаменитаго государственнаго дѣятеля по случаю столѣтія его рожденія.

Какъ ни лестно для меня это порученіе факультета, но въ виду трудности выполненія его образомъ, достойнымъ чествуемаго лица и того учрежденія, отъ имени котораго я долженъ говорить, я бы отклонилъ отъ себя оказанную мнѣ честь, еслибы и на мнѣ самомъ не лежалъ нравственный долгъ гласно выразить и мою личную благоговѣйную признательность къ тому, кто наставилъ меня вмѣстѣ съ моими товарищами на мою настоящую дорогу, руководилъ моимъ образованіемъ и далъ чрезъ то возможность и мнѣ внести посильный вкладъ въ сокровищницу русской юридической науки.

Кто былъ графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и какъ изумительна, разнообразна и многоплодна была дѣятельность этого по истинѣ необыкновеннаго человѣка,—знаетъ всякій мало-мальски образованный человѣкъ.

Сынъ сельскаго священника и семинаристъ, онъ единственно силою своего всеобъемлющаго ума достигъ того, что былъ другомъ и наперстникомъ Императора Александра I въ лучшіе годы его царствованія и принадлежалъ и въ царствованіе его августѣйшаго преемника, Императора Николая I, къ числу тѣхъ немногихъ государственныхъ людей, которыхъ государи особенно высоко цѣнили за ихъ важныя государственныя заслуги и доблести.

Въ началѣ своего царствованія Императоръ Александръ I, какъ извѣстно, всецѣло поглощенъ былъ мыслію о переустройствѣ русскаго государственнаго строя на болѣе либеральныхъ началахъ и желалъ имѣть и у себя такія учрежденія, которыя бы вполнѣ гарантировали подвластный ему народъ отъ произвола властей; со Сперанскимъ главнымъ образомъ дѣлилъ государь свои царственныя думы и заботы о томъ,

цѣлые вечера проводилъ съ нимъ въ прочтеніи сочиненій, относившихся къ занимавшему ихъ предмету и ему же поручалъ составленіе проектовъ тѣхъ улучшеній и нововведеній въ русскомъ государственномъ строѣ, которые удостоивалъ своего одобренія. Сперанскій и былъ такимъ образомъ настоящимъ творцемъ всѣхъ тѣхъ реформъ, которыя были совершены въ первые годы царствованія Императора Александра I и не было, можно сказать, ни одной отрасли государственнаго управленія, которой бы не коснулась его творческая рука.

Высокое положеніе Сперанскій занималъ въ это время и какъ администраторъ. Облеченный по особому довѣрію государя многими весьма важными должностями и стоя, по его собственнымъ словамъ, въ средоточіи дѣлъ, онъ всегда имѣлъ доступъ къ государю по дѣламъ особенной государственной важности, и всѣ вѣсти, помѣщавшіяся въ депешахъ иностранныхъ дипломатовъ, даже тайныхъ, всегда въ тысячу разъ лучше и подробнѣе зналъ, нежели они сами. А силѣ Сперанскаго уступала и сила министровъ.

Поднявшись такъ высоко, Сперанскій не могъ не возбудить противъ себя зависти, а онъ еще и своими реформами постоянно озлоблялъ противъ себя почти всѣхъ. Быстро слѣдовали они одна за другою и сильно затрогивали интересы то того, то другаго класса, а между тѣмъ и самые лучшіе и наболѣе образованные люди того времени, какъ напр. Карамзинъ, находили реформы Сперанскаго преждевременными и вовсе несоотвѣтственными и общему складу русской народной жизни и потому вредными и опасными и открыто высказывали это свое мнѣніе и самому государю. Всѣ поэтому и глубоко ненавидѣли Сперанскаго и желали избавиться отъ него, какъ отъ вреднаго и опаснаго уновителя, который своими реформами сгубитъ государство. Но въ особенности вельможи сильно вооружены были противъ Сперанскаго. Ихъ родовая спѣсь не выносила и того, что онъ, безродный поповичъ стоялъ между ними и государемъ и преграждалъ имъ дорогу, а онъ еще не только не заискивалъ у нихъ, но и открыто посягалъ и на ихъ права и привиллегіи своими реформами. Они первые поэтому и отступили противъ Сперанскаго и пользуясь общимъ враждебнымъ настроеніемъ противъ него всѣхъ классовъ, прокричали его,—какъ говорилъ самъ Сперанскій,—со всею ихъ свитой, съ женами и дѣтьми, опаснымъ уновителемъ, въ твердой увѣренности, что это обвиненіе непремѣнно погубитъ дерзкаго выскочку. Сперанскій дотолѣ совершенно равнодушный къ ропоту, почувствовалъ опасность и, чтобы успокоить своихъ враговъ, вошелъ къ государю со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о сложеніи съ него всѣхъ должностей, кромѣ должности государственнаго секретаря, но государь оставилъ безъ уваженія его просьбу и не обратилъ никакого вниманія на поднятый противъ него крикъ, такъ что этотъ первый походъ противъ Сперанскаго окончился полною неудачей. Но неудача только еще болѣе озлобила враговъ Сперанскаго противъ него; она показала

имъ, что сломить его не легко, что для этого необходимо пріискать другое, болѣе дѣйствительное средство и оно не замедлило представиться. Послѣдовалъ разрывъ между Императорами Александромъ I и Наполеономъ I и дружба, соединявшая обоихъ государей, превратилась въ вражду, вмѣстѣ съ тѣмъ и любовь Александра ко всему французскому охладѣла; любовь эту раздѣлялъ съ государемъ и Сперанскій и былъ кромѣ того самымъ восторженнымъ почитателемъ самаго Наполеона, который въ свою очередь, во время эрфуртскаго свиданія, гдѣ находился и Сперанскій, съ нѣкотораго времени совершенно неразлучный съ государемъ, сдѣлалъ государю самый лестный отзывъ о немъ. Враги Сперанскаго тотчасъ же сообразили, что при враждебномъ настроеніи государя и всѣхъ противъ Наполеона, все это легко можетъ послужить къ погибели ненавистнаго временщика, пустили вслѣдствіе этого въ ходъ обвиненіе противъ него въ благожелательствѣ къ Наполеону и въ тайныхъ сношеніяхъ съ нимъ и этою ловко придуманною клеветой успѣли наконецъ влить въ легко отъ природы доступную для подозрѣнія душу повелителя ядъ недовѣрія къ его любимцу, но и тогда повелитель только послѣ продолжительной и тяжкой борьбы съ самимъ собой, которая острою болью отозвалась и въ его собственномъ сердцѣ, рѣшился разстаться съ тѣмъ, кто, по его собственнымъ словамъ, былъ его правою рукой.

Сперанскій палъ, но онъ едва ли бы устоялъ и безъ гнуснаго обвиненія въ измѣнѣ. Клевета нужна была лишь для нетерпѣнія его враговъ, а никакъ не для его паденія.

Глашатаи новыхъ идей, которыхъ никто не раздѣляетъ, и учредители новыхъ порядковъ, которыхъ никто не желаетъ, люди, подобные Сперанскому, рѣдко оканчиваютъ мирно свое земное поприще. Ихъ обыкновенно или признаютъ помѣшанными и заключаютъ въ дома умалишенныхъ, или привлекаютъ къ суду какъ заговорщиковъ, бунтовщиковъ, революціонеровъ и пригвождаютъ ко кресту, или же, по меньшей мѣрѣ, преслѣдуютъ какъ возмутителей общественнаго спокойствія и осуждаютъ на изгнаніе. Оставаясь на своемъ мѣстѣ, Сперанскій, безъ сомнѣнія, продолжалъ бы идти все далѣе и далѣе по пути реформъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общее озлобленіе противъ него росло бы все болѣе и болѣе, и государь, не смотря на свою большую привязанность къ нему, вынужденъ бы былъ пожертвовать имъ общему неудовольствію противъ него, тѣмъ болѣе что впослѣдствіи Александръ I и самъ уже былъ не тотъ, какимъ онъ заявилъ себя въ началѣ своего царствованія. Въ первомъ порывѣ гнѣва онъ готовъ былъ разстрѣлять Сперанскаго и только благодаря благородному заступничеству Паррота удержался отъ того и осудилъ Сперанскаго на изгнаніе.

Въ самомъ изгнаніи Сперанскій сослужилъ такую службу государю, какъ рѣдко кто другой. Назначенный генералъ-губернаторомъ Сибири, онъ своею организаторскою дѣятельностію, можно сказать, вторично

пріобрѣлъ для Россіи этотъ дотолѣ мало устроенный край. Но довѣріе своего царственнаго друга Сперанскій утратилъ уже навсегда.

Не довѣрялъ Сперанскому и августѣйшій преемникъ Александра I. Не вдругъ онъ даже и приблизилъ его къ себѣ.

Нашлись услужливые люди, которые, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, постарались очернить Сперанскаго въ глазахъ его. Но Императоръ Николай I тѣмъ не менѣе высоко цѣнилъ обширныя свѣдѣнія Сперанскаго и потому тотчасъ по вступленіи на престолъ возложилъ на него дѣло, въ совершеніи котораго полагалъ славу своего царствованія. Такъ сильно было однакоже предубѣжденіе молодаго государя противъ Сперанскаго, что ввѣривши ему и управленіе всѣмъ этимъ дѣломъ и всѣ доклады по этой части, онъ приказалъ наблюдать за нимъ Балутвинскому. Нужны были необыкновенная сила воли, чтобы вынести это новое тяжкое и ничѣмъ незаслуженное униженіе и рѣдкія качества ума, чтобы опять подняться и занять прежнее мѣсто у трона и въ сердцѣ государя,—и Сперанскій не замедлилъ доказать, что гдѣ идетъ дѣло о пользѣ и чести дорогаго отечества, тамъ для него ничего не значатъ разсчеты мелкаго самолюбія, и нѣкогда первое лицо въ государствѣ, безропотно подчинился установленному надъ нимъ надзору и повелъ ввѣренное ему дѣло съ такимъ блестящимъ успѣхомъ и выполнялъ и многія другія важныя порученія государя такъ совершенно по его желаніямъ и въ его духѣ, что государь не только совершенно измѣнилъ свой взглядъ на его прошедшее, но и сталъ оказывать ему все болѣе и болѣе довѣрія и кончилъ тѣмъ, что не зналъ границъ своимъ милостямъ къ нему. Опальный семинаристъ умеръ графомъ!

Но важнѣе и графства тѣ многозначительныя слова, которыми почтилъ признательный Монархъ своего вѣрнаго слугу тотчасъ по полученіи горестнаго извѣстія о его потерѣ. „Михаила Михаиловича не всѣ понимали, благоволилъ выразиться при этомъ глубоко огорченный государь, и не всѣ умѣли довольно цѣнить; сперва я и самъ въ этомъ, болѣе всѣхъ можетъ статься, противъ него грѣшилъ. Мнѣ столько было наговорено о его превратныхъ идеяхъ, о его замыслахъ; клевета осмѣлилась коснуться его даже и по случаю исторіи 14 декабря! Но потомъ время и опытъ уничтожили во мнѣ дѣйствіе всѣхъ этихъ наговоровъ. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго и ревностнаго слугу съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностью, съ неустававшею никогда дѣятельностію. Теперь всѣ знаютъ, чѣмъ я, чѣмъ Россія обязаны ему и клеветники давно замолчали. Другаго Сперанскаго, продолжалъ государь, мнѣ уже не найти, да и кѣмъ я попытаюсь даже замѣнить его умъ, свѣдѣнія, опытность, усердіе, быстроту“. Свою привязанность къ Сперанскому Императоръ Николай выразилъ и письменно. Вотъ собственноручная записка его къ князю Васильчикову, писанная на французскомъ языкѣ: A l'instant même je viens d'apprendre la fin de notre respectable Spéransky. Vous vous direz aisément, mon cher ami, ce que

cette perte irréparable me fait éprouver de cruels regrets. Mais que la volonté de Dieu soit faite: c'est une épreuve de plus et *des plus pénibles* pour moi; il faut s'y soumettre.

Гласнымъ сознаніемъ въ своемъ грѣхѣ противъ Сперанскаго благодушный государь возстановилъ вполнѣ невинно поруганную честь страдальца; а правдивою оцѣнкой его дѣлъ и качествъ воздалъ должное великимъ заслугамъ и доблестямъ неустаннаго труженика и въ тоже время изрекъ свой судъ на тѣхъ, которые хотѣли выслужиться передъ нимъ клеветой на Сперанскаго.

Изъ Невской Лавры Сперанскій вышелъ на дѣло, въ Невскую же Лавру онъ и возвратился на покой, но вышелъ худородный и пѣшій, а возвратился на великолѣпной колесницѣ, которую сопровождали первые чины Имперіи, представители иностранныхъ государей, августѣйшій братъ государя и самъ государь!

Признательный монархъ удостоилъ проводить Сперанскаго до его послѣдняго пристанища и, не смотря на дальнее разстояніе приготовленной для него могилы отъ церкви, дошелъ до нея и первый вслѣдъ за митрополитомъ со слезами на глазахъ бросилъ прощальную горсть земли. Знаніе говорятъ есть сила и сила великая—поучаетъ исторія жизни Сперанскаго!

Глубоки и обширны были свѣдѣнія Михаила Михаиловича. Выше всѣхъ современниковъ стоялъ онъ по своему умственному развитію. Весьма естественно поэтому то, что и своими реформами Сперанскій опередилъ время; онъ же имѣлъ и великій примѣръ передъ собой, тѣмъ смѣлѣе поэтому могъ вступить на избранный имъ путь и хотя идя по этому пути и строилъ безъ фундамента, какъ выражаются о реформахъ Сперанскаго его порицатели, сумѣлъ однакоже соорудить такое прочное зданіе, которое не смотря на всѣ перемѣны въ царствованіяхъ, людяхъ, системахъ, уставахъ, сохранилось до нашихъ дней безъ всякихъ измѣненій не только въ главныхъ началахъ, но и почти во всѣхъ подробностяхъ будто созданное вчера. Общее учрежденіе министерствъ есть такой памятникъ творческой дѣятельности Сперанскаго, который по стройности системы, по обдуманности и строгой логической послѣдовательности ея развитія, даже по необыкновеннымъ достоинствамъ изложенія, которымъ создавался у насъ новый, дѣловой языкъ, одинъ долженъ бы былъ заставить умолкнуть тѣхъ, которые видятъ въ Сперанскомъ лишь добродушнаго мечтателя. Сперанскій и самъ съ благородною гордостію самосознанія указывалъ на это твореніе свое, какъ на самое совершенное и ему должны быть признательны за него не одни только потомки. Но Сперанскимъ, кромѣ того, былъ перестроенъ, или лучше сказать вновь устроенъ и государственный совѣтъ, составлявшій первоначально родъ учрежденія домашняго, безгласнаго. Другія же реформы Сперанскаго, хотя и не всѣ были приведены въ дѣйствіе, но и на нихъ онъ не совершенно напрасно потратилъ свой трудъ. Ра-

ботая и надъ ними для современниковъ, онъ расчистилъ путь для потомковъ. Въ своихъ правилахъ этихъ реформъ онъ высказалъ такія мысли и предположенія, которыя теперь уже никому не кажутся вредными и опасными. Мечтатель оказался пророкомъ и провинился только въ томъ, что въ нетерпѣливомъ желаніи добра своей родинѣ хотѣлъ ускорить естественный ходъ ея развитія.

Неоспоримое право на признательность и самыхъ отдаленныхъ потомковъ Сперанскій пріобрѣлъ и своимъ гигантскимъ трудомъ полнаго собранія разрозненной массы законовъ россійской имперіи и составленія систематическаго свода ихъ, который онъ вынесъ на своихъ мощныхъ плечахъ въ изумительно короткое время, тогда какъ другіе, которые принимались за это дѣло до него, не могли справиться съ нимъ и въ теченіи ста лѣтъ.

Совершивши этотъ необычайный гражданскій подвигъ, за которымъ тотчасъ же послѣдовала и необычайная царская награда, Сперанскій вписалъ самую блестящую страницу въ исторію славнаго царствованія Императора Николая I и въ тоже время оказалъ несомнѣнную услугу русской юридической практикѣ и русской юридической наукѣ. Русскую юридическую практику Сперанскій своимъ трудомъ вывелъ на свѣтъ Божій, а русской юридической наукѣ положилъ самое прочное основаніе.

До изданія полнаго собранія и свода русскіе законы скрывались въ архивахъ и камерахъ и отчасти въ частныхъ сборникахъ, не заслуживавшихъ никакого довѣрія по отсутствію всякой системы и неполнотѣ содержанія, были поэтому доступны и извѣстны только служащимъ и ученымъ, да и то не вполнѣ. Сперанскій вывелъ русскіе законы изъ этихъ тайниковъ и притоновъ, сдѣлалъ ихъ чрезъ то общеизвѣстными и общедоступными и мгла, царившая въ русскихъ судебныхъ мѣстахъ, разсѣялась.

А русская юридическая наука съ изданіемъ означенныхъ памятниковъ тотчасъ же почувствовала твердую почву подъ собой. Вмѣстѣ съ ними она получила возможность черпать нужный ей для обработки матеріалъ изъ самаго чистаго и вполнѣ надежнаго источника и смѣло могла уже идти впередъ безъ всякаго опасенія иное просмотрѣть, другое не такъ понять или исказить. Сперанскій же озаботился и приготовленіемъ для нея свѣдущихъ руководителей.

Съ этою цѣлью Михаилъ Михаиловичъ вызвалъ въ два раза по три воспитанника изъ духовныхъ академій С.-Петербургской и Московской и причислилъ насъ ко второму отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, для того чтобы мы могли изучать русскіе законы въ самомъ источникѣ, съ необходимымъ однакоже дополненіемъ недостающаго въ ней въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Зорко слѣдилъ Михаилъ Михаиловичъ за ходомъ этихъ занятій, лично повѣрялъ наши успѣхи, присутствуя на нерѣдкихъ испытаніяхъ, ра-

довался нашимъ успѣхамъ и поощрялъ насъ къ исполненію нашего долга испрашиваемыми имъ у государя и соотвѣтственными нашему возрасту наградами; когда же потомъ по ходатайству Михаила Михайловича мы отправлены были для окончанія нашего образованія въ избранный имъ по совѣту Гумбольдта берлинскій университетъ, графъ поручилъ насъ надзору знаменитаго профессора Савиньи и непосредственному руководству профессора Рудорфа, но недовольствуясь и этимъ Сперанскій, во время своихъ поѣздокъ къ заграничнымъ водамъ, нарочно оставался нѣкоторое время въ Берлинѣ, чтобы удостовѣриться въ нашихъ успѣхахъ посредствомъ переговоровъ съ профессорами и личныхъ бесѣдъ съ нами, и все это дѣлалъ незабвенный Михаилъ Михайловичъ съ такою мягкостію и съ такимъ вниманіемъ къ нашему юношескому самолюбію, что мы вовсе не чувствовали никакого надзора надъ собой. Маститый сановникъ, Сперанскій былъ для насъ скорѣе внимательнымъ другомъ, чѣмъ взыскательнымъ начальникомъ; къ нему мы смѣло обращались со всѣми нашими нуждами даже и самыми обыденными, а нѣкоторыя изъ нихъ онъ и самъ предупреждалъ. Приготовленіе свѣдущихъ учителей права Сперанскій считалъ дѣломъ великой важности и потому такъ крѣпко къ сердцу и принималъ это дѣло. Въ своей докладной запискѣ государю объ учителяхъ онъ писалъ, что для установленія правосудія на прочныхъ основаніяхъ недостаточны ясные и положительные законы, но необходимы и знающіе судьи и законовѣдцы, а для этого надобно озаботиться прежде всего приготовленіемъ учителей, потомъ поручить этимъ новымъ профессорамъ приготовить себѣ достойныхъ помощниковъ и преемниковъ. Такимъ образомъ, говорилъ Сперанскій въ заключеніи докладной записки, положено будетъ твердое начало юридическому въ Россіи образованію и, судя по охотѣ къ сему роду ученія въ молодыхъ людяхъ, можно надѣяться, что оно скоро распространится и перестанетъ быть рѣдкимъ. Съ горячимъ сочувствіемъ отнесся Сперанскій и къ плодотворной мысли принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго объ учрежденіи спеціальнаго учебнаго заведенія для приготовленія правовѣдовъ и, насколько зависѣло отъ него, содѣйствовалъ къ ея осуществленію. Все это и вошедшее потомъ съ легкой руки Сперанскаго въ постоянный обычай отправленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія молодыхъ людей въ заграничные университеты для приготовленія къ профессорскому званію не могло не поднять уровень юридическаго образованія въ Россіи, и какъ высоко оно поднялось со времени изданія полнаго собранія и свода, мы видѣли блестящее доказательство тому въ самомъ серьезномъ трудѣ, совершенномъ на нашихъ глазахъ русскими юристами съ такимъ успѣхомъ, что онъ удостоился самаго лестнаго отзыва лучшихъ иностранныхъ юристовъ и видимъ и теперь въ обильныхъ плодахъ этого труда. Съ замѣчательнымъ юридическимъ тактомъ и полнымъ знаніемъ особенностей и потребностей своей страны русскіе

юристы пересадили на отечественную почву чужой судъ и такъ усвоили его себѣ, что онъ сразу принялся у насъ. Нашлись и свѣдущіе и опытные дѣятели, которые взяли его на свои руки и успѣшно повели. Училище правовѣдѣнія и университеты приготовили ихъ въ изобиліи. Доброе сѣмя, брошенное на добрую землю искусною и благожелательною рукой, не замедлило принести ожиданный сѣятелемъ плодъ.

Уже и за одно это добро память графа Сперанскаго должна быть драгоцѣнна для всякаго русскаго человѣка, а русскіе юристы, и теоретическіе и практическіе, должны съ благоговѣйною признательностію чтить въ немъ своего общаго родоначальника, которому они обязаны въ значительной степени тѣмъ, что могли сдѣлать для русской юридической науки и практики.

Да благословитъ Богъ и дальнѣйшее сѣяніе наше такимъ же полнымъ успѣхомъ, какъ и насажденіе сіятельнаго труженика; многострадальный боецъ за русскую законную правду, да руководитъ онъ насъ и по смерти своимъ высокимъ примѣромъ въ неустанномъ служеніи ей и да настанетъ она наконецъ и для него въ ея полномъ и ничѣмъ не омраченномъ блескѣ. Зависть и злоба не давали ему покоя въ жизни, да почіетъ онъ мирно во гробѣ!“

Послѣ С. И. Баршева сенаторомъ Н. В. Калачевымъ прочтено было возбудившее всеобщее вниманіе, по новости своей, описаніе дѣятельности и трудовъ графа Сперанскаго по части финансовъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ подъ рукою записки многоуважаемаго Н. В. Калачева.

За тѣмъ секретаремъ Юридическаго Общества, присяжнымъ повѣреннымъ А. М. Фальковскимъ, отъ имени Общества было произнесено слѣдующее слово:

„Мм. Гг.! Въ этотъ день, посвящаемый памяти покойнаго графа Михаила Михайловича Сперанскаго, имя котораго такъ тѣсно соединено съ исторіею нашего законодательства, Московское Юридическое Общество сочло священною обязанностью, чрезъ своихъ представителей, принять теплое и искреннее участіе въ настоящемъ торжествѣ. Жизнь, дѣятельность и труды графа Сперанскаго достаточно уже извѣстны всему образованному міру. Одно перечисленіе ихъ потребовало-бы не мало времени. Поэтому мы остановимся только на послѣдствіяхъ этой замѣчательной дѣятельности и на современномъ ея значеніи. Исполинскій планъ графа Сперанскаго пересозданія государственнаго устройства Россіи, какъ всѣмъ извѣстно, въ важнѣйшихъ своихъ частяхъ не былъ приведенъ въ дѣйствіе. Но основная мысль этого плана, состоявшая въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе достоинства и истинной силы, не осталась мечтою великаго человѣка. Россія восприняла новое бытіе и во многихъ частяхъ преобразилась. Богъ, стало-быть, благословилъ благія начинанія. Россія долго ожидала суда праваго и милостиваго. Но для осуществле-

нія столь великаго дѣла необходимо было ей узнать свои законы, разсѣянные въ рукописныхъ архивныхъ сборникахъ и сотняхъ книгъ, изданныхъ безъ системы и порядка, образовать знающихъ судей и законовѣдцевъ—этотъ подвигъ совершенъ графомъ Сперанскимъ. Полное Собраніе Законовъ, начатое съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича и Сводъ Законовъ останутся вѣчнымъ памятникомъ царствованія Императора Николая 1-го, повелѣніемъ котораго оные изданы, чѣмъ исполнились, какъ выражено въ манифестѣ 13-го января 1833 года, желанія предковъ нашихъ, въ теченіи стадвадесяти шести лѣтъ почти непрерывно продолжавшіяся. Государь наградилъ графа Сперанскаго за его необъятные кодификаціонные труды, обнявъ его въ присутствіи всѣхъ и возложивъ на него снятую тутъ же съ себя Андреевскую звѣзду. Колоссальное, кодификаціонное дѣло, какъ достояніе человѣческой дѣятельности, безъ сомнѣнія, неразлучно съ нѣкоторыми несовершенствами, о которыхъ излишне было-бы распространяться предъ ученымъ собраніемъ. Но звѣзда славы великаго труженика чрезъ это не померкнетъ, и признательность русскихъ людей къ нему никогда не охладѣетъ. Юристы, внимательно изучавшіе Сводъ Законовъ, всегда въ немъ найдутъ твердое основаніе для разрѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ права, а образованные и честные судьи надежную опору въ правильномъ примѣненіи законовъ. Новая судебная практика и въ особенности дѣятельность кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената вполнѣ насъ убѣждаютъ, что нашъ сводъ законовъ еще долгое время можетъ удовлетворять цѣлямъ истиннаго правосудія.

Достойнѣйшій государственный мужъ, нынѣ воскресающій въ памяти нашей, въ благородномъ порывѣ создать счастіе и величіе своего отечества, опередилъ свой вѣкъ. Современники отнеслись недовѣрчиво къ смѣлому преобразователю. Въ то время въ Россіи свобода, безъ которой немыслимо правильное развитіе общественной и юридической жизни народа, не получила еще права гражданства. Но послѣ того, сколько же перемѣнъ совершилось въ возлюбленномъ нашемъ отечествѣ! Графъ Михаилъ Михаиловичъ! (обращаясь къ портрету М. М. Сперанскаго, украшенному вѣнкомъ), Россія, которой ты такъ долго служилъ, Россія, гдѣ нѣтъ болѣе крѣпостной зависимости, гдѣ правда и милость царствуютъ въ судахъ, гдѣ положено начало самоуправленію, Россія подъ славнымъ скипетромъ Александра II—друга человѣчества привѣтствуетъ тебя въ твоей новой обители, благодаритъ тебя и вѣчную превозглашаетъ тебѣ память!“

Торжество было закончено рѣчью В. Н. Лешкова, которую и приводимъ вполнѣ.

„Мм. Гг.! Совпаденіе двухъ такихъ великихъ событій, какъ рожденіе Петра Великаго и М. М. Сперанскаго, вызываетъ насъ къ сопоставленію этихъ двухъ великихъ личностей, тѣмъ болѣе что несомнѣнно въ своей организаторской дѣятельности оба наши великіе люди близко

сходятся, хотя и расходятся весьма существенно. Организаторъ-Императоръ все основалъ на единой личной волѣ; организаторъ-подданный повсюду и для всего ищетъ учрежденій. Правда, созидалъ учрежденія и Петръ Великій, но для того, чтобы его державная воля тѣмъ легче, свободнѣе, безпрепятственнѣе могла дѣйствовать этими учрежденіями, какъ рычагами; напротивъ, учрежденія Сперанскаго имѣли цѣлью сообщить личной волѣ устой, твердость, постоянство закона.

По воззрѣніямъ Петра Великаго государь не подчиняется человѣческимъ законамъ и можетъ дѣлать относительно народа все, что ему нравится, по западной формулѣ: Nous voulons et Nous plait, и только Императоръ Павелъ I установилъ законъ о престолонаслѣдіи. До того времени, царствующій государь распоряжался судьбами страны не токмо при своей жизни, но на всю будущую ея исторію, назначая себѣ преемниками только лица, раздѣляющія его державныя убѣжденія. Для достиженія своихъ предначертаній Петръ Великій обращаетъ мало-помалу всю великую русскую землю въ государственную, отъ морей и рѣкъ, отъ лѣсовъ и нѣдръ земныхъ до поверхности, принадлежавшей вотчинникамъ, запретивъ имъ распоряжаться ею по завѣщанію, установивъ законъ о первородствѣ, да узаконивъ, что земли пріобрѣтаются службою военной—чрезъ 8 лѣтъ, гражданскою — чрезъ 10, и податною, взносомъ гильдейскихъ повинностей, чрезъ 15 лѣтъ. Понятенъ теперь особенный порядокъ законовъ о нашемъ поземельномъ правѣ во времена, когда сначала учреждается государственное межеваніе 1767 г., затѣмъ узаконяются собственность 1785 и давность 1787 года. Такимъ образомъ у народа отнимается его почва, его земля, которая вся покрывается сѣтью государственнаго управленія, а для того дѣлится и дробится на ариѳметическія равныя части,—на губерніи, провинціи и доли, каждая въ 5536 дворовъ, а дворъ въ 5 человѣкъ. Отдѣливши народъ отъ земли, Петръ Великій раздѣляетъ его на пласты и слои, или на сословія: шляхетства, подраздѣлявшагося въ службѣ на 14 классовъ; духовенства, подраздѣлявшагося также на службѣ на морское, военное, придворное, посольское и т. п.; городскаго населенія, подраздѣлявшагося на гильдіи, цехи и подлыхъ людей; наконецъ, крестьянства съ безчисленными подраздѣленіями крестьянъ по ихъ принадлежности тому, или другому владѣльцу. Податныя сословія вносятся, начиная съ духовенства, въ ревизію поголовно, и на эти-то отдѣльныя головы обрушивается вся государственная тягота. Дѣйствіемъ же разнообразныхъ правительственныхъ учрежденій, да разнообразнаго надзора фискаловъ и генералъ-фискаловъ, инквизиторовъ и оберъ-инквизиторовъ, вся масса русскаго населенія стягивается въ одинъ безотвѣтный узелъ централизаціи, и вся одновременно и повсюдно направляется къ западу. Такъ выполнялось начало римскихъ императоровъ: divide et impera.

Рожденный въ сословіи, которое само изъ вѣковъ есть родъ учрежденія для развитія въ народѣ вѣры, морали, образованія, да воспитан-

ный на принципахъ философіи и логики, повсюду ищущихъ существа дѣла и разумныхъ основаній, М. М. Сперанскій не могъ не заподозрить принципъ личнаго управленія, а потому онъ повсюду старается ввести учрежденія для содѣйствія личному началу найти уясненіе и обоснованіе своей цѣли и дѣятельности. Таковы государственныя учрежденія, вышедшія изъ-подъ редакціи Сперанскаго: Государственный Совѣтъ, Совѣты при министрахъ, Комитетъ министровъ, даже губернскія правленія съ ихъ совѣтниками, при губернаторахъ, и все это для того, чтобы законъ одинъ господствовалъ въ Россіи, чтобы свобода была ограждена и обезпечена, чтобы приготовить средства къ осуществленію идей Императора Александра I. Но я другимъ уступилъ высокую честь сказать здѣсь о великомъ значеніи Сперанскаго въ дѣлѣ общаго государственнаго управленія и законодательства въ Россіи; себѣ же позволяю напомнить, что 1872 годъ есть годъ пятидесятилѣтней годовщины новаго управленія Сибири, созданнаго Сперанскимъ 1822 года іюля 22, и прошу дозволить мнѣ указать на общія черты этого управленія, заслуживающія такъ же Вашего просвѣщеннаго вниманія.

Мм. Гг.! Сибирь—доселѣ мало извѣстная страна, даже для русскихъ. Миѳы и басни древнихъ грековъ о сѣверныхъ странахъ, съ летающими бѣлыми мухами или съ холодами и мракомъ, доселѣ могутъ примѣняться къ инымъ мѣстностямъ Сибири. Сибирь была предметомъ сказочныхъ разсказовъ даже для нашихъ предковъ, даже на нашемъ сѣверѣ, судя по нашимъ лѣтописцамъ, повѣствующимъ напр. о томъ, что у Лукоморья, можетъ быть за рифейскими горами, живутъ народы, загнанные туда еще какимъ-нибудь Александромъ Македонскимъ и т. п. Въ вѣкъ географическихъ открытій, нашъ казацкій атаманъ Ермакъ открылъ и покорилъ Сибирское царство и подарилъ его Грозному царю Ивану. Не тотчасъ однакожъ Сибирь стала грозною страной. Первоначально мы пользовались только ея поверхностью, пушнымъ звѣремъ, ясакомъ да нѣкоторыми цѣлебными травами и минералами, которые были присылаемы на Москву въ Аптекарскій Приказъ. Собственно съ царя Петра мы проникли въ нѣдра Сибири, въ пещеры ея горъ и въ тайны ея лѣсовъ. И съ этой минуты Сибирь становится чѣмъ-то въ родѣ античнаго аида, гдѣ что—рѣка, то Стиксъ и что—начальникъ, то Церберъ, или чѣмъ-то въ родѣ Дантова ада и его послѣдняго круга, куда входящихъ оставляетъ и самая надежда. Казненъ былъ первый Сибирскій губернаторъ за свой произволъ; осуждается всѣми послѣдній до преобразованія — Пестель за тотъ-же произволъ. Въ Сибири царилъ произволъ, а тамъ жили русскіе люди, граждане, тамъ жили невинные кочевники, чужеродцы и тамъ жили осужденные въ ссылку, а все-же люди.

Сюда-то, въ эту страну тьмы и страха, въ эту юдоль насилія и плача вноситъ Сперанскій свѣточъ права, законъ, порядокъ и человѣколюбіе.

Его управленіе Сибири существуетъ доселѣ почти безъ перемѣнъ, вотъ уже 50 лѣтъ. Въ этомъ краѣ Сперанскій, обезпечивъ особымъ управленіемъ права русскаго населенія, освятилъ до значенія права обычаи туземныхъ племенъ и создалъ для потерявшихъ всѣ права особую систему правъ человѣческихъ.

Что до особаго управленія въ Сибири, нельзя не остановиться на принципѣ отдѣленія, или раздѣленія властей, которымъ Сперанскій руководствуется и тутъ, какъ въ устройствѣ Россіи. Divide et impera, столь важное для власти, находитъ обратное выраженіе, но тоже divide для обезпеченія права. Власть управленія отдѣляется отъ законодательной и судебной и ограничивается исключительно надзоромъ и разрѣшеніемъ. Оттого даже высшей административной власти въ Сибири формально воспрещается издавать общеобязательныя постановленія въ видѣ законовъ, или налагать поборы и повинности, въ формѣ налоговъ, равно какъ вмѣшиваться въ дѣла суда по его производству и по существу дѣла, въ формѣ напр. апелляціи. Теперь, когда отдѣленіемъ счастливо совершилась въ наше время самостоятельность судебной власти, мы знаемъ всю великость идеи раздѣленія властей, но такъ же знаемъ мы всю трудность дѣла для временъ Сперанскаго.

Другое основное начало управленія Сибири состоитъ въ мѣстномъ его характерѣ. Мѣстный характеръ управленія есть и отрицаніе *произвольнаго, отвлеченнаго* построенія администраціи, и отрицаніе *бумажнаго* производства дѣлъ, и отрицаніе *централизаціи*, глухой и слѣпой къ существу дѣла. Отрицаніе произвольныхъ, отвлеченныхъ положеній потребовало согласованія администраціи съ нуждами, потребностями и состояніемъ страны, нѣчто въ родѣ древнихъ Приказовъ, Казанскаго, Сибирскаго, гдѣ не предметъ служитъ основаніемъ для управленія, какъ въ Коллегіяхъ Петра Великаго, напр. Коммерцъ-коллегіи, Мануфактуръ-коллегіи, и пр., и гдѣ приходилось Коллегіи дѣйствовать по рапортамъ и доношеніямъ, на бумагѣ, а не cognita re, на дѣлѣ. Наконецъ, эта мѣстность управленія есть мотивированная централизація, которая необходима и для Городской Думы и для Земской Управы. Сперанскій началъ съ обозрѣнія Сибири и съ ея изученія, давшаго въ результатѣ особенность края, особенность, представляющую однако же единство въ нуждахъ, интересахъ, началахъ. Такъ первое, что поразило его—это безмѣрность разстояній въ Сибири. А безмѣрность разстояній есть только другое выраженіе для малонаселенности края; густонаселенныя страны не представляютъ разстояній громадными. Слѣдовательно первый вопросъ для администратора—умноженіе населенія, которое однако немыслимо безъ свободы, какъ личной, обезпеченной закономъ и формами управленія, такъ и промышленной. Съ этимъ вяжется улучшеніе путей сообщенія и сохраненіе населенія отъ болѣзней и голодовъ. И таковы дѣйствительно уставы Сперанскаго относительно Сибири, гдѣ сначала

идетъ рѣчь объ управленіи вообще, затѣмъ о путяхъ сообщенія, далѣе о продовольствіи и народномъ здравіи.

При такой необходимой связи предметовъ управленія, должна была власть въ Сибири сосредоточиваться и являться централизованной, а потому сильною, могущественною и опять грозящею. Для уничтоженія грозной стороны такой естественно-централизованной власти Сперанскій 1) опредѣлилъ точно ея предѣлы; 2) вручилъ ее не одному, а двумъ генералъ-губернаторамъ, такъ что каждый изъ нихъ всегда находился подъ контролемъ государства и общества; 3) окружилъ ихъ совѣтами для сообщенія силѣ возможной разумности и 4) наконецъ даже внизу, въ средѣ чиновниковъ и служащихъ, Сперанскій создалъ учрежденіе, ограничивающее произволъ, требуя, чтобы служащіе въ Сибири набирались изъ чиновъ Сибири. Это родъ чиновнаго самоуправленія Англіи по Gneist'y.

Переходимъ къ инородцамъ, которыхъ Сперанскій находитъ три рода: осѣдлыхъ, уравненныхъ съ русскими гражданами, кочевыхъ и бродячихъ или ловцовъ. Что это находка Сперанскаго, можно видѣть изъ того, что тогдашніе писцы писали и корректоры печатали, по своей непривычкѣ къ названію, иногородцы вмѣсто инородцы. Для этихъ кочующихъ и бродячихъ Сперанскій былъ истинный praetor qui jus dicebat inter peregrinos, и для нихъ онъ создалъ наше jus gentium и наше jus praetorium et bonitarium, возведши ихъ обычаи въ обязательные законы, признавши ихъ управленіе обязательнымъ даже для русской администраціи и узаконивши ихъ суды. Онъ даетъ инородцамъ право свободнаго вѣроисповѣданія, запрещая для русскаго духовенства ревность не по разуму, съ насиліемъ; онъ сообщаетъ ихъ землѣ и земельному праву силу права, защищая это право даже противъ русскихъ гражданскихъ сдѣлокъ; онъ признаетъ ихъ право на образованіе, какъ въ русскихъ, такъ и въ собственныхъ школахъ; онъ подчиняетъ ихъ собственнымъ судамъ гражданскимъ и общимъ уголовнымъ только 1) по случаю возмущенія, 2) убійства и грабежа да 3) фальшивыхъ денегъ, и признавая даже кражу—privatum delictum—подлежащею суду инородческому, по производству обвинительному, а не слѣдственному.

Заключимъ рѣчь ссыльными. Что такое ссыльный, особенно лишенный всѣхъ правъ состоянія, столь многочисленный классъ людей съ 1742 года? Съ этого времени въ противность старинному положенію, что въ Сибирь неприлично имѣть много дорогъ, всякая дорога ведетъ въ Сибирь. Что же такое лишенный всѣхъ правъ состоянія? Когда Европа страдаетъ отъ оспы—тамъ являются Дженнеры; когда страна изнемогаетъ отъ массы нищихъ—цѣлая литература къ ихъ облегченію, и Шекспиры пишутъ трактаты о нищихъ; когда дѣло идетъ о сумасшедшихъ—поднимаются голоса Эскиролей, а когда вопросъ касается тюремъ—Говарды готовы заплатить жизнію за улучшеніе этихъ учрежденій. Для ссыльныхъ нѣтъ въ Европѣ прецедентовъ. Что же сдѣлалъ

Сперанскій? Съ момента произнесенія приговора ссыльный уже въ вѣдомствѣ Тобольскаго Приказа. Стало быть, тутъ начинаетъ дѣйствовать учрежденіе, которое охранитъ лишеннаго всѣхъ правъ состоянія отъ безслѣднаго исчезновенія. Наконецъ, ссыльные въ Тобольскѣ и тутъ получаютъ значеніе и состояніе *рабочихъ*. Такимъ образомъ для лишенныхъ всякаго состоянія найдено новое состояніе. Но каково это состояніе? Было бы утомительно писать всю эту картину; ограничимся каторжными и скажемъ, что по закону Сперанскаго они имѣютъ: 1) Свое церковное право, говѣя, исповѣдуясь, причащаясь и торжествуя православные праздники. 2) Свое семейное право, которое не уничтожается, если жена и дѣти слѣдуютъ за мужемъ, которое разрѣшается ссыльному, если за него выйдетъ даже не ссыльная, но конечно признается если и ссыльная, и притомъ такъ что будучи напр. не изъ каторжныхъ, но живя съ мужемъ она не принуждается къ каторжнымъ работамъ. Стало быть тутъ есть свои права мужа и жены, родителей и дѣтей, которые всѣ крестьяне. 3) Свое имущественное право, по которому деньги ссыльныхъ признаются ихъ собственностью, отсылаются изъ Россіи въ Тобольскій Приказъ, записываются въ особыя книги, пускаются въ оборотъ и пр. и выдаются съ процентами хозяевамъ, или ихъ наслѣдникамъ въ Сибири. Законъ упоминаетъ даже о домахъ и земляхъ каторжныхъ, въ размѣрѣ крестьянскаго надѣла. 4) Свое право на трудъ и на плату, которая нигдѣ не должна быть ниже извѣстнаго размѣра. 5) Свое право жалобъ, приносимыхъ въ Экспедицію о ссыльныхъ, имѣющую значеніе попечительницы. 6) Свои благотворительныя учрежденія,—больницы на принципѣ круговой поруки, или взаимнаго страхованія. 7) Свое уголовное право. Не администрація одна рѣшаетъ такія дѣла, а судъ. Было бы и справедливо и разумно внести въ разныя системы нашего права—каноническаго, семейственнаго, гражданскаго и уголовнаго, ученіе о правахъ каторжныхъ. Не отстала ли здѣсь наука или школа отъ юридическаго факта, созданнаго Сперанскимъ? Гдѣ въ правахъ—каноническомъ, семейственномъ, гражданскомъ, уголовномъ говорится о правахъ каторжныхъ? Мы обвинили бы географа, который промолчалъ бы про Сибирь,—какже не винить ученаго юриста, не говорящаго о правахъ adquisita? Да, Сперанскій и тутъ все рѣшаетъ не правомъ сильнаго, а скорѣе правомъ ссыльнаго. Кто же осмѣлится назвать Сперанскаго только сухимъ, бездушнымъ бюрократомъ?

1 января
1872 года.

М. И. КОВАЛЕНСКІЙ

(НЕКРОЛОГЪ).

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1871 года умеръ бывшій членъ московскаго окружнаго суда дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Ильичъ Коваленскій.

Періодическая пресса не отозвалась ни однимъ словомъ, ни однимъ напоминаніемъ о смерти М. И., какъ будто дѣятели магистратуры не заслуживаютъ съ ея стороны вниманія. Можетъ быть такое молчаніе періодической прессы объясняется простою случайностью, простымъ недосмотромъ репортера газеты или журнала. Но во всякомъ случаѣ фактъ этотъ крайне печаленъ—онъ указываетъ до какой степени даже гласный судъ и его коронные дѣятели стоятъ въ изолированномъ, невидномъ положеніи. А между тѣмъ М. И. былъ личность далеко недюжинная.

Изъ тѣхъ немногихъ біографическихъ свѣдѣній, которыя мы могли собрать, видно, что М. И. происходилъ изъ купеческаго сословія. Каково было его воспитаніе до университета намъ совершенно неизвѣстно. Мы знаемъ только, что М. И. въ 1835 году окончилъ полный курсъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата и поступилъ въ военную службу въ лейбъ-гвардію саперный полкъ. Но М. И. не принадлежалъ къ тѣмъ личностямъ, которыя дѣлали себѣ въ то время карьеру только своимъ мундиромъ. Будучи и военнымъ онъ продолжалъ свое образованіе. Мы видимъ, что въ 1839 г. онъ кончаетъ полный курсъ наукъ съ отличными успѣхами въ инженерномъ училищѣ. Служебную свою дѣятельность продолжаетъ въ Оренбургской инженерной командѣ и въ корпусѣ инженеръ - военныхъ поселеній. Въ 1840 году участвуетъ даже въ военной экспедиціи противъ Хивы.

Но мирная гражданская дѣятельность была болѣе свойственна натурѣ М. Н. Онъ прикомандировывается въ инженерный корпусъ для занятій, а затѣмъ назначается инспекторомъ училищъ Кавказскаго учебнаго округа и управляющимъ Шемакино - Дербентской дирекціи,

гдѣ пробылъ до упраздненія этой дирекціи. Съ окраинъ Россіи онъ въ послѣдствіи переходитъ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ въ Ставрополь, а потомъ въ Воронежъ. Въ это же время, какъ въ Ставрополѣ, такъ и въ Воронежѣ состоялъ директоромъ тюремнаго комитета. Въ 1859 г. М. И. выходитъ въ отставку.

Въ это время въ нашемъ обществѣ происходила усиленная, небывалая дѣятельность. Правительство и все мыслящее общество занято было разрѣшеніемъ великой крестьянской реформы. Сама періодическая пресса призвана была къ теоретической разработкѣ вопроса объ устройствѣ сельскаго населенія. Лучшіе наши дѣятели-теоретики принесли посильную помощь для разработки этого вопроса. Сидя на школьной скамьѣ, мы хорошо помнимъ съ какимъ лихорадочнымъ трепетомъ разрѣзывались и читались книжки русскихъ журналовъ, трактующіе о крестьянской реформѣ. Всякая новая статья приносила за собою рядъ вопросовъ, рядъ оживленныхъ споровъ.

М. И. и здѣсь не остался позади движенія и здѣсь онъ практически старался осуществить тѣ вопросы, которые разрабатывались и законодательнымъ порядкомъ и путемъ прессы.

Когда крестьянская реформа осуществилась, когда послѣдовалъ знаменитый указъ 19 февраля 1861 г. объ освобожденіи слишкомъ 20 мил. населенія отъ крѣпостной зависимости, М. И. въ московской губерніи былъ одинъ изъ первыхъ, осуществлявшій на практикѣ крестьянскій вопросъ. 22 іюля 1861 г. онъ утвержденъ былъ мировымъ посредникомъ по звенигородскому уѣзду. Память объ немъ и до настоящаго времени дорога и помѣщикамъ и всей той массѣ крестьянскаго населенія, съ которой сталкивался М. И. и какъ мировой посредникъ и какъ человѣкъ. Здѣсь-то всецѣло проявлялась его честная, правдивая, неподкупная, всегда всѣмъ и каждому доступная, любящая натура. Впослѣдствіи когда М. И. былъ членомъ московскаго окружнаго суда звенигородское земство постоянно выбирало его въ гласные и нѣсколько разъ онъ выбранъ былъ *единогласно*. Фактъ, доказывающій то общее довѣріе, то уваженіе, которое умѣлъ заслужить себѣ своею дѣятельностью М. И.

Но не одна практическая дѣятельность занимала развитой умъ М. И. Онъ постоянно слѣдилъ и за нашей прессой.

Съ освобожденіемъ крестьянъ экономическія условія въ жизни русскаго народа измѣнились. Все, что жило прежде крѣпостнымъ трудомъ, должно было или само трудиться, или входить въ соглашеніе съ трудящимися за извѣстную плату, за извѣстое вознагражденіе. Выдвинулся вопросъ о томъ, что такое народное хозяйство, въ чемъ его богатство? что выгоднѣе наемный или крѣпостной трудъ?

Началась теоретическая разработка экономическихъ вопросовъ. Появились цѣлые трактаты оригинальные и переводные; рядъ публичныхъ лекцій, знакомящихъ общество съ элементарными понятіями политической экономіи. Каждый журналъ того времени на первомъ планѣ

ставилъ эти вопросы и журналъ чѣмъ болѣе разрабатывалъ ихъ, тѣмъ большимъ кредитомъ пользовался со стороны интеллектуальной части нашего общества. И въ этомъ движеніи М. И. принималъ участіе. Въ 1863 году, состоя еще въ должности мироваго посредника, близко познакомившись съ нуждами и потребностями большинства населенія, М. И. задумалъ разработать ученіе о народномъ богатствѣ. Съ этою цѣлью онъ въ 1863 г. издалъ въ свѣтъ: „Новыя начала политической экономіи". Въ предисловіи къ этой книгѣ онъ говоритъ: „мы дѣлаемъ „первый шагъ въ новомъ направленіи науки, которое по нашему мнѣнію „дѣйствительно можетъ содѣйствовать достиженію истиннаго *народнаго „богатства*—матеріальнаго благосостоянія *всѣхъ отдѣльныхъ личностей*, „составляющихъ народъ". Продолженіе этого труда, хотя и обѣщано было авторомъ, но не появилось, сколько намъ извѣстно, въ печати. Первый томъ въ сущности никакихъ новыхъ началъ въ науку политической экономіи не внесъ. Въ этой книгѣ М. И. добросовѣстно вооружился противъ установившагося мнѣнія большинства политико-экономовъ, односторонникъ послѣдователей Адама Смита: „что *народное богатство есть итогъ имуществъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ личностямъ, составляющимъ народъ*. По мнѣнію М. И. *народное богатство*— для котораго наука политической экономіи вырабатываетъ законы — *есть не итогъ имуществъ*, принадлежащихъ отдѣльнымъ личностямъ, составляющимъ народъ, а такое экономическое положеніе всѣхъ отдѣльныхъ личностей, составляющихъ богатый народъ, при которомъ каждая изъ этихъ личностей богата, имѣетъ постоянную возможность удовлетворять всѣмъ своимъ матеріальнымъ потребностямъ, или иначе говоря, *богатство всѣхъ отдѣльныхъ личностей составляющихъ народъ*".

Здѣсь конечно не мѣсто касаться разбора этой книги, указывать на ея достоинства и недостатки. Но замѣтимъ только, что одна постановка вопроса на тѣхъ широкихъ основаніяхъ, на которыхъ задумалъ М. И. разработать свой трудъ, показываетъ, что личность М. И. была недюжинною, что все чѣмъ интересовался русскій мыслящій умъ, все что стояло на очереди, во всемъ этомъ онъ принималъ горячее, дѣятельное участіе.

Вслѣдъ за крестьянской реформой стояла на очереди реформа судебная, не менѣе великая по своимъ послѣдствіямъ для русской общественной жизни. Если съ крестьянской реформой должны были измѣниться экономическія условія быта русскаго народа, то съ правильно поставленной судебной реформой въ обществѣ должна была возникнуть новая правовая жизнь, равноправность всѣхъ и каждаго передъ закономъ не на бумагѣ, а въ дѣйствительности. Дѣятели новаго суда поставлены были судебною реформою въ независимое, несмѣняемое положеніе. М. И. первоначально поступилъ мировымъ судьею въ звенигородскій уѣздъ, гдѣ пробылъ недолго и въ октябрѣ мѣсяцѣ 1866 г.

поступилъ въ члены московскаго окружнаго суда по гражданскому отдѣленію.

Задача для судей того времени была самая тяжелая. Если и въ настоящее время въ нашей судебной практикѣ не исчерпаны всѣ процессуальные вопросы, если и въ настоящее время встрѣчается множество недоразумѣній въ примѣненіи статей устава гражданскаго судопроизводства, то пять лѣтъ назадъ всякому понятно, что недоразумѣній этихъ встрѣчалось несравненно болѣе. Судьямъ приходилось впервые осуществлять судебную реформу, дѣлать первый шагъ. М. И. съ достоинствомъ потрудился и на этомъ многотрудномъ поприщѣ. Укажемъ здѣсь для характеристики на два, на три факта изъ судебной его дѣятельности.

М. И. по характеру своему былъ человѣкъ въ высшей степени нравственный, мѣрившій достоинство человѣка его нравственными качествами. Его всегда волновало, всегда возмущало, когда приходилось разрѣшать ему дѣло *по совѣсти несовсѣмъ чистое*, хотя *юридически правое*. Такъ въ одно время въ нашихъ судахъ появился рядъ процессовъ о взысканіи неустоекъ. Такого рода иски въ большинствѣ случаевъ возникали изъ несовсѣмъ чистыхъ источниковъ. Такъ напримѣръ домовладѣлецъ, пользуясь довѣріемъ и незнаніемъ квартиранта, невносившаго своевременно за квартиру денегъ единственно потому, что принося въ срокъ деньги домовладѣльцу получалъ отвѣтъ отъ прислуги, что хозяина дома нѣтъ,—предъявлялъ въ судъ контрактъ объ уничтоженіи договора, объ очищеніи квартиры и о взысканіи неустойки за несвоевременный взносъ денегъ.Въ такихъ дѣлахъ законъ всецѣло стоитъ за домовладѣльцевъ, за нимъ формальное право, и квартиранту - отвѣтчику приходилось волей-неволей подчиниться рѣшенію суда о взысканіи между прочимъ и неустойки. Вотъ въ такихъ-то дѣлахъ и подобнаго рода совѣсть М. И. крайне возмущалась и мы неоднократно наблюдали за его движеніями, за его жестами, указывающими, что по совѣсти ему тяжело было согласиться съ такимъ рѣшеніемъ, и подчасъ формальная правда,проводимая въ рѣшеніяхъ его сотоварищами, преклонялась предъ тою матеріальною правдою, предъ тѣми высокими нравственными началами, которыя желалъ провесть М. И. и въ рѣшеніяхъ по нѣкоторымъ дѣламъ гражданскаго права.

Была и другая черта въ характерѣ М. И., которая дѣлала личность его для всѣхъ крайне симпатичною. Мы говоримъ о той доступности,о той предупредительности, съ которой встрѣчалъ М. И. всѣхъ и каждаго, обращающихся къ нему за справками,за совѣтами по дѣламъ,находящимся у него въ производствѣ. Проситель уходя отъ М. И. выносилъ отрадное впечатлѣніе. Онъ въ дѣйствительности убѣждался,что судъ для всѣхъ и каждаго доступенъ, что съ нимъ,просителемъ,человѣкомъ безъ всякихъ протекцій, обращаются по-человѣчески, не выставляютъ предъ нимъ аттрибуты судебной власти, а проявляютъ эту власть только тамъ, гдѣ ей мѣсто, т.-е. на судѣ въ

совершенно свободныхъ,независимыхъ,самостоятельныхъ и неподкупныхъ рѣшеніяхъ—черта край не дорогая для судьи, который долженъ проявлять власть только въ рѣшеніяхъ судебныхъ и быть вполнѣ доступнымъ, вполнѣ предупредительнымъ съ просителями.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ М. И. долженъ былъ выдти въ отставку. Носились слухи, что онъ хотѣлъ принять на себя званіе присяжнаго повѣреннаго. Если слухъ этотъ былъ справедливъ, то наша возникающая адвокатура сдѣлала бы цѣнное пріобрѣтеніе въ лицѣ М. И. Въ нашъ вѣкъ, когда мѣриломъ достоинства и ума человѣка нерѣдко ставятъ богатство быстро имъ пріобрѣтенное, личности подобныя М. И. ставящія на первый планъ для оцѣнки человѣка нравственныя его качества, служили бы противовѣсомъ того отчасти меркантильнаго направленія, если можно такъ выразиться, которое проявлялось въ нашей адвокатурѣ въ ея первое пятилѣтіе.

Но М. И. не суждено было проявить свои высоко-нравственныя качества въ той профессіи, которая ведетъ, по справедливому выраженію M. Billecocq, человѣка le plus souvent à la considération publique, quelquefois à la gloire, presque jamais à la fortune. *)

М. И. умеръ неожиданно отъ давно гнетущей его болѣзни. Послѣ него осталось многочисленное семейство почти безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Миръ памяти честнаго дѣятеля, честнаго человѣка.

—С.—

---

*) Discours sur la profession d'avocat, Billecocq въ Barreau français, II Serie, т. 1 изд. 1821 г.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Заимствуемъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* слѣдующія извѣстія, переданныя этой газетѣ изъ Петербурга: 1) въ виду невозможности разсмотрѣть въ нынѣшнюю сессію государственнаго совѣта составленный коммиссіей, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Урусова, проектъ закона о печати, на министра внутреннихъ дѣлъ возложено составить проэктъ временныхъ правилъ о печати, который и будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ въ январѣ 1872 г. Проэктъ же закона о печати, составленный вышеупомянутою коммиссіею, поступитъ въ государственный совѣтъ, какъ предполагаютъ, не ранѣе ноября 1872 г. 2) Въ самомъ непродолжительномъ времени раздѣленіе Петербурга на слѣдственные участки будетъ отмѣнено и судебные слѣдователи, опредѣленные для слѣдствій собственно по столицѣ, будутъ производить ихъ на всемъ пространствѣ города. Порядокъ распредѣленія занятій между слѣдователями будетъ опредѣленъ, примѣняясь къ ст. 227 учр. суд. уст., постановленіемъ общаго собранія отдѣленій окружнаго суда, по предложенію прокурора суда, утвержденному министромъ юстиціи.

— *Голосъ* слышалъ, что вслѣдствіе внесеннаго министерствомъ юстиціи въ государственный совѣтъ представленія о разъясненіи порядка примѣненія Высочайше утвержденнаго 3 марта 1871 года мнѣнія государственнаго совѣта объ уничтоженіи слѣдственныхъ участковъ въ Петербургѣ, департаментомъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ постановлено: въ дополненіе къ вышеозначенному положенію относительно производства судебными слѣдователями слѣдствій въ Петербургѣ, на всемъ пространствѣ города, предоставить министру юстиціи право измѣнять составленныя общимъ собраніемъ окружнаго суда правила о порядкѣ распредѣленія занятій между слѣдователями, какъ при первоначальномъ разсмотрѣніи этихъ правилъ, такъ и послѣ по указаніямъ опыта.

— По словамъ Петербургскихъ газетъ, Н. В. Бергъ, согласно слѣланному имъ заявленію, началъ въ началѣ 1872 г. процессъ противъ Н. В.

Гербеля за помѣщеніе въ изданномъ послѣднимъ *Сборникѣ славянской поэзіи* переводовъ Н. В. Берга безъ его согласія.

— Въ оффиціальной газетѣ Итальянскаго королевства отъ 5 января напечатанъ декретъ, обнародующій конвенцію между Италіей и Германіей о взаимной выдачѣ преступниковъ.

— Въ англійскихъ газетахъ пишутъ, что одинъ гражданинъ города Салисбюри, отказавшійся отъ принятія должности мера, въ которую онъ былъ выбранъ въ прошедшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ, приговоренъ мѣстнымъ мировымъ съѣздомъ къ штрафу во 100 ф. ст.

— *Московскія Вѣдомости* передаютъ слухъ, что назначенное на 18 января дѣло о скопцахъ Соболевѣ, Скворцовѣ и другихъ, въ числѣ 79 человѣкъ, отложено на 21 марта.

— Въ *Русскія Вѣдомости* сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія о духовно-судебной реформѣ. Прокурорская должность въ епархіальныхъ судахъ упраздняется. Архіереи будутъ своею властью предавать духовныхъ лицъ суду, а также утверждать приговоры, или переносить ихъ въ судебное синодальное отдѣленіе или архіерейскій соборъ; туда же могутъ жаловаться и недовольные рѣшеніемъ суда. Такимъ образомъ остается въ прежней силѣ обычай, по которому архіерей есть въ одно и тоже время администраторъ и судья во ввѣренной ему епархіи. Высшей кассаціонной инстанціей будетъ Святѣйшій Синодъ. Вопросъ о томъ, гдѣ быть архіерейскому собору, который будетъ состоять изъ 4 архіереевъ и 2 протопресвитеровъ,—въ Москвѣ, или въ Петербургѣ не рѣшенъ еще окончательно.

—30 декабря, въ Москвѣ въ половинѣ двѣнадцатаго часа, на Ходынскомъ полѣ, при сборныхъ войскахъ и большомъ стеченіи народа, разстрѣлянъ рядовой Герасимовъ, покушавшійся на жизнь смотрителя исправительной тюрьмы, полковника Михнева.

— Въ *Московскія Вѣдомости* сообщаютъ, что коммиссія, учрежденная для преобразованія судебной части по духовному вѣдомству, полагаетъ въ непродолжительномъ времени окончить свои занятія и представить проэктъ выработаннаго ею положенія на разсмотрѣніе святѣйшаго синода.

— Въ 1871 г., какъ сообщаетъ *Правительственный Вѣстникъ*, разрѣшено изданіе ежедневной газеты „*Курьеръ*“, заключающей въ себѣ ежедневный перечень дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ правительствующемъ сенатѣ, судебной палатѣ, окружномъ судѣ и въ столичномъ мировомъ съѣздѣ.

—Въ послѣдней книжкѣ нашего журнала, мы передали сообщенный нами слухъ о томъ, что петербургскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ просилъ министерство юстиціи предоставить ему право выдавать частнымъ ходатаямъ дозволительныя свидѣтельства. Въ настоящее время совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ опровергаетъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* этотъ слухъ.

— По свѣдѣніямъ *Русскаго Міра*, въ государственномъ совѣтѣ, между прочимъ, будетъ слушаться дѣло о дополненіи ст. 256 учр. суд. уст., опредѣляющей порядокъ обревизованія судебныхъ установленій.

— По словамъ той же газеты, харьковское земство уполномочило губернскую управу, кромѣ расходовъ по взысканію съ Полякова 300.000 руб., употребить на вознагражденіе повѣреннаго г. Унковскаго до 5% со всей взысканной суммы.

— *Московскія Вѣдомости* сообщаютъ, что согласно состоявшемуся недавно постановленію государственнаго совѣта, разрѣшено отпустить кабинету Его Величества, въ возмѣщеніе убытковъ по содержанію ссыльно-каторжныхъ въ Нерчинскихъ заводахъ съ 1858 по 1863 годъ, 246,877 р. 35 к. съ разсрочкой этой уплаты на шесть лѣтъ, равными долями т.-е. по 41,146 р. 22 к. въ годъ, начиная съ 1872 г.

— Въ *Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* напечатанъ циркуляръ генералъ-губернатора Восточной Сибири къ начальникамъ губерній и областей, въ которомъ говорится, что до свѣдѣнія генералъ-губернатора дошло, что „въ особенности въ тюремныхъ больницахъ и на этапахъ неопрятность и неряшество дошли до высшей степени, бани для арестантовъ не топятся, бѣлье не моется и не перемѣняется, пища приготовляется небрежно и припасы для оной употребляются не надлежащаго качества, помѣщенія не освѣжаются и не отапливаются по положенію.“

— Въ № 13 *Голоса* за нынѣшній годъ были сообщены подробности по дѣлу объ отставномъ поручикѣ Константинѣ Хомато, обвиняемомъ въ мошенничествѣ и кражѣ. Хомато былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ. Нынѣ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* сообщаютъ, что этотъ приговоръ такъ сильно подѣйствовалъ на подсудимаго, что онъ въ туже ночь, т.-е. съ 11 на 12 января, скоропостижно умеръ (отъ удара).

— По извѣстію, сообщаемому *Новымъ Временемъ*, политическое дѣло о напечатаніи прокламаціи студентомъ Гончаровымъ должно разсматриваться въ санктпетербургской судебной палатѣ во второй половинѣ января.

— *Современность* передаетъ, что, какъ этой газетѣ „положительно извѣстно“, коммиссія по преобразованію церковнаго суда до наступившаго 1872 года еще не пришла ни къ какому окончательному результату, и только съ первыхъ (уже открывшихся) засѣданій текущаго года въ коммиссіи началось окончательное обсужденіе основныхъ положеній новаго церковнаго судоустройства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательное рѣшеніе вопроса о прокуратурѣ. Для развитія же и формулированія частныхъ правилъ судоустройства, предполагается впослѣдствіи назначить особую коммиссію.

— *Голосъ* передаетъ, что распоряженіемъ министерства юстиціи поручено предсѣдателямъ окружныхъ судовъ предложить состоящимъ подъ ихъ предсѣдательствомъ окружнымъ судамъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность нотаріусамъ совершать и свидѣтельствовать разнаго рода акты, означенные въ ст. 1.740 и 1.743 т. X и ст. 291 XI т. уст. торг., не иначе какъ по предъявленію имъ участвующими въ актѣ лицами торговыхъ документовъ или квитанцій въ уплатѣ установленныхъ пошлинъ за свидѣтельства, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, отвѣтственности по силѣ ст. 468 улож. о нак.

— *Русскій Міръ* передаетъ, что въ Петербургской управѣ благочинія производится въ настоящее время взысканій по однимъ векселямъ на громадную сумму 28 милліоновъ рублей. Въ кассѣ управы находится до 400.000 р., полученныхъ по взысканіямъ и невыданныхъ, потому что лица, которымъ принадлежатъ эти деньги, не явились еще за ними.

— Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщено, что мировыя судебныя учрежденія западнаго края приписаны: Виленской, Ковенской и Гродненской губерній—къ Петербургской судебной палатѣ; Могилевской, Минской и Витебской губерній—къ Московской судебной палатѣ; остальныя къ Одесской. 1-го марта вводятся мировыя судебныя учрежденія въ Виленской губерніи.

— По свѣдѣніямъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, въ понедѣльникъ 10 января, въ общемъ собраніи департаментовъ государственнаго совѣта разсматривался вопросъ о проэктѣ, внесенномъ министромъ юстиціи и уже прошедшемъ чрезъ департаментъ законовъ, на основаніи коего предполагалось разрѣшить министерству юстиціи производить внезапныя ревизіи новыхъ судебныхъ мѣстъ. Это усиленіе уже существующаго въ другой формѣ контроля центральнаго административнаго органа судебнаго вѣдомства надъ дѣйствіями независимыхъ по закону и несмѣняемыхъ судей встрѣтило сильную оппозицію со стороны многихъ членовъ совѣта и послѣ оживленныхъ преній, въ которыхъ прямо ставился вопросъ: что дѣлать въ случаѣ если ревизія откроетъ неудовлетворительность или неспособность даннаго состава суда, рѣшено обратить министерскій проэктъ ко вторичному разсмотрѣнію въ департаментѣ законовъ, въ новомъ составѣ послѣдняго, опредѣленномъ Высочайшимъ указомъ 1-го января тскущаго года.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

КОММИССІОНЕРА

ТИПОГРАФІИ И ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАНЦЕЛЯРІИ,

И. П. АНИСИМОВА

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой.

ВЪ МОСКВѢ,
на Никольской улицѣ, въ д. Заиконоспасскаго монастыря.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ПРОДАЖА КНИГЪ, ЗАКОНОВЪ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА, А РАВНО И ВСѢХЪ ПРОЧИХЪ ВНОВЬ ВЫХОДЯЩИХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ШЕСТОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ

20 НОЯБРЯ 1864 ГОДА

СЪ РАЗЪЯСНЕНІЕМЪ ИХЪ ПО РѢШЕНІЯМЪ

КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 25 к., въ англійскомъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р. Вѣсъ за 2 ф.

Анисимовъ А. Военно-судебный уставъ XXIV кн. св. воен. пост. изд. 1869 г., разъясненный: а) мотивами, на которыхъ онъ основанъ и б) рѣшеніемъ главн. воен. суда за 1867, 1868, 1869 и 1870 г. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. Вѣсъ за 2 ф.

Анисимовъ А. Первое приложеніе военнаго устава о наказаніяхъ, разъясненное: а) мотивами, на которыхъ оно основано и б) рѣшеніемъ главнаго военнаго суда. В. 1871 г. Ц. 1 р. Вѣсъ за 1 ф.

Арефа Н. Систематическій сводъ почтовыхъ постановленій, относящихся до корреспонденціи частныхъ лицъ. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. Вѣсъ за 1 фунтъ.

Бернштейнъ К. Ученіе о раздѣлительныхъ обязательствахъ по римскому праву и новѣйшимъ законодательствамъ. Спб. 1871 г. Ц. 1 руб. 50 к. Вѣсъ за 2 ф.

Буцковскій. Основанія кассаціонной практики по вопросамъ преюридиціальнымъ (предсудимымъ). Спб. 1872 г. Ц. 50 к. Вѣсъ за 1 ф.

Вербловскій Г. Систематическій сборникъ положеній и извлеченій изъ гражданскихъ кассаціонныхъ рѣшеній за 1870 г. Ц. 1 р. 25 коп. Вѣсъ за 1 ф.

Войно И. Сборникъ законовъ, правилъ, наставленій и распоряженій правительства для врачей, фармацевтовъ, ветеринаровъ и прочихъ медицинскихъ чиновъ 3 ч. К. 1872 г. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф.

Ворошиловъ Н. Критическій обзоръ ученія о раздѣленіи властей. Я. 1872 г. Ц. 2 р. Вѣсъ за 2 ф.

Временникъ демидовскаго юридическаго лицея кн. 1. Я. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ за 2 ф.

Габоріо Э. Убійство г-жи Леружъ. Перев. съ франц. О. 1872 г. Ц. 2 р. Вѣсъ за 2 ф.

Думашевскій А. Систематическій сводъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ сената 1866—1871 г. т. 1 Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ за 2 ф.

Записки по церковному законовѣдѣнію. Кіевъ 1871 г. Ц. 1 р. Вѣсъ за 2 фунта.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора святѣйшаго синода графа Д. Толстаго по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1871 г. Спб. 1871 г. Ц. 50 к. Вѣсъ за 2 ф.

Миклашевскій В. О средствахъ представленія обвиняемаго въ судъ и пресѣченія ему свободы уклоняться отъ слѣдствія и суда. В. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ за 2 ф.

Молчановъ А. Систематическій указатель рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Спб. 1872 г. Ц. 75 коп. Вѣсъ за 1 ф.

Мордухай-Болтовскій. Сборникъ узаконеній для руководства чинамъ полиціи и корпуса жандармовъ. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. Вѣсъ за 1 ф.

Неклюдовъ Н. Руководство для мировыхъ судей, уставъ уголовнаго судопроизводства т. 1. Спб. 1872 г. Ц. 4 р. Вѣсъ за 4 ф.

Отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи за смѣтный періодъ 1870 г. Ц. 1 р. Вѣсъ за 5 ф.

Проектъ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, внесенный въ 1844 году въ государственный совѣтъ, съ подробнымъ означеніемъ основаній каждаго изъ внесенныхъ въ сей проектъ постановленій. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р. перес. за 4 ф.

Романовичъ-Словатинскій К. Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому. В. К. 1872 г. Ц. 1 р. Вѣсъ за 1 ф.

Тимоѳеевъ Н. Записки слѣдователя. Спб. 1872 г. Ц. 2 руб. Вѣсъ за 2 ф.

Уголовное уложеніе для сѣверо-германскаго союза 31 мая 1870 г. Спб. 1871 г. Ц. 80 к. Перес. за 1 ф.

Уставы торговой, фабричной и заводской промышленности и ремесленный. Изданіе третье. Спб. 1872 г. Ц. 2 р., въ англійск. коленкор. переплетѣ 2 р. 50 к.

Фрезе А. Очеркъ судебной психологіи. Казань 1871 г. Ц 1 р. Вѣсъ за 1 фунтъ.

Шелгуновъ Н. В. Податной вопросъ. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ за 1 ф.

ЗА МНОГО ЛѢТЪ

1859—1871.

В. Спасовича.

Содержаніе: **Судебныя рѣчи.** I. Дѣло о государственномъ преступленіи такъ называемое Нечаевское.—Рѣчь въ защиту А. Кузнецова.—Рѣчь въ защиту П. Ткачева.—Рѣчь въ защиту Е. Томиловой. II. Дѣло о мировомъ судьѣ Кирьякѣ, судимомъ за превышеніе власти.—III. Дѣло о порубкѣ въ лѣсахъ сестрорѣцкаго оружейнаго завода.—IV. Дѣло объ убійствѣ Фонъ-Зона.—V. Дѣло о Петрѣ Щаповѣ, судимомъ за изданіе писемъ объ Англіи Луи-Блана.—VI. Дѣло о М. Стравинскомъ и А. Сомовѣ, судимыхъ за оскорбленіе мѣстныхъ властей Эстляндской губерніи.—VII. Дѣло о графѣ Иракліи Марковѣ.—VIII Дѣло о Павлѣ Гайдебуровѣ, судимомъ за изданіе книги Вундта: Душа человѣка и животныхъ.—Теорія взлома.—Разборъ 2 части курса Гражданскаго Права К. Побѣдоносцева: о правахъ семейственныхъ.—Уголовно-статистическіе этюды Н. Неклюдова.—О смертной казни.—Г. Лохвицкій и диффамація.—Объясненіе съ г. Лохвицкимъ по поводу диффамаціи и проч. и проч. СПБ. 1872 г. ц. 3 р. 60 к. вѣсов. за 3 ф.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

Первая часть десятаго тома съ ея историческими основаніями.

КНИГА ВТОРАЯ.

О порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества вообще.

Составленная Митрофаномъ Шимановскимъ.

Цѣна безъ пересылки 3 руб. съ пересылкою 3 руб. 60 коп.

Выпускъ этотъ есть продолженіе книги, которой онъ носитъ заглавіе, а потому само собой понятно, что согласно принятой программы составителя, въ этотъ выпускъ вошли лишь указы впервые встрѣчающіеся; тѣ же, которые встрѣчались въ первомъ выпускѣ, здѣсь не приводятся, а на нихъ сдѣлана лишь ссылка.

Лица желающіе пріобрѣсть этотъ *второй выпускъ*, а также и *первый*, цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкою 3 руб. оставшійся въ самомъ ограниченномъ количествѣ, благоволятъ обращаться

Въ Казань:—въ Типографію К. А. Тилли.

Здѣсь же можно получить книгу о явкѣ и засвидѣтельствованіи домашнихъ духовныхъ завѣщаній, цѣною 1 руб.

X. — ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ:
1) По поводу статьи П. Н. Обнинскаго „Объ уголовномъ преслѣдованіи покусившихся на самоубійство.“ — **И. Н. Шестакова** 134
2) Недовольнымъ судомъ присяжныхъ.—**А. М. Фальковскаго.** 136
XI. — БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.—**Л. К.** 139
XII. — СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ГР. М. М. СПЕРАНСКАГО. 142
XIII. — НЕКРОЛОГЪ. Михаилъ Ильичъ Коваленскій.—**С.**— . . . 158
XIV. — РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ 163

Объявленія: 1) Объ изданіи въ 1872 г. **Юридическаго Вѣстника.** 2) Отъ книжнаго магазина **И. П. Анисимова.** 3) О выходѣ въ свѣтъ 2-й книги „О порядкѣ пріобр. и укрѣпл. правъ на имущества вообще“ **Митрофана Шимановскаго.**

Продолженіе сочиненія Ле-Беркье «Новѣйшая адвокатура» въ переводѣ В. И. Кохнова начнется съ слѣдующей книжки.

Юридическій Вѣстникъ

выходитъ въ 1872 году ежемѣсячно книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ и болѣе.

Цѣна за годовое изданіе **5** р., съ пересылкою **6** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **Москвѣ**: въ редакціи Юридическаго Вѣстника на Малой Бронной, въ д. Фальковской. Въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова на Никольской улицѣ; И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ, и А. И. Глазунова на Кузнецкомъ мосту.

Въ **С-Петербургѣ**: Въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Авторы статей, доставляемыхъ въ редакцію для печатанія, благоволятъ присовокуплять къ нимъ и условія, на которыхъ желаютъ печатать.

Редакторы: В. Н. ЛЕШКОВЪ.
А. М. ФАЛЬКОВСКІЙ.

00083626
ЮФ СПбГУ